

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Графа М. Толстаго.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Воцареніе Михаила Романова.—Подвигъ Сусанина.—Возвращеніе изъ плѣна митрополита Филарета.—Дѣятельность его въ санѣ патріаршемъ: народная перепись; патріаршіе приказы; исправленіе богослужебныхъ книгъ.—Труды и страданія преп. Діонисія.—Учрежденіе сибирской епархіи.—Сношенія съ Грузіей.—Принесеніе ризы Господней въ Москву.—Преставленіе Филарета.—Отношенія его къ папству и протестантству.—Патріархи Іоасафъ I и Іосифъ.—Кончина царя Михаила.

Слово Авраамія Палицына, при единодушномъ избраніи на царство Михаила Романова: „Се бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога“—оказалось вѣщимъ и сбылось на дѣлѣ. Новый царь, „излюбленный всею землею“, сталъ залогомъ успокоенія церкви и государства. При ближайшихъ потомкахъ Михаила укрѣпилось царство Русское, и до наш хъ дней, по милости Божіей, на престолѣ обширной и сильной Имперіи сіяютъ доблестями и славою державныя отрасли дома Романовыхъ.

Провозгласивъ царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, Земскій Соборъ назначилъ ѣхать къ нему „въ чело-битчикахъ“: Ѳеодориту, архіепископу Рязанскому, съ Владимірскою иконою Богоматери и образомъ Московскихъ чудотворцевъ, троимъ архимандритамъ—Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому, Троицкому келарю Авраамію Палицыну, троимъ протопопамъ, боярамъ—Ѳеодору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владиміру Ивановичу Бохтеярову-Ростовскому съ нѣсколькими окольничими, стольниками и выборными людьми изъ городовъ. Посольство выѣхало изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила.

Между тѣмъ послы Земскаго Собора прибыли въ Кострому и 14 марта, поднявъ иконы, принесенныя изъ Москвы, и чудотворную Ѳеодоровскую икону Богоматери, изъ Костромскаго Успенскаго собора, пошли всѣ съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ избранный царь съ матерью, инокинею Мареею Ивановною. Они встрѣтили образа за монастыремъ; но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ: „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“, что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Мареея приба-

вила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты отъ Собора и говорили рѣчи по наказу, но получили прежній отвѣтъ; Марѳа говорила, что у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всяческихъ чиновъ люди по грѣхамъ „измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили“; что Михаилу быть на государствѣ, а ей благословить его на государство только на гибель; кромѣ того, отецъ его, митрополитъ Филаретъ, теперь у короля въ Литвѣ въ большемъ утѣсненіи, и враги, свѣдавъ объ избраніи сына его на царство, могутъ погубить Филарета. Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презиралъ: выбрали его по изволенію Божию, не по его желанію, положилъ Богъ единымъ сердцемъ всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. Все прежнее зло, говорили они, дѣлалось попусценіемъ Божиимъ, да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ, во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь Московскаго государства „люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ“. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часу дня до девятого, говорили, чтобъ онъ воли Божіей „не спималъ“ и былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Богъ взыщеть на немъ конечное разореніе государства. Наконецъ священныя чины, подъявъ на рукахъ честныя кресты и чудотворныя иконы, подошли съ ними къ Михаилу, и Теодоритъ съ твердостію сказалъ: „не противься волѣ Божіей: не мы предприняли сей подвигъ, но Пречистая Божія Матерь возлюбила тебя,—устыдись пришествія Ея“. Смутился Михаилъ отъ неожиданной, строгой святительской рѣчи, въ которой мнилъ слышать гласъ самого Бога; твердость его поколебалась: онъ подошелъ въ слезахъ къ матери, чтобы въ ней найти себѣ подкрѣпленіе; но въ то же время Теодоритъ со всѣмъ соборомъ и бояре съ выборными отъ всѣхъ родовъ, и народъ пали на колѣна предъ инокинею Марѳою Ивановною, рыдая и умоляя ее именемъ Бога, Церкви и страждущаго отечества—отдать сына на утѣшеніе народа Русскаго, на спасеніе церкви, вѣры и отечества. „Смотри, говорили они въ слезахъ, указывая на чудотворныя иконы, кто желаетъ сего, кто пришелъ привѣтствовать тебя съ избраннымъ царемъ — сыномъ твоимъ“. Наконецъ благочестивая инокиня съ твердостію сказала сыну: „Божіе есть сіе дѣло, а не чловѣческій разумъ“. Тогда сынъ повергся на землю предъ чудотворными иконами Богоматери и, рыдая, произнесъ: „аще есть на то воля Твоя, я—Твой рабъ, спаси и соблюди меня“. Потомъ, вставши и обратившись къ посламъ, сказалъ: „аще есть на сіе дѣло воля Божія, буди тако“. Затихли въ храмѣ рыданія; на лицахъ присутствовавшихъ въ немъ

слезы печали превратились въ слезы радости; вѣсть о милостивомъ словѣ новаго царя мгновенно перелетѣла за стѣны храма и вложила въ сердца всѣхъ восторгъ невыразимый. Благочестивая старица взяла руку сына и, вмѣстѣ съ нимъ преклонивъ колѣна предъ ликомъ Заступницы рода христіанскаго, со слезами изрекла: „въ Твои пречистыя руки, Владычице, предаю чадо мое, настави его на путь истинный, устрой полезная ему и всему православному христіанству“ ¹⁾. Тотчасъ возложили на государя животворящій крестъ, поднесли царскій жезлъ и предложили стулъ царскій. Самодержецъ всея Россіи слушалъ Божественную литургію и торжественное молебствіе, при окончаніи котораго возглашено было многолѣтственное поздравленіе царю богоизбранному. Такъ совершилось воцареніе Михаила Ѳеодоровича въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ въ 14 день марта 1613 года, съ того самаго времени доселѣ торжественно празднуемый Церковію въ честь Ѳеодоровскія иконы Богоматери.

Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства „наказались“ и пришли въ соединеніе—эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ люди Московскаго государства научились, что значить „рознь и шатость“, развязывающія руки измѣнѣ. Земскіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство и отнынѣ могутъ уже поддерживать новаго государя. Казны нѣтъ и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими казаками, не знающими мѣры своему буйству; Заруцкій грозитъ съ юго-востока, Шведы и Поляки—съ запада; новый государь—неопытный, мягкосердечный юноша, около котораго нѣтъ людей сильныхъ умомъ и доброю волею, и, несмотря на все это, Михаилъ удержался на престолѣ: при первой опасности, при каждомъ важномъ случаѣ подлѣ царя видимъ Соборъ Земскій, одушевленный тою же ревностію, съ какою „последніе люди“ шли на очищеніе государства. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія, охраненія новаго царя, возстановлявшаго государственный порядокъ, до какой степени лучшіе люди наказались въ этомъ отношеніи, доказалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы послѣ сдачи Кремля, жилъ въ отчинѣ своей близъ Костромы, отрядъ Поляковъ (какъ говоритъ грамота, но по всей вѣроятности воровскихъ казаковъ, ибо Поляковъ уже не было тогда въ этихъ мѣстахъ), узнавъ объ избраніи новаго царя, отыскивалъ мѣсто его пребыванія съ цѣлью умертвить нежеланнаго имъ возстановителя государственнаго порядка. Враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ Костромскаго уѣзда села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показа-

¹⁾ Сказаніе Авраамія Палицына, стр. 298.

ніе, гдѣ скрывался Михаилъ. Сусанинъ зналъ, но не сказалъ, и былъ замученъ до смерти ²⁾).

Царское вѣнчаніе Михаила совершилось въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 11 іюля; въ священномъ обрядѣ первенствовалъ Ефремъ, митрополитъ Казанскій ³⁾).

И дума и дворъ въ первые годы царствованія Михаила находились въ смутномъ положеніи, изобличали беспорядокъ, бывающій обыкновенно слѣдствіемъ сильныхъ бурь: развалины старины слабыя, безпомощныя, лишеныя главныхъ опоръ своихъ, низвергнутыхъ бурей ⁴⁾); подлѣ нихъ нанесенный ураганомъ новый слой, также еще не утвердившійся крѣпко, не вошедшій въ свое новое положеніе. При такомъ неопредѣленномъ состояніи и при отсутствіи твердой руки, которая бы все привела въ порядокъ, каждому дала свое мѣсто, всего легче людямъ энергическимъ, ловкимъ, дерзкимъ, не разборчивымъ въ средствахъ, овладѣть волею другихъ и приобрѣсть видное мѣсто.

Наконецъ нашлась твердая рука для управленія кормиломъ государства. По заключеніи перемирія съ Ляхами и Литвою ⁵⁾ возвратился въ отечество доблестный родитель государя, митрополитъ Филаретъ, измученный долговременнымъ плѣномъ. Послѣ многихъ почетныхъ встрѣчъ на пути подь Москвою, на берегу рѣчки Прѣсни ⁶⁾,

²⁾ Тѣло Сусанина погребено въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, но мѣсто могилы, къ сожалѣнію, забыто. Зятю Сусанину, Богдану Савинину и всему его потомству дарована вѣчная свобода отъ всѣхъ податей, работъ, рекрутства и половина земли принадежащая деревнѣ Деревнищи; а такъ какъ село Домнино съ деревнями, въ томъ числѣ и показанная земля, по конціи инокини Марыи Ивановны, отказаны были Новоспаскому монастырю, то потомкамъ Сусанина дана взамятъ пустошь Коробово на лѣвомъ берегу Волги, отстоящая отъ Костромы въ 35 верстахъ. Они основали на сей землѣ деревню Коробово и донинѣ, пользуясь дарованными имъ правами, называются «бѣлопашпами». Они сохраняютъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича, подтвержденныя въ 1692 году царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, а въ 1767 году—императрицею Екатериною II,

³⁾ При вѣнчаніи на царство Михаила сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому; Козьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне. Яростные споры о мѣстахъ во время самаго торжества доказали, что Московскіе вельможи чувствовали себя столько же независимыми, какъ и въ эпоху междуцарствія.

⁴⁾ Знатнѣйшіе роды боярскіе мало-по-малу выбыли изъ думы: Романовы перешли на престолъ, удалились Годуновы, исчезли Шуйскіе безпотомственно, за ними Мстиславскіе, за тѣми Воротынскіе, погибли самыя важныя, самыя энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ наверху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе на составъ царской думы.

⁵⁾ Перемиріе съ Польшею на 14 лѣтъ заключено было въ лаврской деревнѣ Деулинѣ, въ 3 верстахъ отъ Троицкой лавры. Черезъ годъ сооруженъ тамъ деревянный храмъ во имя преп. Сергія, «истиннаго миротворца». Эта церковь превосходно, сохранившаяся до нашего времени, сгорѣла въ 1867 году.

⁶⁾ Рѣчка Прѣсня впадаетъ въ р. Москву въ Прѣсенской части города Москвы. Въ наше время этотъ ручей, запруженный плотинами, составляетъ изъ себя два пруда, занимаемые зоологическимъ садомъ.

встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги. Филаретъ сдѣлалъ то же самое передъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не имѣя силъ ни тронуться, ни говорить отъ радостныхъ слезъ (14 іюня 1619 г.).

Патріаршій престолъ послѣ Гермогена оставался празднымъ: дожидались Филарета, дожидался его іерусалимскій патріархъ Теофанъ, пріѣхавшій въ Москву за милостынею. вмѣстѣ съ владыками русскими Теофанъ предложилъ патріаршій престолъ Филарету, „зная, что онъ достоинъ такого сана, особенно же потому, что онъ былъ царскій отецъ по плоти, да будетъ царствію помощатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель“. Посвященіе Филарета послѣдовало 24 іюня.

Съ этого времени начинается въ Москвѣ двоевластіе: было два великихъ государя, Михаилъ Θεодоровичъ и отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ ⁷⁾, и это была не одна форма; всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, рѣшались обоими, послы иностранные представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавали двойныя грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филаретъ имѣлъ очень большую долю въ правленіи при малоопытномъ, молодомъ и тихомъ Михаилѣ. Этою неопытностію и мягкостію молодого царя уже успѣли воспользоваться люди, которымъ, по прежнимъ дѣламъ ихъ, не слѣдовало быть близъ престола. Иначе пошло дѣло, когда пріѣхалъ Филаретъ; нѣкоторые, привыкшіе къ своеволію при молодомъ царѣ, не желали возвращенія его родителя, который долженъ былъ положить предѣлъ этому своеволію; другіе, наоборотъ, были довольны тѣмъ, что съ пріѣздомъ Филарета они избавлялись отъ смутнаго и тяжкаго многовластія ⁸⁾.

Дѣятельность Филарета была обращена преимущественно на дѣла государственныя. Въ самомъ началѣ своего правленія предложилъ онъ мѣру простую, но весьма важную по послѣдствіямъ: произвести всеобщую поземельную перепись государству. Земскій соборъ вполнѣ одобрилъ предложеніе патріарха. Когда составилаь перепись, правительство стало знать, съ кого и сколько требовать, и доходы государственныя увеличились. Помѣщикамъ опредѣленъ рубежь, за который

⁷⁾ Путешественникъ Олеарій сохранилъ намъ печать Филарета: на одной сторонѣ была изображена Богоматерь, а на другой слѣдующая надпись: «Смиранный Курь Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію Великаго Государя Царя и Вел. Князя Михаила Θεодоровича всея Русси Самодержца по плотскому рожденію отецъ, волею Божіею по духовному чину Пастыръ и Учитель и по духу Отецъ, Святѣйшій патріархъ Московскій и всея Русси».

⁸⁾ Одинъ современникъ (въ хронографѣ митропол. Пахомія 1639 г.) такъ изображаетъ патріарха Филарета: «Божественныя писанія отчасти разумѣлъ, нравомъ мнителинъ, а владѣтелинъ таковъ былъ, яко и самому царю бояться его. Бояръ же и всякаго сана царскаго синклита зѣло томяше заточенми необратными и инѣми наказанми; къ духовному же сану милостивъ былъ. Всякими дѣлами царскими и ратными владѣлъ».

никто не могъ простирать своего права; крестьяне перестали бродить съ мѣста на мѣсто и въ нищенской праздности предаваться пьянству и грабежамъ.

Другимъ важнымъ дѣломъ державнаго первосвященника было учрежденіе патріаршихъ приказовъ. Изъ числа ихъ: а) приказъ судный, иначе патріаршій разрядъ, сталъ завѣдывать всею судебною частью въ значеніи епархіальнаго управления. Предметами завѣдыванія были: 1) дѣла о построеніи церквей; 2) опредѣленіе къ духовнымъ должностямъ, или, точнѣе,—выдача настольныхъ грамотъ; 3) разсмотрѣніе жалобъ на духовенство и духовныхъ лицъ между собою; 4) разсмотрѣніе преступленій противъ вѣры; 5) разсмотрѣніе завѣщаній и судъ по брачнымъ дѣламъ; б) Приказъ церковныхъ дѣлъ, наблюдавшій, чтобы никто не служилъ безъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ и при богослуженіи соблюдалось бы благочиніе. в) Казенный патріаршій приказъ, съ 1620 года, собиралъ доходы съ вотчинъ, посылалъ приказчиковъ, посельскихъ и житничныхъ старцевъ, бралъ пошлыны за грамоты и печать патріарха. г) Дворцовый приказъ, подъ управленіемъ дворецкаго съ дьяками, дѣлалъ заготовленія и расходы по продовольствію и постройкамъ патріаршаго дома и двора и завѣдывалъ служащими при дворѣ патріарха.

Печатаніе книгъ церковныхъ и мѣры къ исправленію ихъ возобновились въ Москвѣ еще до возвращенія Филарета изъ плѣна. Въ ноябрѣ 1616 года, царскимъ указомъ поручено архимандриту Сергіевской лавры Діонисію ⁹⁾, съ канонархистомъ старцемъ Арсеніемъ Глухимъ и священникомъ села Клементіевскаго (что нынѣ слобода Сергіевскаго посада) Иваномъ Насѣдкою, заняться исправленіемъ Требника. Діонисій и его сотрудники принялись за дѣло, ввѣренное имъ, съ живымъ усердіемъ и не безъ достаточныхъ пособій: кромѣ древнихъ славянскихъ рукописей, были у нихъ четыре греческихъ требника. Арсеній хорошо зналъ славянскую грамматику и языкъ греческій. Съ такими пособіями увидѣли, что позднѣйшіе списки Требника обезображены ошибками; особенно странно было видѣть, что **Требникъ, недавно издаанный**, изданъ былъ съ грубыми ошибками. Исправители сдѣлали, что могли сдѣлать,—по мѣрѣ силъ и убѣжденію своему. Но въ Москвѣ огласили ихъ еретиками. Въ іюлѣ 1618 г. на соборѣ положили: „архимандритъ Діонисій писалъ по своему изволу. И за то архимандрита Діонисія, да попа Ивана отъ церкви Божіей и литургіи служити отлучаемъ, да не священствуютъ“. Діонисія обвинили въ томъ, что „имя Святой Троицы“ велѣлъ въ книгахъ марать и Духа Святаго не „исповѣдуетъ, яко огонь есть“. Это означало: а) что исправители полагали сдѣлать перемѣны въ славословіяхъ Святой Троицы, оканчивающихъ собою разныя молитвы; б) въ чинѣ водоосвященія исключали слово „и огнемъ“, какъ внесенное произволомъ невѣже-

⁹⁾ Въ предыдущихъ «Разказахъ» мы неоднократно упоминали о преп. архимандр. Діонисіи.

ства¹⁰⁾. Напрасно Діонисій писалъ защищеніе поправкамъ своимъ. Пока происходили совѣщанія собора, Діонисія держали подъ стражею, а въ дни праздничные въ кандалахъ водили по улицамъ Москвы. Народъ кричалъ: „вотъ еретики! хочеть вывести огонь изъ міра“. И бросалъ въ него, чѣмъ попало. Преподобный, покрытый рубищемъ, былъ веселъ, какъ младенецъ. Потомъ въ Новоспасской обители томили его въ дыму на полатахъ и морили голодомъ. Арсеній также посаженъ былъ въ жестокое заключеніе. И цѣлый годъ продолжались истязанія съ Діонисіемъ. Главными обвинителями на соборѣ были: Сергіева монастыря уставщикъ Филаретъ, ризничій диаконъ Маркеллъ, да головщикъ старецъ Логгинъ. Маркеллъ мало извѣстенъ, но весьма извѣстны Логгинъ и Филаретъ. Головщикъ Логгинъ былъ прежде того справщикомъ книгъ при типографіи, и, слѣдовательно, теперь онъ стоялъ за личное свое дѣло. Все его достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ „громогласный пѣвецъ, и хитрость грамматическую и философство книжное нарицалъ еретичествомъ“. „Ты мастеръ всему,— замѣчалъ ему разъ преподобный Діонисій,— а что поешь и говоришь, о томъ не разсуждаешь; вопишь великимъ гласомъ: Аврааму и сѣмени, сѣмени его до вѣка“. Архимандритъ ввелъ читать въ храмъ бесѣды Златоустаго, переведенныя преподобнымъ Максимомъ Грекомъ,—а Логгину это „море сладости, яко лужа негодная, вмѣняшеся“. Наглость его не знала себѣ границъ, какъ и невѣжество. Уставщикъ Филаретъ былъ другомъ Логгина. Этотъ былъ еще замѣчательнѣе. Онъ иночествовалъ въ обители болѣе 50 лѣтъ, но „отъ простоты ненаученія двѣ мысли мудрованія недобраго на умъ его придоша; первая убо мысль сиеца: глаголаше бо, Господь нашъ Иисусъ Христосъ не прежде вѣкъ отъ Отца родися, но тогда, егда посланъ былъ Архангелъ Гавриилъ благовѣстити пресвятой Дѣвѣ Маріи. Другая же мысль ему бѣ мудрованіе: содѣтеля Бога, непостижимаго и неописаннаго, Отца и Сына и Святаго Духа, описана глаголаше и человѣчеобразна суца“.

Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, прибывъ въ Москву, обратилъ вниманіе любви на страдальцевъ: онъ предложилъ патріарху Филарету облегчить положеніе ихъ; Діонисій и Арсеїй освобождены были изъ темницы; Насѣдка успѣлъ освободиться отъ гоненія еще прежде. Совершенное же оправданіе Діонисію Филаретъ произнесъ не прежде того, какъ получилъ письменный отзывъ отъ другихъ патріарховъ. Тогда (въ 1626 г.) особенною грамотою повелѣлъ онъ не читать болѣе слова „и огнемъ“ въ молитвѣ водоосвященія и зачернить это слово въ Требникѣ. Такимъ образомъ волненіе невѣжества, дышавшаго расколомъ, было укрощено.

Исправленіе и печатаніе книгъ при патріархѣ Филаретѣ продолжалось непрерывно. Преп. Діонисій и сотрудники его указали много

¹⁰⁾ Арсеній Глухой пишетъ, что изъ числа 12 славянскихъ списковъ въ 10 спискахъ не было слова «и огнемъ»; въ одномъ изъ двухъ остальныхъ прописано оно на полѣ, а въ другомъ надъ строкою; но въ печатномъ требникѣ это слово внесено уже въ строку.

ошибокъ въ разныхъ церковныхъ книгахъ. Согласно съ волею патріарха особенно тщательно пересмотрѣны были Требникъ и Служебникъ. Но такъ какъ тревоги невѣжества, заволнававшася изъ-за одного слова, показывали, что весьма нужна осторожность въ дѣлѣ исправленія да и самъ патріархъ Филаретъ стремился болѣе всего охранить Русское отъ иноземнаго, отъ латинства; то въ исправленіи книгъ при немъ слѣдовали преимущественно также славянскимъ спискамъ. Въ 1633 г. окружною грамотою онъ требовалъ отобрать по всѣмъ мѣстамъ и прислать въ Москву для преданія огню уставъ, напечатанный справщикомъ Логгиномъ ¹¹⁾).

Въ то же время обращено особенное вниманіе на распространеніе христіанства между Сибирскими народами. Еще тогда, какъ при царѣ Грозномъ покорена была Сибирь, въ ней стали селиться по мѣстамъ Русскіе; въ 1603 г. уже крестились нѣкоторые изъ начальниковъ Чусовскихъ Вогуличей. Въ 1620 году, по ревностной заботливости патріарха Филарета, положено было, для успѣховъ вѣры, назначить архипастыря въ Тобольскъ; архіепископомъ поставленъ Кипріанъ, игуменъ Хутынскій, уже извѣстный ревностію къ отеческой вѣрѣ. Благочестивый царь Михаилъ снабдилъ Сибирскаго архіепископа пособіями жизни. Ревностный архипастырь выполнялъ надежды царя и патріарха, крестилъ многихъ невѣрныхъ въ св. вѣру; а чтобы и жизнь христіанъ не была соблазномъ для слабыхъ въ вѣрѣ, онъ старался врачевать то сильное разслабленіе нравовъ, какое видно было въ Русскихъ поселенцахъ того края. Это стоило ему многихъ трудовъ и огорченій. Для успѣховъ вѣры и благочестія построилъ онъ нѣсколько монастырей въ разныхъ мѣстахъ своей епархіи ¹²⁾).

Заботы первосвятителя обращались и на бѣдственную, отдаленную Иверію. Персидскій шахъ Аббасъ, пользуясь бѣдствіями Россіи, страшно опустошилъ Грузію. Кахетинскій царь Теймуразъ I въ 1619 г. писалъ къ царю Михаилу: „лучше бы у матери моей утроба пересохла и я бы не родился, нежели видѣть, что православная христіанская вѣра и земля Иверская при моихъ глазахъ разорены; въ церквахъ имя Божіе не славится и онѣ стоятъ все пусты“. Теймуразъ умолялъ подать помощь Грузіи. На соборѣ духовенства и земскихъ лицъ Кахетія, Карталинія и Имеретія приняты были въ подданство Русскаго царя. Россія спѣшила подать возможную помощь бѣдствующей Церкви и государству Грузіи. Въ 1637 г. при посольствѣ къ Теймуразу отправились „для разсмотря и исправленія христіанской вѣры“ Ипатскій архимандритъ, два священника съ діакономъ, два иконописца и столяръ съ матеріалами“.

¹¹⁾ Грамота Акт. Эксп. III, № 228. Уставъ, изданный въ 1610 году, повелѣно отобрать «для того, что печаталъ его воръ и бражникъ чернецъ Логгинъ не по отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ».

¹²⁾ Въ Туринскѣ Николаевскій, въ Алапаевѣ Невьянскій-Богоявленскій, въ Тарѣ Спасскій, въ Томскѣ Знаменскій, въ Тобольскѣ Николаевскій.

Желая поддержать мирныя сношенія съ Россією, разоритель Гружиі, шахъ Аббасъ, прислалъ въ 1625 году посольство въ Москву съ дарами для великихъ государей. Патріарху поднесена была риза Господня, въ драгоценномъ золотомъ ковчегѣ, похищенная Персіянами изъ Мцхетскаго собора ¹³⁾. При этомъ случаѣ патріархъ и святители поступили весьма осмотрительно. Они разсудили, что о ризѣ Господней нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ, а положиться на отзывъ магометанъ невозможно: остается одно—молить Бога объ открытіи истины. Назначенъ былъ недѣльный постъ съ молитвою. Послѣ того въ крестопоклонное воскресеніе Великаго поста первосвятитель, совершивъ всенощное бдѣніе, повелѣлъ возлагать принесенную изъ Персіи святыню на недужныхъ, какъ древле равноапостольная царица Елена полагала найденные ею кресты на мертвеца. И какъ тогда истинный крестъ Христовъ узнали по силѣ, воскресившей мертвеца, такъ и теперь получено было удостовѣреніе свыше о ризѣ Господней: больные разными болѣзнями, по возложеніи на нихъ святыни, получали исцѣленія. Въ честь принесенія ризы Господней въ Москву учреждено празднество въ 10-й день іюля и составлена служба ¹⁴⁾.

Послѣ 14-лѣтняго правленія патріархъ Филаретъ преставился, въ старости доброй 1 октября 1633 года и погребенъ, при всеобщемъ плачѣ, въ первопрестольномъ Успенскомъ соборѣ. Знаменитый бояринъ въ думѣ и на полѣ ратномъ при сродникѣ его царѣ Ѳеодорѣ, гонимый и невольно постриженный при Годуновѣ, митрополитъ Ростовскій при первомъ самозванцѣ, страдалецъ за вѣру и правду въ 10-лѣтнемъ плѣнѣ польскомъ, наконецъ патріархъ и соправитель державному своему сыну,—Филаретъ Никитичъ Романовъ занимаетъ видное мѣсто между великими людьми Русской земли, какъ незыблемый столпъ церкви и отечества въ самое трудное и опасное время. Онъ любилъ просвѣщеніе: возвратясь изъ плѣна, онъ принесъ съ собою съ юго-запада сознаніе услуги просвѣщенія для вѣры. Въ Чудовѣ монастырѣ заведена была при немъ патріаршая греко-латинская школа, первымъ учителемъ въ ней былъ тотъ самый Арсеній, который страдалъ предъ тѣмъ за ревность свою въ исправленіи требника; въ 1633 году она уже подавала иностранцу-путешественнику Олеарию надежды на лучшую будущность. А въ слѣдующемъ году напечатали для нея при букварѣ нѣсколько грамматическихъ правилъ. Подъ над-

¹³⁾ О пребываніи ризы Господней въ Грузіи сохранилось слѣдующее преданіе. При распятіи Господа нашего Иисуса Христа находился въ числѣ воиновъ одинъ Грузинецъ. Ему досталась, по жребію, риза Господня (хитонъ нешвенный). Возвратясь въ отечество, онъ подарилъ святыню сестрѣ своей, дѣвицѣ, а она, умирая, велѣла положить ее съ собою въ могилу. Впослѣдствіи риза Господня, вынутая изъ могилы дѣвицы и вложенная въ драгоценный ковчегъ, сохранялась въ Мцхетѣ, въ престольномъ храмѣ первосвятителей Иверскихъ (Четь-Минея 10 іюля).

¹⁴⁾ Ковчегъ съ ризою Господнею былъ положенъ въ нарочно устроенномъ мѣдномъ шатрѣ, у западной стѣны Успенскаго собора. Теперь эта святыня сохраняется въ соборномъ алтарѣ, въ Петропавловскомъ придѣлѣ.

зоромъ патріарха Филарета составлена и исправлена его рукою „Повѣсть о бывшихъ послѣ царя Бориса замѣшательствахъ“ ¹⁵⁾.

Папизмъ на сѣверѣ надѣлалъ столько зла, а на югѣ мнимое сближеніе съ нимъ Греческаго православія (унія) раздирало Русь и топило ее въ потокахъ собственной ея крови. Въ такое время не дивно слышать отзывъ православія о папизмѣ не слишкомъ мягкой. Патріархъ Филаретъ на соборѣ 1620 года положилъ перекрещивать обращающихся изъ латинства къ православію: постановленіе неправо предъ ученіемъ церковнымъ, но извиняемое ужасами времени ¹⁶⁾. Въ томъ же духѣ горькаго недостойнства папизмомъ осуждены были сочиненія Кирилла Транквилліона и разсмотрѣнъ катихизисъ Лаврентія Зизанія ¹⁷⁾.

Хотя лютеранство представлялось менѣе опаснымъ, нежели папизмъ, но постановленіе о перекрещиваніи римскихъ христіанъ отнесено и къ лютеранамъ. Царь строго предписалъ, чтобы какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ православные, находившіеся въ услуженіи у иностранцевъ, оставили и дома ихъ и впредь не поступали бы къ нимъ для работъ и службы.

Преемникомъ Филарета на первосвятительской каѳедрѣ былъ архіепископъ Псковскій Іоасафъ, „по изволенію царя и по благословенію патріарха Филарета“. Современные хронографы говорятъ, что „правомъ и жизнію онъ былъ добродѣтельнъ, но къ царю не дерзновенъ“, т.-е. не пользовался такимъ значеніемъ въ дѣлахъ государственныхъ, какое по праву принадлежало великому предмѣстнику его, отцу государя. Печатаніе богослужебныхъ книгъ продолжалось и при новомъ патріархѣ: Іоасафъ сперва позволилъ издать Требникъ, Уставъ и Служебникъ Филарета безъ перемѣнъ; но потомъ счелъ необходимымъ исправить въ нихъ очень многое. Главное исправленіе состояло въ пополненіи чиновъ молитвами и дѣйствіями, частію же въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ дѣйствій ¹⁸⁾. Въ другихъ книгахъ, напр. въ Октоихѣ, желали исправлять ошибки писцовъ повѣркою, но по спискамъ славян-

¹⁵⁾ Она напечатана въ Москвѣ, въ 1837 году, подъ названіемъ «Рукопись Филарета».

¹⁶⁾ Правила о перекрещиваніи латинянъ и уніатовъ отмѣнены рѣшеніемъ патріаршаго Собора въ Москвѣ 1667 года и грамотою Константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1718 году.

¹⁷⁾ Въ 1627 году разсмотрѣно было «учительное евангеліе» Транквилліона и опредѣлено,—какъ это сочиненіе, такъ и другія сочиненія Кирилла, какія найдутся, съечь «и чтобы впредь никто никакихъ литовскихъ книгъ не покупалъ» (Собр. грам. 3,298). Книгу пересматривалъ свящ. Иванъ Насѣдка. Катихизисъ Зизанія нап. 1628 г. въ Москвѣ; исправителями были Богоявленскій игуменъ Исаія и типографъ Григорій Онисимовъ, спорившіе съ Зизаніемъ цѣлые три дня; они выпустили все, что имъ казалось новостью, и внесли то, что казалось, хотя не всегда было, стариною.

¹⁸⁾ Напр., въ Филаретовомъ требникѣ 1623 г. положено погребеніе священниковъ; а въ Іоасафовомъ оно отмѣнено. Въ первомъ: въ началѣ чина исповѣди положенъ указъ, какъ іереямъ вязать и разрѣшать; здѣсь же положено въ великій постъ, исключая первую и послѣднюю седмицы, ѣсть рыбу въ четыре дня недѣли: въ субботу, воскресенье, вторникъ и четвертокъ. Въ Іоасафовомъ требникѣ это исключено.

скимъ, или же только однимъ своимъ разсужденіемъ. Особенно же усердно продолжали печатать еще не напечатанныя службы. Въ пособіе къ улучшенію книгъ собирали славянскіе списки въ Москву изъ монастырей; но точно такъ же, какъ при патріархѣ Филаретѣ, глубоко чувствовали и сознавали, что въ исправленныхъ книгахъ остается много разныхъ погрѣшностей.

По кончинѣ патріарха Іоасафа I на престолѣ патріаршій возведенъ былъ, по избранію жребіемъ, Симоновскій архимандритъ, старецъ Іосифъ (27 марта 1643 года).

Вскорѣ послѣ того (12 іюля 1645 года) скончался царь Михаилъ добродушный первоначальникъ державнаго рода Романовыхъ на престолѣ Русскомъ. Предъ кончиною, находясь въ полномъ сознаніи, онъ велѣлъ призвать царицу, сына Алексѣя Михайловича съ дядькою его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха; простился съ женою благословилъ сына на царство, при чемъ сказалъ Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣнни и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ и соблюлъ его какъ зѣницу ока: такъ и теперь служи“.

Снова увидѣли люди Русскіе вѣнецъ Мономаха на главѣ шестнадцатилѣтняго отрока ¹⁹⁾. Но еще не знали они, что юному царю Алексѣю промыслъ Божій предназначилъ расширить предѣлы государства, стѣсненные при отцѣ его ²⁰⁾.

¹⁹⁾ Царь Алексѣй Михайловичъ родился отъ второго брака царя Михаила съ дочерью бѣднаго дворянина Стрѣшнева, Евдокіей Лукьяновой. Первая супруга царя Михаила была Марія Владиміровна, дочь думнаго боярина, князя Долгорукова.

²⁰⁾ Уклоняясь, по возможности, отъ описанія дѣлъ государственныхъ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ церковными дѣлами, мы не говорили о несчастной войнѣ царя Михаила съ Польскимъ королемъ Владиславомъ (тѣмъ самымъ, который въ смутное время былъ избранъ на Московскій престолъ). Война эта была неудачна: при заключеніи мира въ 1634 году уступленъ Польшѣ Смоленскъ съ нѣсколькими городами Сѣверскаго края. Для примиренія со Шведами (1617 г.) отдана была Ижора и Корелія, т. е. все побережье Финскаго залива.

Г Л А В А II.

Угодники Божіи, жившіе въ первой половинѣ XVII вѣка, преподобные: Діонисій, архимандритъ лавры Сергіевой. — Ученикъ его блаж. Дороеей. — Иринархъ, игуменъ Соловецкій, — Діодоръ Юрьегорскій, — Прокопій Вятскій, — Вассіанъ Тотемскій, — Симеонъ Верхотурскій, — Симонъ Воломскій. Упадокъ иночества и просвѣщенія. — Сѣмена будущаго раскола.

Обратимъ благоговѣйный взоръ на подвиги угодниковъ Божіихъ, современныхъ царствованію перваго самодержца изъ благословеннаго рода Романовыхъ. Начнемъ съ великаго поборника вѣры и отчизны, преп. Діонисія, архимандрита Сергіевой лавры. Освобожденный отъ истязаній, которымъ подвергнутъ былъ за исправленіе требника, онъ имѣлъ утѣшеніе принять въ обители своей патріарха Іерусалимскаго, своего защитника отъ неправеднаго гоненія. Первосвятитель Теофанъ возложилъ на страдальца правды свой клобукъ, положивъ его прежде къ ногамъ преп. Сергія и совершивъ молитву къ угоднику Божію. И всему братству лавры, со слезами радости, изъявилъ патріархъ одобреніе за его подвиги: „прежде слышали въ церкви восточныя скорбь вашу и трудъ, понесенные вами за Христа отъ гонителей правой вѣры, а нынѣ очи мои видѣли все, за что пострадали вы, и не напрасно, потому что многимъ послужило это ко спасенію“.

Особенно патріархъ изъявилъ желаніе видѣть тѣхъ иноковъ обители, которые во время бѣды ратной дерзнули возложить на себя броню и съ оружіемъ въ рукахъ ратовать противъ враговъ. Преподобный Діонисій принялъ было требованіе патріарха съ недоумѣніемъ, но подвижники добровольно вызвались: „Яви насъ, отче, владыкъ нашему; буди все по волѣ его“.

И представлено патріарху болѣе двадцати иноковъ, „въ нихже первый былъ именемъ Аѳанасій Оцеринъ, зѣло старъ сый и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ“. Патріархъ спросилъ его: „ты ли ходилъ на войну и начальствовалъ надъ ратью мученической?“ Аѳанасій отвѣтствовалъ: „ей, владыко святой, понужденъ былъ слезами кровными“. Патріархъ спросилъ еще: „Что тебѣ свойственнѣе—иночество ли въ молитвахъ тайно или подвигъ передъ всѣми людьми?“ Аѳанасій, поклонясь, отвѣтствовалъ: „всякая вещь и дѣло, владыко святой, въ свое время познается: у васъ, святыхъ отецъ, отъ Господа Бога власть въ

рукахъ разрѣшить и связывать. Что творю и сотворилъ,—то сдѣлано по долгу послушанія“; и обнаживъ голову, поклонился ему и сказалъ: „извѣстно тебѣ да будетъ, владыко мой, вотъ подпись латынянъ на главѣ моей отъ оружія; а еще и въ лядвіяхъ моихъ находится шесть памятей свинцовыхъ; сидя же въ келліи въ молитвахъ, какъ можно найти было добровольно такихъ будильниковъ къ воздыханію и сто-нанію? Все это не по нашему изволенію, но по волѣ пославшихъ насъ на службу Божію“.

Патріархъ, безъ сомнѣнія, удовлетворенный сознаніемъ, что надъ воинственнымъ одушевленіемъ защитниковъ лавры господствовалъ духъ иноческаго благочестія, смиренія и простоты, благословилъ Аеанасія, цѣловалъ его съ любовію и прочихъ его сподвижниковъ отпустилъ съ похвалою.

Преп. Діонисій ввелъ въ обители чтеніе бесѣдъ св. Златоуста по переводу, сдѣланному Максимомъ и Силуаномъ, также бесѣдъ Григорія Богослова, и разсылалъ ихъ списки по монастырямъ. „Келья не имѣетъ устава“, говорилъ Діонисій; въ кельѣ, по своей горячей любви къ Богу, онъ почти все время проводилъ въ молитвѣ, въ чтеніи слова Божія и писаній св. Отцовъ. Спать ложился за три часа до благовѣста къ заутренѣ: когда приходилъ къ нему пономарь съ свѣ-чою, онъ въ малой мантии полагалъ 300 поклоновъ земныхъ; потомъ, разбудивъ келейниковъ, шелъ въ церковь. Онъ строго соблюдалъ цер-ковный уставъ, не позволяя ничего убавлять противъ него. Самъ чи-талъ и нѣлъ на клиросѣ. Признательный къ благотворителямъ оби-тели, онъ требовалъ, чтобы читались синодики на проскомидіи. Въ каждую утреню обходилъ онъ церковь и осматривалъ, всѣ ли въ хра-мѣ; выходилъ съ братією и на работы монастырскія. У него были и живописцы, и иконописцы, и мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Онъ усердно заботился о храмахъ не только лавры, но и сель мона-стырскихъ, гдѣ построено имъ нѣсколько новыхъ храмовъ, особенно послѣ разгрома польскаго. Все, что получалъ онъ для себя отъ бла-готворителей, употреблялъ онъ не на себя.

Изъ числа учениковъ преп. Діонисія особенно извѣстенъ блаж. Дороей, по прозванію—„Трудникъ“¹⁾. Келарь Симонъ Азарьинъ пи-шетъ о немъ: „онъ былъ такъ твердъ въ благочестіи, что никогда не оставлялъ церковнаго богослуженія, исправлялъ должность пономаря въ церкви чудотворца Никона и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ канонархи-стомъ и книгохранителемъ. Въ кельѣ выполнялъ онъ правило необы-кновенное: ежедневно читалъ весь псалтирь и клалъ до 1000 покло-новъ, притомъ же писалъ книги. Спалъ онъ очень мало и никогда не ложился для сна. Пищею его служилъ кусокъ хлѣба и ложка толоч-на и притомъ не каждый день; только по убѣжденію архимандрита сталъ онъ ѣсть хлѣбъ съ квасомъ. По извѣстію священника Ивана

¹⁾ Въ рукописныхъ святцахъ: «преп. Дороей трудникъ бысть ученикъ преп. Діонисія архимандрита: преставися въ лѣто 7130» (1622).

Насѣдки, Дороеей, усердно трудившійся для раненныхъ и больныхъ, много терпѣль неприятностей и по особенности своей жизни. Стѣдившіе за жизнью его замѣчали, что не ѣдалъ онъ по три и по четыре дня, а иногда и цѣлую недѣлю. Иные говорили о немъ, что онъ — святой человѣкъ; другіе же, видя его валяющимся у стѣны или у печки, смѣялись надъ нимъ, какъ надъ глупцомъ. „Разъ и я,—говорилъ Насѣдка,—смѣялся надъ нимъ вмѣстѣ съ другими. Діонисій, замѣтивъ это, строго посмотрѣлъ на меня. Спустя 10 лѣтъ, въ духовной бесѣдѣ въ Москвѣ напомнилъ я Діонисію о замѣчаніи его относительно Дороеея; авва сказалъ: „не спрашивай иноковъ о дѣлахъ иноческихъ. Для насъ бѣда открывать мірянамъ наши тайны“. Я грѣшный просилъ объяснить мнѣ это. „Вы, міряне, сказалъ онъ, если услышите худое о чернецахъ, осуждаете ихъ на грѣхъ себѣ; а если услышите доброе, не стараетесь подражать тому, а только хвалите; изъ вашей похвалы выходитъ опасное искушеніе для насъ: раждается гордость“. На вопросъ о значеніи строгаго взгляда его онъ отвѣчалъ: „вы смѣялись надъ человѣкомъ святымъ, оттого, что жилъ онъ не по-вашему. Мнѣ извѣстно, что не ѣдалъ онъ по недѣлѣ, по 10 дней капли воды не бывало у него во рту; ходилъ босой, нагой, голодный, съ неумытыми руками и лицомъ. Онъ мучился блудными помыслами и потому-то томилъ себя голодомъ и жаждою“.

Послѣ опустошеній польскихъ, въ селахъ лавры храма были сожжены или ограблены. Преп. архимандритъ построилъ нѣсколько церквей сельскихъ, изъ которыхъ инья еще доселѣ цѣлы. Ревностный о благолѣпнн дома Божія, онъ имѣлъ въ запасъ всякую церковную утварь и, когда являлись просители, съ любовью выдавалъ нужное для той или другой церкви.

Проведя жизнь въ высокихъ подвигахъ любви къ Богу и къ ближнему, авва Діонисій мирно преставился 10 мая 1633 года, и патриархъ Филаретъ самъ отпѣвалъ его ²⁾).

Въ то же время просіялъ благочестіемъ другой настоятель обширной и многолюдной обители, преп. Иринархъ, игумень Соловецкій съ 1614 года. Тогда настоятель Соловецкаго монастыря былъ лицомъ весьма значительнымъ для цѣлага сѣвернаго края. На него возлагалась защита сѣвера отъ Шведовъ и Датчанъ. Хотя съ Шведами заключень былъ тогда миръ, но и на нихъ нельзя было полагаться; а Датчане, увлекаясь надеждою на счастье Шведовъ, потребовали отъ Россіи, чтобы отдана имъ была вся Лапландія (земля Лопарей), и приготовились поддерживать требованіе свое морскою войною. Царь Михайлъ, предоставивъ блаж. игумену Иринарху, кромѣ безпошлин-

²⁾ Мощи преп. Діонисія погребены въ палаткѣ при юго-западномъ притворѣ Троицкаго собора лавры. Житіе его и канонъ ему написаны келаремъ Симеономъ Азарынымъ. По словамъ Симона, Діонисій былъ роста высокаго, съ лицомъ благолѣпнымъ, съ очами свѣтлыми, веселыми, съ бородою долгою и широкою. Портретъ, снятый съ него по представленіи, хранится въ Сергіевой лаврѣ.

ой продажи соли и рыбы, казенную подать съ монастырскихъ крестьянъ и еще казенную долю съ рыболовныхъ промысловъ на Норвежскомъ берегу моря, предписывалъ привести всѣ крѣпостныя строения монастыря въ полное оборонительное состояніе на случай войны. Сколько заботъ и трудовъ игумену! На восточной сторонѣ монастыря проведена вторая каменная стѣна съ двумя огромными башнями; внутри монастыря построены два корпуса для военныхъ людей; на сѣверной и южной сторонѣ обители проведены глубокіе рвы, выкладенные камнемъ. Въ Сумскомъ и Кемскомъ острогахъ сдѣланы новыя укрѣпленія. Въ нихъ и въ обители число военныхъ людей увеличилось до 1040 человекъ,—на содержаніи монастыря. Датчане въ 1623 г. на четырехъ военныхъ корабляхъ явились у Корельскаго острова, ограбили нѣкоторыхъ русскихъ промышленниковъ, но ни на что болѣе не отважились и возвратились. При такихъ заботахъ объ огражденіи обители отъ внѣшнихъ бѣдъ преп. Иринархъ, какъ самъ былъ примѣромъ духовной жизни, такъ и ревновалъ возбуждать и поддерживать въ братіи заботу о жизни духовной. Эта ревность заставила его просить великихъ государей—царя и родителя его патріарха, дабы словомъ власти напомнили забывчивымъ инокамъ о ихъ обязанностяхъ. Во все время правленія своего преп. Иринархъ отличался снисходительною кротостію въ отношеніи къ другимъ и строгостію къ себѣ. Проведя послѣдніе два года свои безъ дѣлъ начальственныхъ, въ подвигахъ безмолвной молитвы, онъ преставился 17 іюля 1628 года *).

При настоятельствѣ преп. Иринарха подвизался въ Соловецкомъ монастырѣ преп. Діодоръ Юрьегорскій, постриженный въ иночество еще игуменомъ Антоніемъ, который поручилъ его въ надзоръ духовному иноку, іеромонаху Іосифу Новгородцу.

Похоронивъ отца своего, скончавшагося инокомъ въ Соловкахъ, Діодоръ пожелалъ видѣть Соловецкихъ отшельниковъ, подвизавшихся на пустыхъ островахъ. Онъ ушелъ на пустынный островъ, не взявъ съ собою ни пици, ни питья; ходя 40 сутокъ по острову, онъ изнемогъ до крайности, нѣкоторые изъ братій нашли его лежавшимъ подъ деревомъ и едва живымъ; они принесли его на монастырское подворье и призвали духовника. Послѣ исповѣди, укрѣпившись пищею, ревнитель отшельнической жизни поселился на пустынномъ островѣ, при двухъ найденныхъ имъ отшельникахъ. Отсюда ходилъ онъ бесѣдовать и съ другими отшельниками, каковы были: старецъ Ефремъ, Никифоръ Бѣлецъ, Алексѣй Калужанинъ, Іоасафъ Тихонъ Москвичъ, Теодоръ Рязанецъ, Порфирій, Трифонъ, Іоасафъ, Севастіанъ и другіе. Пустынникъ Тихонъ, по настоятельной просьбѣ его, рассказалъ о себѣ, что онъ ушелъ изъ Алексина во время перваго самозванца, оста-

* Житіе преп. Иринарха написано (около 1640 г.) Калязинскимъ игуменомъ Иларіономъ, постриженникомъ Соловецкимъ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ особой часовнѣ.

вивъ все свое и переплывъ на утлой лодкѣ море. Никифоръ, встрѣченный безъ всякой одежды, успѣвшиль скрыться и только сказалъ: „посѣщай подвижниковъ, Діодоръ, чтобъ и самому имѣть отъ Бога утѣшеніе“. Діодоръ усердно посѣщаль пустытниковъ, доставляя имъ необходимое для жизни. Впослѣдствіи братія обители стали роптать на то и говорили: „хлѣбъ обители тратится на тѣхъ, которые не трудятся для обители“. Особою же, когда ушелъ въ отшельничество больничный келарь Кирикъ, лучше котораго никто не ходилъ за больными, братія сильно возмутилась, и игуменъ Иринархъ вынужденъ былъ принять мѣры противъ страсти къ отшельничеству. Онъ послалъ братію, стрѣльцовъ и рабочихъ на острова, съ тѣмъ, чтобы они возвратили отшельниковъ въ монастырь; тогда и Діодоръ вмѣстѣ съ другими заключенъ былъ въ оковы въ больницѣ, и къ нему представлена была стража. Спустя три мѣсяца, онъ снова ушелъ на островъ и прожилъ здѣсь полгода. Братъ его, жившій также въ Соловецкомъ монастырѣ, отыскалъ его, но въ самомъ жалкомъ положеніи, — разслабѣвшимъ отъ борьбы съ нечистыми духами. Діодоръ рѣшился теперь разстаться съ Соловками и удалиться на Онегу. Недалеко отъ Кенозера, въ пустынномъ лѣсу, избралъ онъ себѣ мѣсто для пребыванія и началъ подвизаться. Но сосѣдніе жители вынудили его уйти отсель. Ему понравилась Юрьева гора надъ озеромъ Водломъ, въ 25 вер. отъ Олонца къ сѣверу; здѣсь водрузилъ онъ крестъ, поставилъ келью и началъ подвизаться въ молитвѣ; сюда векорѣ пришелъ къ нему пустыльникъ Прохоръ, и они 7 лѣтъ провели отшельниками. Послѣ того Діодоръ рѣшился основать здѣсь обитель Св. Троицы и отправился въ Москву; при посредствѣ келаря Сергіевой лавры Александра *) получивъ доступъ къ великой старицѣ Марѣ Ивановнѣ (матери царской), онъ получилъ отъ нея разную утварь и 200 руб. денегъ; царь Михаилъ далъ старцу грамоту; отъ другихъ благотворителей получено имъ 300 рублей. Такъ построены были храмъ и обитель. Скоро собралось довольное число братій и построенъ былъ еще храмъ Богоматери съ придѣломъ въ честь Соловецкихъ чудотворцевъ. Хлѣбопашества своего еще не было у обители, а мѣсто было вдали отъ поселеній. Поэтому случилась нужда въ хлѣбѣ. Поднялся ропотъ на старца: „деньги, — говорили, — истратили на храмъ, а питаться намъ нечѣмъ“. Потерпите, — отвѣчалъ старецъ, и самъ сталъ на молитву. Ему явился свѣтлый старецъ. Кто ты? — спросилъ Діодоръ. „Я Александръ Ошевенскій“, — сказалъ явившійся: „не скорби, а утверждай братію; пропиталъ же Господь народъ Израильскій въ пустынѣ, а васъ немного; будетъ время, что здѣсь соберется множество иноковъ, теперь

*) Келарь Сергіевой лавры, старецъ Александръ Булатниковъ, изъ знатнаго рода, заступилъ мѣсто знаменитаго Авраамія Палицына, возвратившагося (въ 1621 г.) въ Соловецкій монастырь «на свое общаніе». Александръ былъ келаремъ около 20 лѣтъ и принесъ лаврѣ богатые вклады. Онъ былъ восприемникомъ отъ купели царевича Алексѣя и царевень, сестеръ его.

же скажи братіи, чтобы ловили рыбу въ озерѣ“. Старецъ не съ перваго раза повѣрилъ явившемуся, опасаясь оболъщенія; три раза явился ему небожитель и только тогда, когда явившійся произнесъ молитву Господню, Діодоръ выслушалъ его довѣрчиво. Братія столько наловили рыбы, что, оставивъ себѣ нужное, продали на 60 рублей и купили хлѣба. Въ другой разъ избавились отъ голода тѣмъ, что нечаянно нашли въ лѣсу черную куницу и продали ее за 8 рублей. Въ монастырь присланъ былъ для усмиренія отъ патріарха Филарета инокъ Θεодосій, человѣкъ безпокойный. Разъ такъ озлобился онъ на старца, наставлявшаго его добру, что хотѣлъ убить его. Онъ завелъ преподобнаго въ лѣсъ подъ какимъ-то предлогомъ и жестоко избилъ его, до того, что бросилъ подъ деревомъ, считая умершимъ. Когда старецъ, пришедши въ себя, добрелъ кое-какъ до кельи, Θεодосій испугался и бросился въ ноги настоятелю, прося простить его. „Богъ да проститъ тебя, чадо—это не твое дѣло, а дѣло врага“,— отвѣчалъ незлобный старецъ и не сказалъ тогда никому о случившемся. Θεодосій и послѣ того не переменился. Онъ началъ возмущать братію противъ настоятеля и уговорилъ нѣкоторыхъ удалиться изъ обители. 17 человѣкъ убѣждали съ Θεодосіемъ, похитивъ, что только могли, изъ собственности монастырской. Діодоръ благодарилъ Бога, что избавилъ обитель отъ смутъ и тревогъ. Много и другихъ скорбей пришлось испытать блаж. Діодору; но онъ все переносилъ терпѣливо. Большая часть времени его проходила въ уединенной молитвѣ. Приблизился и конецъ жизни его. Собираясь ѣхать въ Каргополь, по нуждамъ обители, старецъ собралъ братію и убѣждалъ проводить жизнь иноческую и не слушаться людей, подобныхъ Θεодосію; а старцу Прохору сказалъ: „уже намъ съ тобой здѣсь не видаться; если Богу угодно, увидимся въ будущемъ вѣкѣ“. И точно, прибывъ въ Каргополь, онъ заболѣлъ, приобщился св. Таинъ и мирно скончался 27 ноября 1633 года. Онъ погребенъ былъ здѣсь подъ церковью; но собесѣдникъ его Прохоръ, спустя два года, перевезъ нетлѣнное тѣло его въ обитель, гдѣ оно было похоронено на южной сторонѣ храма св. Троицы. Послѣ преп. Діодора осталось духовное завѣщаніе, въ которомъ строго заповѣдалъ онъ братіи отнюдь не держать въ обители ничего хмельнаго ⁵⁾.

Въ XVII вѣкѣ немало являлось людей съ именемъ юродивыхъ. Патріархъ Іоасафъ I въ 1636 году писалъ: „иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и веригахъ, растрепавъ волосы, но не для Господа и не въ Господѣ“ ⁶⁾. И позднѣе соборъ 1667 г. осуждалъ такихъ же людей: „иже мнятся благоговѣйни быти, но суть же таковы, живутъ посреди градовъ и сель въ образѣ отшельника и затворника, волосаты, и въ монашеской свитцѣ, иные же и въ желѣ-

⁵⁾ Мощи преп. Діодора почиваютъ подъ слудомъ въ храмѣ бывшей обители его, нынѣ приходскомъ Янгорскаго погоста.

⁶⁾ Акты археогр. экспед. III, 402.

захъ скованы, такожде наги и босы ходять по городамъ и селамъ въ мірѣ, тщеславія ради, да воспримуть славу отъ людей и да почитаютъ ихъ за святыхъ, ко прелести простымъ и невѣждамъ“ 7). Не таковъ былъ блаж. Прокопій Вятскій. Взявъ на себя иго юродства для одного Христа, для Христа онъ несъ его до смерти: до смерти терпѣлъ скорби самолюбія, язвимаго то насмѣшками, то бранью, то холодностію людей, до смерти заставлялъ страдать плоть свою и отъ недостатка пищи и отъ перемѣнъ погоды. Онъ блаженно почилъ 21 декабря 1627 года 8).

Въ предѣлахъ Тотемскихъ подвизался преп. Вассіанъ. Въ мірскомъ быту онъ былъ портнымъ, жилъ въ бракѣ и имѣлъ двухъ сыновей. Потомъ, въ Тотемской обители принявъ монашество, года два провелъ въ подвигахъ послушанія подъ настоятельствомъ настоятеля Ѳерапонта. Ревнуя же о высшемъ совершенствѣ, по благословенію игумена, поселился въ 50 верстахъ отъ Тотьмы, на р. Тикснѣ, при храмѣ св. Николая. Сперва жилъ онъ здѣсь на паперти храма, потомъ упросилъ причтъ и окрестныхъ жителей уступить ему мѣсто въ 20 саженьяхъ отъ храма для хижинны. Ему поставили келью, и онъ началъ уединенно подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Это было въ 1594 г. Онъ приходилъ въ храмъ на каждую службу, а въ кельѣ совершалъ иноческое правило. По благословенію наставника своего Ѳерапонта, возложилъ онъ на тѣло свое вериги, на плечи—цѣпь, на чресла—желѣзный обручъ, а на голову подъ куколемъ надѣлъ желѣзную шапку. Въ такомъ одѣяніи подвизался онъ 13 лѣтъ. Онъ не пускалъ никого къ себѣ въ келью, кромѣ духовнаго отца, и питался подаяніемъ, которое принималъ въ оконцѣ кельи. Такъ подвизался рабъ Божій въ строгомъ затворѣ, очищая духъ страданіями грѣшной плоти для жизни небесной. Уразумѣвъ близкую кончину свою, преп. Вассіанъ призвалъ духовника, исповѣдался, приобщился св. Таинъ и тихо предалъ духъ свой Богу 12 сентября 1624 г. Только при погребеніи узнали, какими тяжестями смирялъ онъ тѣло свое 9).

Другой подвижникъ того же времени, Симеонъ Верхотурскій, или Меркушинскій, былъ родомъ изъ дворянъ, но скрывъ знатность свою въ смиреніи христіанскомъ, велъ жизнь бѣдняка. Переходя изъ деревни въ деревню, шилъ онъ платье преимущественно для бѣдныхъ; кончивъ работу, уходилъ изъ дома рано по утру, когда всѣ спали, чтобы избѣжать не только денежной платы, но и слова благодарнаго за работу. Онъ доволенъ былъ и тѣмъ, что давали пищу и кровь. Чаще всего проживалъ онъ въ погостѣ Меркушахъ, въ 50 верстахъ

7) Дополн. къ акт. истор. V, 465, 474.

8) Мощи блаж. Прокопія почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Вятскаго Успенскаго монастыря.

9) По кончинѣ преп. Вассіана на мѣстѣ подвиговъ его устроился монастырь съ церковью въ честь Нерукотворенной иконы Спасителя. Въ этой церкви (нынѣ приходской) находится могила преп. Вассіана. Почитаніе памяти его началось съ моровой язвы 1647 года, когда у гроба его многіе получали исцѣленіе.

отъ Верхотурья, гдѣ была пристань для судовъ, плававшихъ по р. Турѣ. Онъ любилъ въ тиши уединенія наслаждаться красотами природы и прославлять Творца ея. Когда не было работы, бралъ онъ уду, садился на берегу рѣки и доставалъ оттуда лишь нужное для одного дня. Еще понинѣ цѣла ель на утесистомъ берегу р. Туры, гдѣ полюбилъ сидѣть блаженный, занимаясь ловлею рыбы. Вогуличи и другіе инородцы края тогда были новыми христіанами; блаж. Симеонъ вступалъ съ ними въ разговоры и училъ христіанскому благочестію. Располагая къ себѣ бѣдныхъ своею услужливостію, онъ находилъ сердца ихъ открытыми для принятія наставленій его и усердно сѣялъ въ простыхъ душахъ правила страха Божія.—Никогда не оставлялъ онъ посѣщать богослуженіе храма и особенно храма Меркушевскаго. Чистая жизнь его служить примѣромъ для другихъ; а этотъ примѣръ особенно нуженъ былъ и благодворенъ для края еще дикаго, недавно увидавшаго свѣтъ христіанскій. Блаженный Симеонъ, страдавшій грыжею, скончался не старымъ, около 35 лѣтъ, въ 1642 году, и погребенъ былъ при церкви Архистратига Михаила ¹⁰⁾.

Земледѣлецъ изъ отчины Волоколамскаго Іосифова монастыря, Симеонъ, пріавшій иночество съ именемъ Симона въ Пинежской Макаріевой обители, въ 1613 г. поселился въ 80 верстахъ (къ юго-западу) отъ Устюга, на р. Кичменгѣ, въ лѣсу Воломскомъ. Здѣсь онъ пять лѣтъ прожилъ одинъ, не знаемый людьми; питался овощами, которыя самъ садилъ, а иногда выпрашивалъ хлѣба въ какомъ-либо селеніи.—Когда понемногу стали являться къ нему ревнители благочестія, онъ построилъ по грамотѣ царя Михаила и по благословенію Ростовскаго митрополита Варлаама храмъ въ честь Воздвиженія креста Господня и въ 1620 г. посвященъ былъ въ санъ игумена своей обители. Строгій подвижникъ, служившій для другихъ примѣромъ трудолюбія, простоты сердечной, поста и молитвъ, 12 іюля 1641 г. злодѣйски умерщвленъ былъ въ своей обители. Подвижникъ рубилъ лѣсъ, когда подошли къ нему три крестьянина и стали требовать, чтобы онъ отдалъ имъ царскую грамоту на землю обители. Они навалили на него колоду и грозили смертію; преподобный едва упросилъ отпустить его въ обитель за грамотою. Монастырскіе люди бросились искать злодѣевъ, но тѣ скрылись. Когда приблизился праздникъ блаж. Прокопія Устюжскаго,

¹⁰⁾ Прав. Симеонъ по преставленіи своемъ совершалъ много чудесъ и въ Меркушахъ и въ Николаевской Верхотурской обители, куда перенесены мощи его въ 1704 году по распоряженію Сибирскаго митрополита Филовея. Особенность въ явленіяхъ прав. Симеона состоитъ въ томъ, что онъ, испѣлая тѣлесные недуги, вмѣстѣ съ тѣмъ подавалъ наставленія для души. Такъ, напр., въ 1749 году онъ явился жителю Невьянскаго завода, раскольнику Василью Масленникову, три года лежавшему въ параличѣ, и сказалъ ему: иди въ Верхотурье, въ обитель св. Николая, помолись тамъ съ усердіемъ надъ моими мощами а «крестное знаменіе изображай на себѣ, во образъ пресв. Троицы, тремя первыми перстами». Послѣ явленія Василій почувствовалъ себя испѣленнымъ и обратился отъ раскола къ истинной вѣрѣ. (Рукоп. сказаніе о житіи и чудесахъ прав. Симеона, составл. митрополитомъ Сибирскимъ Игнатіемъ Корсаковымъ. Здѣсь описано до 50 чудесъ).

народъ пошелъ на поклоненіе святому и большая часть братіи Симоновой пустыни отправилась также въ Устюгъ. Злодѣи, узнавъ о томъ, воспользовались благоприятнымъ для нихъ временемъ. Ночью найдя преп. Симона одного въ пустынь, стали терзать его пытками, требуя царской грамоты; потомъ послали его въ церковь искать грамоту. Преподобный со слезами молился Богоматери, причастился св. Тайнъ и затѣмъ сказалъ: „теперь дѣлайте со мною, что хотите“. Злодѣи осыпали его ругательствами и побоями, потомъ отсѣкли ему голову и бросили тѣло близъ кельи ¹¹⁾

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что число подвижниковъ, угодившихъ Богу въ первой половинѣ XVII столѣтія, весьма не велико. Мы не видимъ здѣсь ни тѣхъ великихъ святителей-чудотворцевъ, ни тѣхъ дивныхъ основателей обителей иноческихъ, какіе просіяли въ предыдущихъ вѣкахъ. Упадокъ истиннаго, искренно-благочестиваго монашества былъ очевиденъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Вмѣстѣ съ нимъ, постепенно развивалось и другое зло—упадокъ просвѣщенія, начинавшійся еще прежде. Въ страшномъ переворотѣ междуцарствія, нашествія Ляховъ исчезли послѣдніе остатки школь; въ разоренныхъ храмахъ и обителяхъ богослужебныя книги, истребленныя пожарами, замѣнены новыми рукописными,—работами полуграмотныхъ писцовъ, со множествомъ грубыхъ ошибокъ, или вновъ напечатанными, безъ надлежащей повѣрки и исправленія. А между тѣмъ слѣпая привязанность къ буквѣ и обряду возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія невѣжества. Мы видѣли, какую бурю гоненія воздвигло одно слово, невѣжественно внесенное въ требникъ и исключенное изъ него преп. Діонисіемъ. Что же можно ожидать отъ другихъ изувѣровъ, подобныхъ уставщику Филарету и громогласному пѣвцу Логгину, когда будетъ предпринято полное исправленіе богослужебныхъ книгъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ вскорѣ—во время первосвятительства великаго Никона.

¹¹⁾ Мощи преп. Симона погребены подлѣ построеннаго имъ храма (нынѣ приходскаго). Въ 1646 году послѣ многихъ чудесъ, совершившихся надъ мощами преп. Симона, сочинена ему служба съ описаніемъ житія и чудесъ.

Г Л А В А III.

**Страданія южно-русскаго народа отъ уни.—Іосафать Кунцевичъ.—
Возстановленіе православной іерархіи.—Архипастыри Кіевскіе: Іовъ
Борецкій и Іеаія Копинскій.**

Между тѣмъ какъ Московское, или лучше сказать—сѣверно-русское государство начинало успокаиваться послѣ бѣдствій и кровопролитія смутнаго времени подъ скипетромъ перваго самодержца изъ дома Романовыхъ, православный народъ южной Руси претерпѣвалъ тяжкія страданія за вѣру отеческую. Насильственное введеніе уни сопровождалось мучительствомъ и страшными гоненіями, о которыхъ мы говорили уже прежде. Дикій фанатизмъ короля Сигизмунда и іезуитовъ не уступалъ въ свирѣпости языческимъ гонителямъ христіанства. Въ Малороссію введены были войска и начались преслѣдованія вооруженною рукою. Полилась кровь. Гетманъ Наливайко, пламенный защитникъ прародительской вѣры ¹⁾, защищалъ родину счастливо, разбилъ Ляховъ и старался возвратить слабыхъ между духовными къ долгу ихъ по вѣрѣ и жизни. Въ 1597 г. войсковые депутаты отправлялись по обыкновенію на главный сеймъ. Наливайко вмѣстѣ съ ними явился засвидѣтельствовать вѣрность королю. Но ихъ всѣхъ въ первую же ночь схватили и бросили въ подземную темницу; здѣсь ни днемъ, ни ночью не давая отдыху гетману, сторожа будили его обухомъ сѣкиры, а на третій день онъ и депутаты выведены были на площадь, посажены въ мѣднаго быка и сожжены медленнымъ огнемъ. Этимъ злодѣйствомъ, нарушавшимъ всѣ права политики и совѣсти, разсудка и чести, не удовольствовались. Польскіе солдаты съ обнаженными саблями принуждали въ храмахъ народъ преклонять колѣна и ударять себя въ грудь по обычаю римскому и читать символъ вѣры о Святомъ Духѣ непрославно. Храмы насиліемъ отнимали и объявляли

¹⁾ По словамъ Польскаго фанатика, патера Янчинскаго, отецъ гетмана Наливайки имѣлъ трехъ сыновей, отличавшихся нечестіемъ (т.-е. приверженностію къ православію). Старшій былъ соборнымъ протопопомъ въ острожскомъ замкѣ и притомъ самый закоснѣлый схизматикъ: предъ смертію своею онъ запретилъ похоронить себя въ церкви. «Знаю (сказано въ его завѣщаніи), что въ Острогѣ водворятся латинская вѣра, почему похороните меня въ полѣ, чтобы и кости мои не сблизились съ латинскою церковію». Меньшой братъ Наливайки, шинкаръ, торговалъ шубами, не уступая старшему въ нечестіи (т.-е. въ искреннемъ благочестіи). Смотри у Б. Каменскаго въ Истор. Малор. I, прим. 119).

унитскими. Духовенство латинское переѣзжало отъ храма къ храму въ повозкахъ, въ которыя впрягали до 20 и болѣе человѣкъ, вмѣсто скотовъ. Тѣ храмы, прихожане которыхъ никакимъ насиліемъ не могли быть вынуждены къ уни, отданы въ аренду жидамъ; ключи храма и колокольни перешли въ жидовскую корчму.

На сеймѣ, въ Варшавѣ, одинъ депутатъ (Волынской) говорилъ: „Въ войнѣ турецкой много ратныхъ людей потребуется отъ народа Русскаго греческой вѣры,—того народа, который если не будетъ удовлетворенъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, то можетъ ли поставить грудь свою оплотомъ державы вашей? Какъ можетъ онъ стараться о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ внутренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній русскій народъ относительно своей вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ какъ падалъ вывозятъ; мужья съ женами живутъ безъ брачнаго благословенія; народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ приобщенія. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о другихъ городахъ, скажу, что во Львовѣ дѣлается: кто не уніать, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цѣхи принять быть не можетъ; нельзя мертвое тѣло погребать, нельзя къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти. Въ Вильнѣ, когда хотятъ погребсти тѣло благочестиваго русскаго, то должны вывозить его въ тѣ ворота, въ которыя одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ“²⁾.

Болѣе двадцати лѣтъ (считая отъ низложенія на Брестскомъ соборѣ 1596 г. увлеченнаго въ унию митрополита Михаила Рагозы) кафедре православныхъ первосвятителей Киевскихъ оставалась праздною; не подчинившихся униі епископовъ оставалось только двое: Гедeonъ Львовскій († 1607) и Михаилъ Перемышльскій († 1612). Епископы, увлеченные въ соединеніе съ Римомъ, заняли престолы святителей православныхъ и употребляли всѣ средства, не стыдяся даже и самыхъ преступныхъ, для умноженія своего стада. Между ними особенно отличался безчеловѣчною жестокостію полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Онъ запечаталъ православные храмы по всей

²⁾ Такъ было въ Вѣлоруссіи и на Волыни во все время царствованія Сигизмунда. По словамъ современника, «въ Луцкѣ храмы Божіи обращены въ питейные дома... Въ Вильнѣ церкви стали кабаками и гостиницами. Невинныхъ людей выгоняли изъ магистратовъ и цѣховъ и сажали въ подземелья... Въ Минскѣ церковную землю отдали на постройку мечети. Въ Полоцкѣ принуждали къ униі кандалами и несогласныхъ выгоняли изъ города. Въ Туровѣ насиліемъ отобрали храмы съ утварью и выгнали благочестиваго епископа. Въ Оршѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ даже въ шалашахъ запрещено было молиться... Въ Бѣльскѣ составлено было опредѣленіе: если кто изъ мѣщанъ не пойдетъ за крестнымъ ходомъ въ костель, казнить смертію» (Ліоусъ, або камень, напеч. въ Кіевѣ. 1642).

Бѣлорусси и открыто требовалъ выгнать православныхъ вонъ изъ государства; мучилъ ихъ слѣдствіями и судами, домогаясь одного—перехода въ унию; ругался надъ совѣстію и надъ самыми мертвецами ³⁾. Въ ноябрѣ 1623 года Кунцевичъ умерщвленъ жителями Ви-тебска, въ которомъ онъ запечаталъ храмы, ругался надъ святынею и надъ клиромъ, сохранявшимъ вѣрность отеческой вѣрѣ ⁴⁾. Смерть одного мучителя дала поводъ другимъ къ усиленію мучительства.

Но церковь православная, утвержденная на незыблемомъ основаніи, на самомъ Христѣ Спасителѣ, и Его единого признающая своимъ главою и верховнымъ Пастыремъ пастырей, пребывала недолимою, несмотря на отпаденіе многихъ чадъ своихъ, увлекаемыхъ лестию, или отторгаемыхъ насиліемъ ⁵⁾.

Слабыми въ вѣрѣ оказались нѣкоторые изъ дворянства, прельщаемые богатствомъ и почестями. Въ числѣ ихъ находился и сынъ святопамятнаго князя Константина ⁶⁾, послѣдній князь острожскій—

³⁾ Канцлеръ Литовскій, Левъ Сапѣга, усердный униатъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ православію, писалъ Кунцевичу: «Безспорно, что я самъ хлопоталъ объ униі и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мнѣ никогда на мысль не приходило, чтобъ вы рѣшились приводить къ ней такими насильственными средствами. Уличаютъ васъ жалобы, поданныя на васъ въ Польшѣ и Литвѣ. Развѣ не извѣстенъ вамъ ропотъ глупаго народа, его рѣчи, что онъ хочетъ лучше быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей вѣры?—Постуки ваши, простицающіе болѣе изъ тщеславія и частной ненависти, нежели изъ любви къ ближнему, обнаруженные въ противность священной воли и даже запрещенію республики, произвели тѣ опасныя искры, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или очень опаснымъ, или даже всеистребительнымъ пожаромъ. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый самъ причиною бѣды своей надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безразсудно своему стремленію.— Говорите, что вольно вамъ неуніатовъ топить, рубить; нѣтъ, заповѣдъ Господня всѣмъ мстителемъ строгое сдѣлала запрещеніе, которое и насъ касается.— Когда насилуете совѣсти людскія, когда запираете церкви, чтобы люди безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, отъ короля полученными, то дѣло обходится и безъ насъ; когда же, по поводу этихъ безпутствъ, въ народѣ волненіе, которое надобно усмирять, тогда нами дыры затыкать хотите! Печатаютъ и запираютъ церкви и ругаются надъ кѣмъ-либо ведетъ только къ пагубному разрушенію братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Покажите, кого вы приобрѣли, кого вы уловили вашею суровостію, строгими мѣрами, печатаніемъ и запираніемъ церквей? вмѣсто того откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сдѣлали вы ихъ козлищами, навели опасностьъ государству, а можетъ быть и гибельъ всѣмъ намъ, католикамъ. Вотъ плоды вашей хваленой униі, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что въ то время съ вашею униєю будетъ!» (Исторія Россіи Соловьева, т. X, стр. 85—88).

⁴⁾ Имя этого Юсафата папа Пій IX недавно вписалъ въ число римскихъ святыхъ, какъ бы имя мученика. Какое доказательство канонической «непогрѣшимости» мнимаго намѣстника Христова, торжественно провозглашенной (въ 1870 году) на Ватиканскомъ лжевселенскомъ соборѣ, предъ уничтоженіемъ свѣтской власти папы!

⁵⁾ Не дивно, что при продолжительномъ кровожадномъ преслѣдованіи почти половина православныхъ жителей Литвы и Бѣлорусси обращена къ униі или къ латинству. Не столько успѣли на Волини, еще менѣе на Червонной Руси, а въ Малороссіи народъ отдалъ жизнь злобѣ фанатиковъ, но не измѣнялъ вѣрѣ отцовъ своихъ.

⁶⁾ Мстительный поборникъ вѣры и просвѣщенія христіанскаго, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался 1608 г. 18 февраля, на 82 году жизни; погребенъ

Іоаннъ (Янушъ), принявшій латинство изъ опасенія лишиться своихъ богатыхъ владѣній ⁷⁾. Самою чувствительною потерею для православной церкви было отступничество князя Іереміи Вишневецкаго, владѣтеля неизмѣримыхъ пространствъ и неисчислимыхъ поселеній въ южно-русскомъ краѣ.

Главными опорами церкви въ это тяжкое время были: казачество и школы, учрежденныя братствами.

Непоколебимая твердость въ вѣрѣ казацкаго войска удерживала иногда порывы фанатизма папистовъ. Шляхта ненавидѣла казаковъ, но короли дорожили ими, понимая значеніе войска Запорожскаго для обороны королевской власти отъ непокорныхъ и мятежныхъ пановъ, а потому опасались слишкомъ раздражать казаковъ гоненіями на православіе. Такъ особенно при воинственномъ гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, польское правительство не нарушало правъ казацкихъ, и унія въ Малороссіи утихла. Даже на Волицѣ, въ Червонной Руси и въ Литвѣ, при жизни Сагайдачнаго, всегда готоваго извлечь мечъ на защиту вѣры, гоненія ослабѣли. По смерти его они возобновились съ прежнею силою.

Мы имѣли уже случай говорить о церковныхъ братствахъ и основанныхъ ими школахъ. Въ началѣ XVII вѣка они усугубили ревность свою на защиту вѣры; явились и учителя, достойные православія. Одинъ изъ самыхъ достойныхъ представителей православія былъ Леонтій Карповичъ, воспитанникъ Острожскихъ школъ, строитель и первый архимандритъ виленскаго Духова монастыря, съ 1616 г. епископъ владимірскій и брестскій. Онъ еще тогда, какъ былъ іеродіакономъ печерской лавры, въ 1608 г. написалъ обличеніе на унію: онъ описываетъ унію, какъ очевидецъ брестскаго сейма 1595 г. и перомъ достойнымъ событія. Въ званіи архимандрита виленскаго братства, Леонтій въ 1615 г. говорилъ двѣ проповѣди, одну на Преображеніе Господне, другую на Успеніе Богоматери. Эти проповѣди—образецъ сердечнаго краснорѣчія, плодъ глубокаго знанія слова Божія, искусства, достой-

въ Острогѣ, въ замковой Богоявленской церкви, возлѣ своего меньшаго и любимаго сына Александра, который умеръ, къ неутѣшной скорби отца и всѣхъ православныхъ, въ 1603 году. Оба сына князя Александра—Константинъ и Иванъ, несмотря на то, что мачеха ихъ, княгиня Анна, была ревностною католичкою и орудіемъ іезуитовъ, жили и умерли православными. Когда дядя ихъ Янушъ, не имѣвшій сыновей, назначилъ въ наслѣдники своихъ племянниковъ подъ условіемъ быть католиками, то оба они отказались отъ богатаго наслѣдства. А сестра и наслѣдница ихъ, княжна Гальшка (Анна) Острожская, въ 1636 году, въ великую субботу, велѣла раскопать могилу достославнаго дѣда своего князя Константина, вынула кости и, обмывъ ихъ, отослала къ матери своей для передачи іезуитамъ. Этотъ святотатственный поступокъ описанъ у М. А. Максимовича подлинными словами современной Львовской лѣтописи (Письма о князьяхъ Острожскихъ. Кіевъ, 1866).

⁷⁾ Владѣніе острожское состояло тогда въ 25 городкахъ, 10 мѣстечкахъ и 670 селеніяхъ, кромѣ приписанныхъ къ разнымъ монастырямъ и церквамъ. Сверхъ того князьямъ Янушу и Александру Острожскимъ принадлежало еще владѣніе Тарновское, оставшееся отъ матери ихъ, княгини Софіи, дочери графа Станислава Тарновскаго. Были у нихъ еще и Литовскія помѣстья, купленныя отцомъ ихъ. Не даромъ была пословица: «богатый якъ Острожскій».

наго церковной кафедры; современники не напрасно называли сего страдальца за вѣру „подобнымъ Златоусту въ витійствѣ“.

Мелетій Смотрицкій, преемникъ Леонтія въ управленіи виленской обители и воспитанникъ того же Острожскаго училища, сперва былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ православія: отягченный злымъ гоненіемъ латинянъ и уніатовъ, онъ имѣлъ слабость (1627) перейти на сторону уніи; по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, онъ раскаялся предъ смертію († 1633).

Въ томъ же Острожскомъ училищѣ написано было весьма дѣльное сочиненіе объ уніи: Апокризисъ или отвѣтъ на Ипатіево описаніе брестскаго собора ⁸⁾. Къ числу училищъ южной Руси въ 1615 году присоединилось еще одно, которому суждено было стать во главѣ всѣхъ прочихъ. Жена Стефана Лозки, маршалка Мозырскаго повѣта, Анна Гулевичевна Лозкина, по наслѣдственной набожности и по любви къ Русскому народу, съ согласія своего мужа отдала кievскій домъ и дворъ свой на пользу общественную, а именно: на устроеніе тамъ монастыря, школы для дѣтей всякаго сословія и гостиницы для духовныхъ странниковъ „греко-восточнаго исповѣданія“, а чтобы ея „фундація“ пришла въ дѣйствіе, она немедленно ввела туда священноинока Исаію Копинскаго съ нѣсколькими монахами и свѣтскими лицами и завела тамъ школу; это распоряженіе свое она утвердила на судѣ записью 1615 года 14 октября. Съ этой записи и начинается положительная и достовѣрная исторія кievскаго братства ⁹⁾. „Богомысленный мужъ“ (по выраженію современниковъ) Исаія Копинскій былъ первымъ исполнителемъ распоряженій достопамятной основатель-

⁸⁾ Эта книга, приписываемая Христофору Вронскому, была напечатана въ Вильнѣ въ 1597 году какъ на польскомъ, такъ и на литовско-русскомъ языкѣ; сочиненіе превосходное по основательности мыслей и любопытное по множеству историческихъ документовъ, на которыхъ основаны мысли автора. Кievская Д. академія къ 50 лѣтнему своему юбилею (въ 1869 г.) изготовила новое изданіе Апокризиса.

⁹⁾ Безъ сомнѣнія, и прежде существовали школы въ Кіевѣ, но объ нихъ не сохранилось достовѣрныхъ свѣдѣній. Преданіе о томъ, будто бы царградскій патріархъ Іеремія, бывшій въ Россіи въ 1589 г., далъ благословеніе на основаніе Богоявленскаго братства, не подтверждено документами. Объ этомъ не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ актовъ кievскаго братства, начиная съ 1615 г., между тѣмъ какъ въ актахъ тѣхъ братствъ, которыя несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ, ясно упоминается объ этомъ благословеніи. Наконецъ самыя выраженія записи Анны Гулевичевны 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 года ведутъ къ прямому заключенію, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичевна говоритъ, что даетъ дворъ съ землею «на монастырь ставропигіи патріаршей и школу», т.-е. на будущій монастырь, будущую ставропигію, будущую школу, иначе она назвала бы этотъ монастырь, упомянула бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: «начинаемъ» сей душеспасительный, дружелюбный союзъ братства церковнаго, «начинаемъ» по благословенію святѣйшаго вселенскаго патріарха господина Теофана и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ и согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ. (Памятники кievской комиссіи т. II, отд. I, стр. 17, 37—38).

ницы кievскаго братства и первымъ его устроителемъ. Вскорѣ явился новый попечитель кievскаго братства— „мужъ христіанскихъ добродѣтелей и милостынъ полный“, по словамъ митрополита Іова Борецкаго. То былъ питомецъ Острожскихъ школъ и Запорожской Сѣчи, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, уроженецъ червонорусскій. Послѣ многолѣтнихъ войнъ и походовъ, онъ въ 1619 году, „вспомогая православному монастырямъ и церквамъ на Украинѣ“, построилъ въ кievскомъ братствѣ деревянную Богоявленскую церковь съ придѣломъ Благовѣщенія.

Въ 1620 году, среди великаго поста, въ братской гостиницѣ остановился достопамятный духовный странникъ, Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, возвращавшійся изъ Москвы, гдѣ онъ посвятилъ въ санъ патріаршій государева отца Филарета Никитича. При немъ находился экзархъ патріаршаго престола константинопольскаго, Арсеній, архимандритъ великой церкви. Тогда Кievское братство около десяти мѣсяцевъ было, можно сказать, средоточіемъ Кievской іерархіи, куда со всѣхъ ея концовъ принимали обрадованные православные люди. Теофанъ далъ Кievскому братству двѣ благословенныя грамоты и призналъ его патріаршею ставропигіей.

Пребываніе патріарха Теофана въ Кievѣ составило эпоху въ управленіи южнорусской митрополіи. Къ празднику Успенія Пресв. Богородицы (15 августа 1620 г.) съѣхалось, по обыкновению, множество знатнѣйшаго духовенства, дворянъ и запорожскихъ казаковъ съ своими начальными и гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ. Скорбя о бѣдственномъ положеніи сиротствующей Кievской іерархіи, всѣ, и особенно казаки, стали неотступно просить патріарха Теофана поставить имъ православнаго митрополита и епархіальныхъ епископовъ. Долго не соглашался осторожный святитель; но когда ему представили сеймовыя польскія конституціи, опредѣлявшія свободу восточнаго вѣроисповѣданія, и указали на примѣръ прежнихъ константинопольскихъ патріарховъ, которые присылали въ Кievъ ими самими избранныхъ митрополитовъ, тогда Теофанъ склонился на общую просьбу, посвятилъ Іова Борецкаго, игумена Михайловскаго монастыря, въ санъ митрополита и рукоположилъ еще десять епархіальныхъ архипастырей.

Возстановленіе православной Кievской іерархіи встревожило униатскихъ епископовъ. Тотчасъ по отъѣздѣ Теофана изъ Кieва, они подали доносъ Сигизмунду III, что пріѣзжавшій патріархъ былъ никто иной, какъ султанскій шпіонъ и возмутитель Малороссіянъ, что Іовъ Борецкій и другіе посвященные Теофаномъ епископы суть его соумышленники, что самое посвященіе ихъ безъ королевскаго разрѣшенія есть нарушеніе и презрѣніе высшей правительственной власти. Окруженный іезуитами, король забылъ на этотъ разъ, что самъ онъ въ томъ же году предписывалъ кievскимъ гражданамъ принимать священнаго гостя съ почтеніемъ, что самъ онъ въ ту пору повелѣвалъ всѣмъ украинскимъ и польскимъ жителямъ провожать его „честно,

безопасно и со всякимъ удобствомъ“. Безъ всякаго изслѣдованія доноса, онъ немедленно велѣлъ разослать универсалы, гдѣ всѣ новопосвященные епископы объявлены были измѣнниками, которыхъ слѣдуетъ ловить и представлять королевскому суду. Напрасно митрополитъ Іовъ посылалъ для оправданія себя Іосифа, епископа владимірскаго: король требовалъ, чтобы къ нему явились и всѣ прочіе. Исполнить волю королевскую значило бы подвергнуть себя крайней опасности, и потому Іовъ написалъ только свое: „Оправданіе невинности“, посланное имъ къ Сигизмунду III ¹⁰⁾.

Тогда-то ожесточенные изверги поднялись съ огнемъ и мечомъ на вѣрныхъ чадъ церкви православной. Іезуиты и уніаты, какъ бы соревнуя другъ другу, употребили все, что только могутъ внушить нетерпимость и изуверство. Описаніе этихъ ужасовъ до глубины волнуетъ душу самага спокойнаго испытателя дѣлъ человѣческихъ...

Въ это бурное время наравнѣ съ прочими и Кіевское училище подверглось опустошенію. Братство было разсѣяно; ученики и учителя умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостиница разорена, и не осталось бы камню на камнѣ, если бы гетманъ Сагайдачный съ своими казаками не остановилъ буйства грабителей и убійць. Огорченный вѣроломствомъ Поляковъ, онъ отказался помогать имъ противъ Турокъ, и поднявшись съ своимъ станомъ, перенелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію. Съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ, гоненіе на православныхъ стало значительно утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, овладѣлъ остатками Кіево-братскаго монастыря и занялся возобновленіемъ какъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный далъ монастырю села и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей свое достояніе. Тамъ покоится и прахъ его ¹¹⁾.

Митрополитъ Іовъ Борецкій (1620—1631), посвященный изъ игуменовъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, былъ, по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, „благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языки добръ умѣвый и тѣхъ языковъ иныя въ школѣ учивый“ ¹²⁾. Имъ въ 1621 году издано „Совѣтованіе о благочестіи“,—сочиненіе столь превосходное, что переносить съ собою читателя во времена мужей апостольскихъ. Вотъ нѣкоторыя правила его: „Возбуждать и приготавливать къ св. мученичеству какъ самихъ себя, воспоминаая слова Христовы—пастырь добрый ду-

¹⁰⁾ Наконецъ Сигизмундъ послалъ въ Грецію удостовѣриться, точно ли Теофанъ былъ патриархъ іерусалимскій. Утвердительное показаніе послѣ застало короля признати напраснымъ гоненіе, воздвигнутое имъ на новопосвященныхъ епископовъ.

¹¹⁾ См. мое первое письмо изъ Кіева, Душеп. Чт. 1869 г., ч. III, отд. 2, стр. 57.

¹²⁾ Онъ учился и былъ учителемъ въ Львовской школѣ, потомъ священникомъ въ Кіевѣ. Имъ издано, еще до святительства, нѣсколько полезныхъ книгъ: «Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ», переведенный имъ самимъ съ греческаго, напечатанъ въ 1628 г. «во дворѣ Іова Борецкаго, митр. Кіевскаго».

шу свою полагаетъ за овцы, такъ и сердца народа, и чтобы съ радостію переносили расхищеніе и разграбленіе своихъ имуществъ и терпѣли бы, какъ за вины, притѣсненія отъ властей, а также и оковы, наконецъ охотно, мученически, принимали бы всякую смерть, ради Господа... Не должно гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью клириковъ, если они архіереямъ и другимъ начальникамъ напоминаютъ что-нибудь, или отъ чего предостерегаютъ; напротивъ, позволить имъ это дѣлать, помня, что и царей и патріарховъ предостерегали и обличали... Если архіереи и другіе настоятели съ любовью допустить дѣлать себѣ замѣчанія и будутъ исполнять все предписанное, то отцы въ сынахъ, а сыны въ отцахъ пребывать будутъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ согласіе и приверженность къ нимъ народа“.

Когда православный епископъ Полоцкій, Мелетій Смотрицкій, послѣ путешествія въ Римъ, написалъ „Защищеніе путешествію по восточнымъ землямъ“, въ которомъ онъ не только высказалъ желаніе, дабы „восточная Церковь соединилась съ западной“, но и написалъ оскорбительныя клеветы на Церковь восточную и русскихъ защитниковъ православія,—митрополитъ Іовъ созвалъ соборъ (въ 1628 году) въ Печерской лаврѣ. Общимъ приговоромъ сочиненіе Мелетія признано противнымъ истинной церкви, а самъ авторъ принужденъ былъ торжественно отказаться отъ своихъ мнѣній.

Между тѣмъ иезуиты и униаты, оспаривая законность существованія Кіевской школы, воздвигнутой Сагайдачнымъ безъ королевскаго разрѣшенія, дѣлали ей разныя притѣсненія и обиды. Многочисленные вкладчики и покровители училища не смѣли продолжать своихъ благотвореній: если бы кто, даже по духовному завѣщанію, отказалъ что-нибудь въ пользу церкви и училища, принимать не дозволялось.

Налоги, утѣсненія, гоненія на Малороссію до того усилились, что наконецъ воевода кіевскій счелъ себя вынужденнымъ принести королю и сенату жалобу о горестномъ состояніи народа русскаго, доведеннаго до крайности. Тогда же митрополитъ Іовъ отправилъ изъ Кіева въ Москву Исаакія, епископа Луцкаго, съ просьбою къ царю и патріарху принять Малороссію подъ свое покровительство. Уважая права народныя и не желая поступить противъ чести, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ и нарушить миръ съ Польшею¹³⁾; но щедро одарилъ митрополита и посланника его. Малороссія опять продолжала бороться своими собственными силами. Послѣ кровавой борьбы, разбитые Поляки старались помириться съ казаками и предложили имъ въ гетманы коневскаго уроженца Тимо-

¹³⁾ Впрочемъ бояре московскіе сказали Исаакію: «А если впередъ Вамъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будутъ утѣсненія, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы царскому величеству и святѣйшему патріарху дайте знать; тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божія и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленія видѣть (Истор. Росс. Соловьева т. X, стр. 95—96).

ея Арандаренка. Митрополитъ Іовъ и новый вождь храбрыхъ запорожцевъ, съѣхавшись въ Черкассахъ, положили отправить къ королю двухъ представителей съ жалобою на розоренія, причиняемая Украинѣ войною. Въстѣ съ тѣмъ Іовъ поручилъ имъ исходатайствовать у короля привилегію на заведенную въ Кіевѣ братскую школу. Въ 1629 году послѣдовала королевская грамота, которою утверждалось устройство на усадьбѣ подаренной Анною Гулевичевною, братства милосердія и богадѣльни, съ тѣмъ, дабы что „они своимъ изживеніемъ ни построили бы, то на вѣчныя времена должно остаться во власти и вѣдомствѣ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ потомковъ“. О школѣ впрочемъ тутъ не было упомянуто ни слова; очевидно, что грамота эта писалась подъ редакцію ближайшихъ совѣтниковъ короля—іезуитовъ, для которыхъ борьба съ училищами была во сто разъ труднѣй, чѣмъ разграбленіе церквей, монастырей и богадѣленъ. Но на этотъ разъ довольно было и такой привилегіи: все-таки она могла служить хоть какою-нибудь защитой отъ безпрестанныхъ нападений заклятыхъ противниковъ православнаго училища. Наконецъ, на сеймѣ, послѣ самаго шумнаго засѣданія, повелѣно и духовнымъ и мірянамъ обоихъ вѣроисповѣданій сохранять миръ и спокойствіе, а за насильство и наѣзды на владѣнія, принадлежащія православнымъ, положенъ штрафъ въ три тысячи гривенъ. Такимъ образомъ, при концѣ жизни своей, митрополиту Іову привелось увидѣть хотя малые плоды своихъ многолѣтнихъ попеченій о спокойствіи угнетеннаго края.

Преемникомъ святителя Іова былъ Исаія Копинскій, воспитанникъ острожскихъ училищъ, съ молодыхъ лѣтъ до гроба подвижникъ. Онъ 14 лѣтъ провель въ Антоніевой пещерѣ и былъ ея настоятелемъ, потомъ короткое время начальствовалъ въ Богоявленскомъ братствѣ при самомъ учрежденіи училища. По просьбѣ старцевъ, принималъ онъ на себя заботы объ устройствѣ новаго Густинскаго монастыря, по его ходатайству князь Михаилъ Вишневецкій обезопасилъ существованіе новой обители своими распоряженіями; а супруга его, княгиня Ирина (Раина) Вишневецкая назначила, какъ для устроеннаго имъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря, такъ и для новаго Ладинскаго скита, угодыя, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ женскимъ, а игуменіею была сестра отца Исаіи Александра¹⁴⁾. Изъ игуменовъ Межигорскаго монастыря посвященъ онъ въ 1620 г. патр. Теофаномъ въ епископа Перемышльскаго. Гоненіе, воздвигнутое іезуитами и униатами, принудило его оставить Перемышль. Въ Ладинскомъ скиту съ послушникомъ Геннадіемъ выкопалъ онъ своими руками пещеру, построилъ кельи и другія принадлежности: въ Густынѣ и Мгарѣ построилъ и освятилъ храмы. Любимымъ мѣстомъ пребыванія его былъ

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. IV, № 214—216. Княг. Раина Вишневецкая называлась «Могилянкою», потому что происходила изъ Молдавской княжеской фамиліи Могиля. По всей вѣроятности, она приходилась теткою митропол. Петру Могиля.

Ладинскій скитъ ¹⁵⁾. Съ званіемъ архіепископа Смоленскаго и Черниговскаго, присутствовалъ онъ на соборѣ, призывавшемъ Мелетія къ раскаянію. Въ томъ же званіи онъ подписался на исправленіи служебника, изданнаго въ Кіевѣ въ 1629 году.

Блаж. Исаи одолжена Церковь превосходнымъ назидательнымъ сочиненіемъ — „Духовною лѣствицею“. Это сочиненіе издается между сочиненіями св. Димитрія Ростовскаго, но ему принадлежитъ развѣ только переводъ сочиненія на славянскій языкъ ¹⁶⁾. Особенно важно и по содержанію и по духу посланіе святителя къ князю Іереміи Вишневецкому, сыну благотворительницы основанныхъ имъ монастырей, съ увѣщаніемъ возвратиться къ прародительской вѣрѣ: „Милостивый князь,—взывалъ къ отступнику богомысленный старецъ,—сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего благочестиваго христіанства преисполнились скорбію неизрѣченною, когда мы увидѣли, что ваша княжеская милость, вождельнная утѣха наша, отрекается отъ святой вѣры вашихъ предковъ и родителей. Плачетъ и сѣтуетъ Церковь Божія, вами покинутая. Всѣмъ намъ вѣдомо, какими страшными клятвами связала васъ, относительно религіи, родительница ваша, блаженной памяти княгиня Раина, отходя отъ міра сего. На чью душу падаетъ грѣхъ, Господь вѣдаетъ. Но мы знаемъ, что отцовская клятва сушитъ, а материнская искореняетъ. Спросилъ бы я всѣхъ, зачѣмъ отрекаются отъ древней и чистой вѣры? Если для мудрости міра сего, то она мудрость есть юродство предъ Богомъ, по слову Апостола. Если для избѣжанія заблужденій, то да вѣдуютъ всѣ, что нѣтъ и бытъ не можетъ заблужденія въ православной церкви Христовой; скорѣе тамъ оно найдется, гдѣ ежегодно что-нибудь прибавляется, или убавляется по изволенію человѣческому. Если же для почести міра сего и для корысти—то это дѣло постыдное и низкое, недостойное вашего славнаго рода“ ¹⁷⁾.

Кратковременное управленіе митрополіею Исаи (1631—1633) ознаменовано, по отношенію къ юго-западной Россіи, нѣкоторою льготою для православія, а по отношенію къ Кіево-братскому училищу полнымъ развитіемъ многополезной дѣятельности Петра Могилы.

¹⁵⁾ «Гамо наипаче жительствовати обыче на уединеніи; не хотяще бо ни въ чесомъ братіи (Густынской) отягчати кѣросомъ своимъ и самымъ собою» (Лѣтоп. Густынскаго монастыря, изд. въ Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древ. 1848).

¹⁶⁾ Въ рукоп. Синодальной библиот. (146), принадлежавшей самому св. Димитрію, заглавіе сочиненія говорить: «Лѣствица духовнаго по Бозѣ жительства написана отцемъ Исаіею Копынскимъ, послѣди бывшимъ митропол.» Тоже видимъ и въ другихъ спискахъ у царскаго, № 229; у Толстого II, № 305).

¹⁷⁾ Акты Зап. Росс. IV, № 526.

Г Л А В А IV.

Благотворное правленіе митрополита Петра Могила. Кіевская коллегія.—Преподобный Аеанасій Брестскій и Іовъ Почаевскій.

Величайшій благодѣтель кіевской школы, Петръ Могила, происходилъ отъ князей молдавскихъ, былъ внукомъ волошскаго князя Іоанна и сыномъ молдавскаго князя Симеона. Онъ принадлежалъ къ тому семейству, которое всегда славилось своею ревностію къ православію и любовью къ благолѣпію храмовъ Божіихъ. Въ Кіевскомъ каталогѣ митрополитовъ сказано, что Петръ Могила получилъ воспитаніе въ парижскомъ университетѣ, гдѣ выслушалъ полный курсъ словесныхъ наукъ и богословія; другіе же пишутъ, что онъ обучался во львовской школѣ. Не утверждая ни того, ни другого мнѣнія, мы видимъ только, что Могила совершенно былъ знакомъ съ европейскимъ образованіемъ; онъ лучше всѣхъ усмотрѣлъ то, чего тогда недоставало нашему отечественному просвѣщенію. Въ молодости онъ находился въ военной службѣ и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно, что заставило Петра Могила промѣнять блестящее поприще, ожидавшее его въ мірской жизни, на скромную долю инока: пути Промысла неисповѣдимы и часто вопреки всѣмъ предположеніямъ ведутъ они человѣка къ цѣли высокой, которой съ другаго противоположнаго пути и не видно. Печерскій архимандритъ Захарій Копыстинскій (1614—1626) принялъ его въ число святаго братства. Здѣсь въ общеніи съ учеными братьями, которые единственною цѣлію своихъ мирныхъ занятій поставляли поддержаніе православія, онъ ближе могъ ознакомиться съ состояніемъ и нуждами русской церкви и довершить свое образованіе, полученное имъ въ мірѣ.

Обитель Кіевопечерская была тогда одною изъ главныхъ опоръ гонимаго православія. Заведенная въ ней архимандритомъ Елисеємъ Плетенецкимъ типографія издавала необходимыя книги для православныхъ церквей и возникавшихъ училищъ. Святогорскіе иноки: Кипріанъ, получившій образованіе въ Венеціи и Падуѣ, Іосифъ, протосинкелль александровскаго патріарха, виленскій проповѣдникъ Лаврентій-Зизаній Тустановскій, Памва Берында и Тарасій Земка приготовляли переводы писаній отеческихъ. Архимандритъ лавры, Захарія Копыстенскій, кромѣ переводовъ, писалъ защищеніе православнаго

ученія отъ нападенія латинянъ и другихъ иновѣрцевъ ¹⁾. Такимъ образомъ въ киевопечерской лаврѣ, несмотря на гоненія враговъ, все одушевлено было ревностію по православію; ученые иноки старались и въ прочихъ братіяхъ и служителяхъ церкви возбудить усердіе къ православнои вѣрѣ и слову Божію. Потомокъ княжескаго рода, имѣвшій, конечно, значительныя связи, отлично образованный Могила и въ санѣ простого іеромонаха пользовался особеннымъ вліяніемъ на дѣла церковныя. Онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и къ митрополиту Іову, и къ архимандриту печерской лавры Захаріи. Съ ними-то онъ думалъ думу крѣпкую о бѣдственномъ положеніи церкви православнои; съ благословенія ихъ онъ исполнилъ замысль, дотолѣ небывалый. Не столько боясь огня и меча враговъ вѣры истинной, сколько зловреднаго и хитрообольстительнаго ихъ ученія, Петръ Могила рѣшился образовать достойнѣйшихъ имъ соперниковъ. Для этой цѣли, выбравъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей изъ иноческаго и свѣтскаго званія, онъ отправилъ ихъ на собственномъ своемъ иждивеніи за границу для усовершенствованія въ выснихъ наукахъ.

Когда архимандритъ Захарія скончался (въ апрѣлѣ 1626 г.), и братія лавры, по своимъ правамъ, приступили къ избранію новаго настоятеля вольными голосами, то нашлось много голосовъ въ пользу іеромонаха Петра, человекъ знатнаго родомъ, истиннаго ревнителя о благѣ церкви, хотя ему едва было тридцать лѣтъ отъ роду, и прошло не болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ вступилъ въ монастырь. Правда, были и несогласныя на это избраніе, и обитель довольно времени оставалась безъ настоятеля; но наконецъ ученые братія восторжествовали. Патріархъ константинопольскій Кирилль Лукаръ, отъ котораго зависѣла лавра, какъ его ставропигія, утвердилъ избраніе.

Киевопечерская лавра только съ половины XVI столѣтія начала возставать изъ развалинъ. Сколько позволяли обстоятельства, настоятели ея! Малетій, Елисей и Захарія, заботились объ улучшеніи наружнаго ея состоянія. Петръ Могила, будучи архимандритомъ лавры и въ санѣ митрополита въ продолженіе девятнадцати лѣтъ, не жалѣлъ ни своихъ денегъ, ни трудовъ на ея устройство. Онъ обновилъ извнѣ и внутри церковь Успенія Божіей Матери, украсилъ св. пещеры, возстановилъ упавшія церкви. При немъ въ первый разъ издано описаніе житій преподобныхъ, подвижавшихся въ пещерахъ, или Патерикъ, въ прославленіе памяти древнихъ подвижниковъ ²⁾. При немъ описа-

¹⁾ Важнѣйшее изъ сочиненій Захарія «Палинодія, или оборона св. католической Церкви», къ сожалѣнію, донинѣ остается въ рукописяхъ. Здѣсь отецъ Захарія съ силою мысли и теплотою чувства поражаетъ противника на каждомъ шагѣ его и предлагаетъ много любопытнаго о состояніи православнои Церкви. Въ другомъ сочиненіи: «Предисловіе къ толкованію посланій апостольскихъ», Захарія предлагаетъ прекрасное увѣщаніе духовнымъ и мірянамъ изучать священныя книги.

²⁾ Трудъ Сильвестра Коссова, въ то время префекта Кіевской Коллегіи, изд. въ Кіевѣ 1635 г. на польскомъ языкѣ. Въ предисловіи Сильвестръ пишетъ: «Посѣщая пещеры Кіевскія и гробы св. отецъ и чудясь нетлѣнію святыхъ тѣлъ ихъ, не разъ я горь-

ны и совершившіяся при св. мощахъ угодниковъ Божіихъ чудеса, которыя, вопреки несправедливымъ толкамъ враговъ православія, не изсякали и по отпаденіи уніатовъ; а вмѣстѣ описана и лавра съ ея пещерами ³⁾. Онъ возвратилъ подѣ управленіе лавры древній монастырь въ Кіевѣ Пустынно-Николаевскій, основалъ Голосѣевскую пустыню и на свой счетъ завелъ богадѣльню.

Другое дѣло, постоянно занимавшее Петра, было учрежденіе вышшаго училища въ Кіевѣ для образованія достойныхъ защитниковъ православія. Училище, существовавшее въ Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ, не достигало этой цѣли, потому что не доставляло вышшаго богословскаго образованія. Между тѣмъ для желающихъ такого образованія изъ уніатовъ открытъ былъ доступъ въ коллегію, основанную папою Григоріемъ XIII для грековъ въ Римѣ, гдѣ по просьбѣ уніатскаго митрополита кіевскаго назначено было постоянно содержать на казенный счетъ четырехъ воспитанниковъ изъ Русскихъ. Многие изъ учившихся въ этой коллегіи заняли потомъ значительныя мѣста въ грекоунитской іерархіи. Подобную же коллегію, или семинарію, положили основать въ Минскѣ уніатскіе епископы.

Петръ Могила дождался возвращенія изъ-за границы своихъ питомцевъ, а другихъ ученыхъ взялъ изъ львовскаго православнаго братства и назначилъ имъ пребываніе въ лаврѣ, обязавшись письменнымъ условіемъ доставлять имъ содержаніе и всякія пособія. Патріархъ Константинопольскій Кирилль Лукарь и управляющій митронолією кіевскою Исаія Копинскій преподали благословеніе на сіе святое дѣло. Епископы: луцкій, пинскій и хельмскій, знатнѣйшее духовенство кіевское и почетное братство лаврское письменно изъявили на то свое согласіе. Какъ велика была ревность къ святому дѣлу въ лаврѣ, доказываетъ подпись одного изъ числа братіи ея Антонія Мужилловскаго, который подписался такъ: „Антоній Мужилловскій, іеромонахъ и старецъ монастыря печерскаго, при томъ кровь свою пролить готовъ“.

Однакоже вскорѣ по прошенію главныхъ сословій: православнаго духовенства, войска казацкаго и обывателей города Кіева Петръ Могила рѣшилъ соединить свое вновь заводимое училище съ Бого-

ко плакалъ, что несчастливое завистливое время до сей поры не явило свѣту избранныхъ Божіихъ, которыхъ прославилъ самъ Богъ. Когда же нынѣшній нашъ архипастырь (Петръ Могила) изъявилъ свое попеченіе и волю, чтобы житія святыхъ были очищены отъ праха и изданы въ свѣтъ, тогда я охотно углубился въ хроники и лѣтописи греческія, славянскія, латинскія, русскія и польскія, чтобы узнать—кто были сіи избранные Божіи и когда они жили».

³⁾ Аванасій Кальнофойскій, инокъ пещернаго монастыря, сочинилъ на польскомъ языкѣ «Тератургима, или чудеса, какъ въ самомъ Печерскомъ монастырѣ, такъ и въ обѣихъ св. пещерахъ», съ истор. замѣчаніями. Набожный повѣствователь исчисляетъ до 64 чудесъ современныхъ ему (1594—1638), присовокупляя клятвенное свидѣтельство отъ каждаго объявлявшаго о чудѣ, совершившемся надъ нимъ. Все это описаніе предпринято и совершено было съ тѣмъ, чтобы опровергнуть злослѣвенныя клеветы уніатовъ и іезуитовъ, будто въ православной Церкви нѣтъ болѣе чудесъ.

явленскимъ. Причиною такой переменѣны съ одной стороны было опасеніе, чтобы училище Богоявленское совсѣмъ не упало, имѣя столь значительнаго соперника въ училищѣ лаврскомъ, у котораго были лучшіе наставники, съ другой, быть можетъ, и желаніе самого Петра скорѣе достигнуть цѣли трудовъ своихъ, такъ какъ въ училищѣ братскомъ воспитанники уже были готовы для высшаго образованія, тогда какъ въ лаврѣ надлежало бы еще готовить ихъ. Петръ Могила удержалъ за собою званіе старшаго брата въ Богоявленскомъ братствѣ, опекуна, смотрителя и защитника въ братскомъ училищѣ. Такимъ образомъ давнее желаніе его исполнилось: кругъ образованія духовнаго былъ расширенъ, и приняты въ преподаваніи наукъ лучшія методы, какія существовали тогда въ иностранныхъ училищахъ.

На сеймѣ 1632 года, бывшемъ по смерти короля Сигизмунда и избранномъ на престолъ польскій сына его Владислава, знаменитый архимандритъ Печерскій былъ въ числѣ депутатовъ отъ Малороссіи. При усиленныхъ стараніяхъ его и православныхъ его сотоварищей въ первый разъ послѣ водворенія уніи было торжественно признано правительствомъ существованіе православной митрополіи и четырехъ епархій. Тогда же положено: 1) быть двумъ митрополитамъ, уніатскому и благочестивому (т.-е. православному); 2) въ Полоцкой епархіи быть двумъ епископамъ и благочестивому имѣть пребываніе въ Могилевѣ; 3) въ епархіяхъ перемышльской и львовской всегда быть благочестивымъ епископамъ; 4) лупцкую епископію уступить имъ же; 5) благочестивымъ свободно относиться къ священникамъ и епископамъ хотя бы другой епархіи. Возвратить имъ нѣсколько монастырей и храмовъ, отнятыхъ унитами. Жарко спорили ляхи и униты, не допуская внести сей актъ въ актовыя книги; но успѣли только въ томъ, что исполненіе его отложено до времени. На сеймѣ коронаціонномъ (13 февраля 1633) Владиславъ возобновилъ актъ, предоставлявшій свободу православнымъ, и присягнулъ въ охраненіи безопасности православія. Тогда же вся Рѣчь Посполитая подтвердила дипломъ, выданный королемъ.

Въ то же время всѣ православные, бывшіе на сеймѣ, единодушно избрали въ санъ митрополита кievскаго Петра Могилу. Ему хорошо было извѣстно, что іезуиты и уніаты не отдадутъ безпрекословно того, что они привыкли уже считать своею собственностію, что съ ними надо будетъ дѣйствовать энергически. Съ другой стороны, онъ видѣлъ, что жезлъ кievской іерархіи въ дряхлыхъ уже рукахъ, что старецъ Исаія не выдержитъ ожидаемаго напора со стороны враговъ Церкви восточной; поставляя все это на видъ православнымъ, собравшимся на сеймъ, онъ не сталъ отказываться отъ единодушнаго избранія, несмотря на то, что Исаія былъ еще живъ. Петръ не могъ не видѣть, что оказывается какъ бы неблагодарнымъ къ своему ближайшему благодѣтелю, что дѣло это можетъ лечь пятномъ на достопамятную его память: но, имѣя цѣлью умиротвореніе страждущей Цер-

кви и оборону ея отъ враговъ, онъ рѣшился пожертвовать своею личною безукоризненною и принялъ жезлъ архипастырскій ⁴⁾.

Получивъ королевское утверженіе и испросивъ благословеніе патріарха Цареградскаго, Петръ Могила вызвалъ во Львовъ валашскаго митрополита съ епископами и принялъ отъ него посвященіе (28 апрѣля 1633 г.). Послѣ того онъ снова воротился въ Краковъ и присутствовалъ при коронаціи короля Владислава IV, послѣдовавшей 6 февраля того же года. Во время торжествъ и церемоній Могила не терялъ изъ виду своего возлюбленнаго училища. Испросивъ себѣ позволеніе и въ санѣ митрополита оставаться архимандритомъ Кіевопечерской лавры, а также и Никольскаго монастыря блюститель, Могила началъ ходатайствовать о дозволеніи преобразовать кіево-братскія Богоявленскія школы въ православную академію. Но сколь легко достигъ онъ утвержденія первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять послѣднее требованіе. Особенно непріятно это было католическому и униатскому духовенству; оно ясно видѣло, что заведеніемъ первокласснаго училища готовится неизбѣжный подрывъ всему тому, что воздвигали они столько лѣтъ и съ такими непріятностями и трудами. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ чиновъ сейма рѣшительно отвергли просьбу Петра Могилы; но когда Владиславъ IV, по неотступному его ходатайству, изъявилъ твердую свою волю о преобразованіи кіево-братскаго училища, тогда заспорили о переименованіи его въ академію. Могила уже не счелъ нужнымъ гнаться за именемъ, когда самое дѣло было сдѣлано, и получилъ желаемую привилегію на образованіе „коллегіи“, въ которой введено было странное преподаваніе философіи и богословія.

Первопрестольный городъ православія въ Россіи, послѣ многократнаго разоренія Монголами и Литовцами надолго оставленный сво-

⁴⁾ Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что «сѣхавшіеся на сеймъ православные депутаты признали престарѣлаго Исаю неспособнымъ, а можетъ быть онъ не былъ еще и посвященъ. Ни Сильвестръ Коссовъ, ни кіевскій каталогъ не полагаютъ его въ числѣ кіевскихъ митрополитовъ» (Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи. Кіевъ. 1825, стр. 166—171). Нѣкто Ерличъ въ своей лѣтописи, писанной на польскомъ языкѣ, обвиняетъ Петра Могилу въ низверженіи Исаи и грубыхъ иоступкахъ съ нимъ. Но Ерличу нельзя вѣрить, потому что онъ, какъ шляхтичъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ всегда къ нимъ благосклоненъ и опирался на казачество, а потому шляхетство старалось всячески очернить его. Скорѣе можно думать, что старецъ-подвижникъ Исаія, дряхлый и немощный, самъ благословилъ любимаго архимандрита печерскаго искать себѣ первосвятительскаго мѣста. Если бы избраніе Могилы было не по мысли Исаи, онъ успѣлъ бы предупредить исполненіе придуманнаго дѣла, продолжавшагося почти годъ, и не приминувъ бы писать объ этомъ и къ православнымъ, бывшимъ на сеймѣ, и къ подвѣдомственнымъ ему епископамъ, и даже къ самому королю; а мы не видимъ ни протеста, ни жалобы. По прибытіи новаго митрополита, Исаія спокойно и благодушно сходитъ съ утомившаго его поприща, конечно благославляя въ душѣ сильнаго умомъ и волею мужа, подъявшаго тяжкое бремя на рамена свои. Лѣтописецъ кіевскій скромно замѣчаетъ объ Исаи: «Сидяше на митрополіи яко двѣ лѣтъ со всякимъ бѣдствованіемъ и остави престоль судомъ Нѣкіимъ Божиимъ, понеже изнемогъ бѣ старостію». Блаж. старецъ почилъ въ печерской лаврѣ въ 1634 г.

ими митрополитами, во время Петра Могилы имѣлъ не болѣе десяти или двѣнадцати церквей православныхъ. Софійскій кафедральный храмъ, или монастырь, со времени уніи принадлежащій уніатскимъ митрополитамъ, былъ въ заустѣнніи. Петръ Могила, возвративъ его въ свое вѣдѣніе, первое стараніе употребилъ на возстановленіе этого священнаго памятника благочестія Ярославова, если не въ прежнемъ величіи, то по крайней мѣрѣ въ достойномъ его благолѣпіи. Не укрылись отъ его благочестивой попечительности и другіе памятники древней святыни. Онъ возобновилъ древній храмъ Спаса въ Берестовѣ, возстановилъ монастырь Выдубицкій, началъ возобновлять и церковь Десятинную, подъ развалинами которой обрѣлъ священные останки св. в. к. Владиміра. Такими услугами святитель Петръ засвидѣтельствовалъ не только свое благочестіе, но и глубокое сочувствіе ко всему древне-русскому. Заботясь объ удовлетвореніи главнѣйшихъ потребностей своей паствы, Петръ Могила обратилъ вниманіе и на изданіе церковныхъ книгъ. Онъ требовалъ, чтобы никакія церковныя книги не выходили вновь безъ сличенія съ греческими и самъ трудился надъ ихъ пересмотромъ и исправленіемъ. Этимъ благовременнымъ распоряженіемъ онъ устранилъ отъ своей Церкви тѣ смуты, какія произошли въ Церкви великороссійской отъ первыхъ неисправныхъ изданій, выходившихъ болѣе полустолѣтія. Еще будучи архимандритомъ лавры, Петръ Могила вмѣстѣ съ соборомъ малороссійскихъ епископовъ занимался пересмотромъ Служебника. Послѣ того онъ трудился надъ приготовленіемъ къ изданію Цвѣтной Тріоди и особенно Потребника. Этотъ послѣдній трудъ, кромѣ своей обширности, важенъ и по тѣмъ наставленіямъ, какія предлагаются для священнодѣйствующаго о существѣ и образѣ совершенія св. таинствъ.

Особенное защищеніе православной вѣры и богослуженія обнаружено было Петромъ Могилою противъ сочиненія бывшаго ректора кіевскаго училища, потомъ архимандрита Дубенскаго, Кассіана Саковича, который сперва обратился въ унію, а послѣ совсѣмъ перешелъ въ Римскую Церковь. Этотъ отступникъ православія издалъ книгу, исполненную самой злобной клеветы противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ—православныхъ и уніатовъ, въ которой особенно нападалъ на богослуженіе и обряды православной Церкви, оставшіеся и у уніатовъ, по большей части, неприкосновенными, и обвинялъ православныхъ въ усвоеніи себѣ реформатскихъ мнѣній. При такомъ нападении на православіе ревностный архипастырь не могъ оставаться безотвѣтнымъ. Онъ издалъ опроверженіе на клеветы Кассіана въ книгѣ подъ названіемъ „Камень съ пращи истинной святой православной Церкви Русской“, скрывъ свое имя подъ названіемъ Евсевія Пимена, т.-е. благочестиваго или православнаго пастыря. Съ отчетливымъ знаніемъ дѣла, онъ опровергъ хулы на православное чиноположеніе въ совершеніи таинствъ и обрядовъ богослуженія, представилъ несправедливость укоризнъ, дѣлаемыхъ русскому духовенству, и доказалъ неосновательность ученія Римской

Церкви о главенствѣ папы и объ исхожденіи Святаго Духа „и отъ Сына“

Въ 1640 г. Петръ Могила пригласилъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ на соборъ. Съ 8 сентября начались засѣданія и читанъ былъ Катихизисъ, сочиненный въ Кіевѣ. Предварительныя разсужденія о спорныхъ предметахъ происходили между учеными архимандритами и игуменами подъ предсѣдательствомъ Самуила Шацека, ученаго архимандрита Слуцкаго, а соборныя опредѣленія записывали разумные и очень ученые отцы Іосифъ Константиновичъ, ректоръ кievскій, бывшій потомъ епископомъ мстиславскимъ, и Иннокентій Гизель, ректоръ Гойскихъ школъ. Тогда же разсуждали и составили опредѣленіе не только „о состояніи святыхъ, но и состояніи вообще душъ умершихъ, о частномъ судѣ, о чистилищѣ, о формѣ таинства евхаристіи“. Въ этихъ опредѣленіяхъ видимъ, что соборъ, съ одной стороны, опровергалъ римское мнѣніе о чистилищѣ, съ другой — осуждалъ и крайность реформаціи, введшей, во враждѣ къ Риму, ученіе, что святые до будущаго суда не наслаждаются блаженствомъ, а всѣ вообще души умершихъ остаются до суда въ какомъ-то снѣ, въ состояніи безсознательномъ. Такимъ образомъ соборъ старался отклонять православныхъ сколько отъ ошибокъ папизма, столько же отъ своеволій реформаціи. Въ этомъ духѣ пересмотрѣно и „исповѣданіе вѣры“. Назвавъ его „изложеніемъ вѣры Руссовъ“ (*ἔκθεσις τῆς τῶν Ρῦσσω πίστεως*), соборъ отправилъ его на греческомъ языкѣ на разсмотрѣніе восточныхъ пастырей. Яскій соборъ 1642 г. при депутатахъ русской церкви снова пересмотрѣлъ его и отправилъ къ патріарху. „По настоянію нашей русской Церкви, — писалъ Петръ Могила, — Церковь Константинопольская произнесла проклятiе на всѣ кальвинскіе, еретическіе артикулы вѣры, изданные подложно подъ именемъ св. отца памяти Кирилла (Лукарія), патріарха константинопольскаго, на соблазнъ вѣрныхъ Божіихъ чадъ восточной Церкви“. Это опредѣленіе мая 1662 г., защитившее честь патріарха Кирилла, за подписомъ патріарха Парөөнія, препровождено было къ кievскому митрополиту и было подписано имъ самимъ и всѣми епископами южной Россіи. „Пусть это обратится въ стыдъ тебѣ и каждому другому, несправедливо обвинявшему насъ въ потворствѣ кальвинизму и лютеранству“, — говорилъ митр. Могила отступнику Кассіану Саковичу. Въ маѣ 1643 г. одобрено было всѣми восточными патріархами изложеніе вѣры Руссовъ и названо „православнымъ исповѣданіемъ каѳолической и восточной Церкви“⁵⁾. Но книга оставалась еще на Востокѣ. Митрополитъ два года ждалъ ее. Въ 1645 г. онъ издалъ сокращеніе православнаго исповѣданія вѣры; объ артикулахъ вѣры, сперва на польскомъ, потомъ на русскомъ языкѣ; на польскомъ для того, какъ сказано въ предисловіи къ русскому изданію, чтобы „загра-

⁵⁾ Это исповѣданіе вѣры, приписываемое позднѣйшими писателями самому Петру Могилѣ, составлено игуменомъ Кіево-Николаевскаго монастыря Исаією Трофимовичемъ и пересмотрѣно митрополитомъ (Обзоръ рус. дух. литературы ч. 1, стр. 271).

дять уста безстыднымъ клеветникамъ, которые на томъ же языкѣ дерзають обвинять предъ свѣтомъ Церковь православно-каѳолическую въ разныхъ ересяхъ“. Хотя пространное исповѣданіе вѣры оставалось еще 29 лѣтъ неизданнымъ, вопреки надеждамъ Могилы ⁶⁾, по опредѣленіе границъ, отдѣляющихъ православіе отъ папизма и реформаціи, уже сдѣлалось общеизвѣстнымъ.

Заботясь непрестанно о созданной имъ Кіевской коллегіи, святитель Петръ далъ ей приличное помѣщеніе въ выстроенномъ на его изживеніи каменномъ домѣ, назначилъ изъ своего имѣнія и изъ волостей лаврскихъ нѣсколько деревень на ея содержаніе и вообще оказывалъ учащимъ и учащимся всякаго рода вспоможеніе. Предоставивъ высшее образованіе юношества коллегіи кіевской, онъ завелъ другое низшее училище въ Винницѣ. Онъ приготовилъ своимъ воспитанникамъ руководство для упражненія въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ въ книгѣ, названной имъ: „Анеологіонъ, или собраніе цвѣтовъ“. Посвящая сію книгу „благонравнымъ студеомъ (студентамъ) школъ кіевскихъ“, онъ писалъ юношамъ: „часто приходило мнѣ на мысль, что въ семъ училищѣ не только должны быть преподаваемы высшія науки, но и особенно должно быть посѣваемо въ сердцахъ вашихъ, юноши, благочестіе. Посему я перевелъ нѣкоторыя духовныя размышленія и рѣшилъ самъ въ настоящее цвѣтущее весеннее время въ видѣ отдыха отъ ежедневныхъ трудовъ и хлопотъ собрать для вашего цвѣтущаго юношескаго и дѣтскаго возраста благоухающіе цвѣты благочестивыхъ размышленій и умилительныхъ молитвъ на лугахъ богодуховныхъ церковныхъ учений и св. Писанія и въ знакъ моего отцовскаго усердія принести ихъ въ даръ всему вашему содружеству, т.-е. конгрегаціи школъ кіевскихъ“.

Современники увѣряють, что ревностный къ вѣрѣ и просвѣщенію архипастырь, видя неустройство и безначаліе Польши и встрѣчая на всякомъ шагу нетерпимость и фанатизмъ папистовъ, совѣтовалъ вождямъ казацкой рати искать себѣ спасенія въ союзѣ съ единокровнымъ и единовѣрнымъ Московскимъ государствомъ. Но Петру могилѣ не суждено было дожить до соединенія Малой Руси съ Великою: еще не достигши преклонныхъ лѣтъ, онъ уже приблизился къ концу своего земного поприща. Обращая взоръ на протекшую свою жизнь, онъ могъ сказать: „все, что имѣлъ я, то посвятилъ вмѣстѣ съ собою на хвалу и служеніе Богу“. Той же цѣли посвятилъ онъ и остатки своего имущества. Въ духовномъ завѣщаніи составленномъ за восемь дней до кончины, онъ объявилъ первую свою наследницею Кіевскую Коллегію, которой существованіе, какъ „единственный залогъ свой“ (*unicum pignus meum*), желалъ упрочить и на будущія времена. Ей оставилъ онъ значительныя суммы на содержа-

⁶⁾ Исповѣданіе вѣры на греческомъ языкѣ въ первый разъ издано Панагіотомъ въ Амстердамѣ 1662 года. Въ переводѣ на славянскій митр. Варлаама Ясинскаго издано по благословенію патріарха Адриана 1696 г. въ Кіевѣ.

не, свою бібліотеку на разныхъ языкахъ и недвижимую собственность, для нея прибрѣтенную; поручилъ ее покровительству знатнѣйшихъ тогда защитниковъ православія и умолялъ ихъ милосердіемъ Божиимъ о сохраненіи ея навсегда, а наставниковъ ея обязывалъ, чтобы они жили по даннымъ отъ него правиламъ и, по смерти его, въ каждый четвертокъ совершали о немъ поминовеніе. Прочее свое имущество Петръ Могила раздѣлилъ кievскому собору, лаврѣ, бѣднымъ монастырямъ и церквамъ, имъ воздвигнутымъ изъ развалинъ. Нѣсколько оставшихся отчинъ онъ передалъ своему брату Моисею, единственному тогда потомку рода Могиль.

Приснопамятный и достопочтимый архипастыръ преставился 31 декабря 1646 года; тѣло его, согласно съ его завѣщаніемъ, положено въ склепѣ Великой церкви Кіево-печерской лавры.

Во время первосвятительства митрополита Петра, съ юго-западной Руси подвизались угодники Божіи: преподобный Аѳанасій Брестскій, мученикъ, и преподобный Іовъ (по прозванію Желѣзо) игуменъ Почаевскій, подвижникъ и чудотворецъ.

Первый изъ нихъ былъ сынъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, получилъ въ молодыхъ годахъ своихъ высокое образованіе, такъ что могъ учить другихъ языкамъ латинскому, польскому и русскому. Въ 1622 г. гетманъ литовскій Левъ Сапѣга, по волѣ короля, отдалъ ему на воспитаніе мнимаго сына Марины Мнишекъ, шляхтича Лубу, котораго іезуиты готовили на самозванство, чтобы вновь поднять смуты въ Россіи; по распоряженію Сигизмунда отпускали на содержаніе дорогого челоувѣка до 6000 золотыхъ въ годъ; наставникъ жилъ съ питомцемъ своимъ семь лѣтъ въ Брестскомъ монастырѣ; потомъ, принявъ иночество въ Вильнѣ, въ 1629 году, по гоненіямъ отъ униатовъ, принужденъ былъ переходить съ одного мѣста на другое. Онъ жилъ въ обителяхъ: Кутеинской, Межигорской, Дубовской, что подъ Пинскомъ. Въ 1636 г., по распоряженію канцлера Радзивила, Дубовскій монастырь отданъ былъ іезуитамъ, и православные иноки выгнаны были изъ своей обители. Блаж. Аѳанасій пришелъ въ Купятицкій монастырь; но и здѣсь не было ему покоя отъ папизма. Въ 1637 г. онъ отправился для сбора милостыни въ Бѣлороссію и оттуда въ Москву. Полный помысловъ и заботъ о благѣ православія, представивъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о печальной судьбѣ своей, онъ, для успѣховъ св. вѣры надъ ея врагами, совѣтовалъ изобразить на военныхъ хоругвяхъ образъ Божіей Матери въ крестѣ, по его видѣнію 7). По возвращеніи изъ Москвы онъ назначенъ былъ игуменомъ Симоновскаго монастыря въ г. Брестѣ-Литовскомъ. По долгу званія своего, вступивъ въ споръ объ имѣніяхъ обители, рѣзко обличалъ онъ поклонниковъ папы въ жадности, въ корысти и въ проискахъ злост-

7) Наподобіе Купятицкой Богородичной иконы, находящейся нынѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

ныхъ. Это навлекло на него неприятности; но митрополитъ Петръ Могила защитилъ его.

Провождая житіе въ страхѣ Господнемъ, игуменъ училъ тому же и братію и настойчиво внушалъ—не слушать новыхъ ученій, разсѣваемыхъ отступившими отъ восточной каеолической вѣры; особенно же въ скорбяхъ времени ожидалъ онъ помощи Божіей и проводилъ дни и ночи въ молитвѣ. Положивъ себѣ за правило читать каждую субботу акаеистъ Божіей Матери, онъ съ точностію выполнялъ свое правило. Матерь Божія утѣшила подвижника своего. „Иди, слуга мой,—сказала она блаженному Аванасію въ видѣніи,—смѣло говори сенату и королю, дабы не тревожили святой православной вѣры. Если они не послушаютъ тебя, то навлекутъ на себя судъ Божій,—преданы будутъ во власть сильнаго царя и народа“⁴. Повинуясь Матери Божіей, смѣлый подвижникъ правды объявилъ вслухъ сенаторамъ, что ляхи должны ожидать себѣ кары небесной за кровавыя притѣсненія православію. Тогда въ Варшавѣ находились послы православнаго царя. Блаженный Аванасій открылъ имъ, что іезуиты скрываютъ у себя лицо опасное для Россіи, мнимаго сына Марины Мнишекъ, шляхтича Лубу, бывшаго у него на воспитаніи, а теперь уже 15 лѣтъ проживающаго у іезуитовъ; игуменъ доставилъ посламъ и нѣсколько писемъ Лубы, гдѣ тотъ называетъ себя царевичемъ. По волѣ царя послы потребовали, чтобы выданъ имъ былъ самозванецъ, но паны увѣряли, что Луба — бѣдный шляхтичъ, невинный ни въ чемъ, и Польша не можетъ выдать его для казни. Блаженный Аванасій твердо повторилъ сенаторамъ, что напрасно худые люди строятъ ковы противъ православнаго царства,—себѣ во вредъ преслѣдуютъ они православіе. Отъ него требовали доказательствъ, что воспитанникъ его—не сынъ Марины. „Ни покойный Салѣга, ни Мнишки не признавали Лубу за царевича“,—отвѣчалъ онъ. Блаженный Аванасій содержался въ оковахъ и былъ освобожденъ только тогда, когда Русское посольство перестало требовать выдачи Лубы. Послѣ того, въ Кіевѣ, невинный страдалецъ докончилъ свой дневникъ, сохранившійся до нашего времени⁵). Началась кровавая борьба казаковъ съ ляхами. Отъ блаженнаго Аванасія потребовали, чтобы онъ призналъ законность уніи; за несогласіе же съ произволами человѣческими заключили его въ брестскую подземную темницу и заковали по рукамъ и ногамъ въ кандалы. Твердый исповѣдникъ смѣло объявилъ гнѣвъ Божій польскому правительству за оскорбленіе правъ человѣчества и за защиту, оказываемую тѣмъ, которые нагло оскорбляли Церковь Божію для прихотей человѣческихъ. Ляхи рѣшили предать его позорной смерти. Тогда онъ вслухъ сказалъ: „конечно отступники отъ св. вѣры, надменные ложнымъ просвѣщеніемъ, еще не малое время будутъ преслѣдовать исповѣдниковъ истины небесной; но настанетъ время, когда въ Брестѣ и во всей окрестной странѣ процвѣтетъ православіе и сіяніе его уже

⁵) «Діаріунгъ Аванасія Филипповича» въ Синод. Библ., № 856.

не померкнетъ; тамъ, гдѣ будетъ лежать тѣло мое, козни враговъ отступниковъ отъ св. вѣры будутъ безсильны“. Св. исповѣдникъ былъ обезглавленъ 5 сентября 1748 г. ⁹⁾.

Преп. Іовъ, въ крещеніи Іоаннъ, сынъ православныхъ родителей изъ Покутья, прозываемыхъ Желѣзо, положилъ начало подвижнической жизни въ Угорницкомъ Спасскомъ монастырѣ, въ Червоной Руси. Сюда поступилъ онъ 10 лѣтъ и спустя два года былъ постриженъ въ монашество. Возрастая послушаніемъ, чистотою и кротостю въ жизни духовной, онъ утѣшалъ друзей благочестія жизнію своею. Здѣсь же въ 30-лѣтнемъ возрастѣ удостоился онъ противъ воли своей и по волѣ настоятеля, сана священства. Извѣстность добродѣтелей его разносилась по Украинѣ. По любви къ благочестію и чистой вѣрѣ, кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій, узнавъ о духовной жизни его, выпросилъ его у Угорницкаго игумена для должности настоятеля Дубенской обители своей. Дубенскій крестный монастырь расположенъ былъ на островѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою, близъ г. Дубно ¹⁰⁾. Благочестивый князь вызвалъ блаж. Іова въ свою обитель, чтобы поддержать искреннее благочестіе въ инокахъ среди разлившейся порчи нравовъ, растлѣваемыхъ папизмомъ. Ревностный игумень собралъ въ обитель свою многочисленное братство, которое по его наставленію усердно занималось изученіемъ писаній св. Отцовъ. Къ нему приходили многіе слушать наставленія его въ благочестіи. Строгий подвижникъ твердо боролся съ скорбями времени и утѣшалъ другихъ въ скорбяхъ.

По кончинѣ приснопамятнаго князя Константина, при отступникѣ отъ вѣры отеческой, сынъ его Янушъ, начались жестокія гоненія на православныхъ. Блаж. Іовъ болѣе 20 лѣтъ управлялъ Дубенскимъ монастыремъ, но когда увидѣлъ, что нельзя уже ему оставаться болѣе въ томъ краѣ безъ вреда себѣ и другимъ, удалился въ Почаевскую обитель.

Успенская обитель на Почаевской горѣ уже славилась тогда чудесами Богоматери ¹¹⁾. Принявъ на себя, по неотступной просьбѣ братіи, настоятельство, блаж. Іовъ встрѣтилъ и здѣсь новыя скорби, но уже не отъ папистовъ, а отъ протестанта Форлея, наслѣдника благо-

⁹⁾ Мощи преподобно-мученика Аеанасія почиваютъ открыто въ Брестскомъ Симеоновскомъ монастырѣ подъ аркою между соборною церковью и предѣломъ св. архидіакона Стефана.

¹⁰⁾ Теперь на этомъ мѣстѣ находится приходская Воздвиженская церковь.

¹¹⁾ Чудотворная икона Богоматери принесена была греческимъ митропол. Неофитомъ въ 1537 году (Свѣд. о монастыряхъ, стр. 83). Вскорѣ послѣ Брестскаго собора 1893 года ревнительница православія, помѣщица Анна Гойская, соорудила въ 1597 году на горѣ Почаевской обитель, чтобы доставить въ ней безопасное убѣжище гонимому православію и чтобы подъ покровомъ ея воспитывались защитники и поборники православной вѣры. Чудо отъ иконы Богоматери надъ татарами было въ 1607 году. Впрочемъ при Успенскомъ храмѣ жилали иноки и прежде Гойской, но по временамъ разгоняемы были татарами.

честивой Анны Гойской. Онъ отнял у обители имѣнія, пожертвованная ей Гойскою, и всячески тѣснилъ иноковъ, разгонялъ богомольцевъ и хотѣлъ совсѣмъ разорить монастырь. Въ 1623 году послалъ онъ толпу слугъ въ монастырь разграбить его. Въ исполненіе воли пана ограблены были всѣ драгоценныя утвари обители и унесенъ былъ чудотворный образъ Богоматери. Для Форлея и этого было мало. Онъ нарядилъ жену свою въ священныя одежды іерейскія, далъ ей въ руки св. Потиръ и она стала произносить хулы на св. Евхаристію и на Богоматерь. Но въ то же мгновение злой духъ овладѣлъ богохульною женою. Страшныя ея муки прекратились только тогда, когда чудотворная икона была благоговѣнно возвращена въ монастырь.

Множество подвиговъ преп. Іова, какъ замѣчаетъ писатель житія его ¹²⁾, „можно уподобить развѣ безчисленному множеству звѣздъ на тверди небесной, и они извѣстны единому Богу, прозирающему въ тайныя изгибы сердець человѣческихъ“. И преп. Іовъ дѣла благотворительности и подвиги поста совершалъ въ тайнѣ, равно какъ и подвиги молитвъ въ изрытой имъ уединенной пещерѣ. Днемъ онъ упражнялся въ разныхъ рукодѣліяхъ и особенно любилъ заниматься садоводствомъ: онъ собственными руками насаждалъ плодовые деревья, прививалъ ихъ, окапывалъ, устроилъ садъ. Самъ же копалъ озеро и обносилъ его плотинами ¹³⁾. Съ братіями обходился кротко и ласково: никто ни слышалъ отъ него слова рѣзкаго. Изъ устъ его всего чаще слышались слова: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго“. Разъ проходя чрезъ гумно монастырское, засталъ онъ человѣка, крадущаго пшеницу. Воръ въ испугѣ палъ къ ногамъ игумена и умолялъ не объявлять о его поступкѣ. Преподобный не только не укорилъ его ни однимъ словомъ, но еще самъ поднялъ на плеча его мѣшокъ и отпустилъ съ миромъ, напомнивъ ему только о томъ отвѣтѣ, который должны мы дать за дѣла свои предъ судомъ Божиимъ,

За нѣсколько лѣтъ до кончины, преп. Іовъ принялъ великую схиму съ именемъ Іоанна. Большую часть времени проводилъ онъ теперь въ пещерѣ, въ строгихъ подвигахъ поста и молитвы. „Если бы каменная пещера, въ которой тайно подвизался преподобный, имѣла уста, говорить ученикъ его Досіеей, она о многомъ повѣдала бы намъ“. Впрочемъ не оставлялъ онъ заботъ и объ инокахъ обители; въ 1649 г. подъ его смотрѣніемъ построены были великолѣпный храмъ Св. Троицы. Въ пещеру затворялся онъ иногда на три дня, иногда на цѣлую недѣлю, чтобы проливать слезныя молитвы за себя и за бѣдствующее православіе края. Однажды во время пламенной молитвы его небесный свѣтъ осіялъ пещеру его и отразился изъ глубины пещеры на храмъ обители. Свидѣтель сего чуда Досіеей палъ въ ужа-

¹²⁾ Житіе преп. Іова писано ученикомъ его Досіеемъ.

¹³⁾ Это озеро, за оградю Почаевской лавры, и садъ у подножія горы, существуютъ и теперь.

сѣ. Отъ подвиговъ стоянія молитвеннаго, ноги преп. Іова отекли и покрылись ранами. Это можно видѣть и понынѣ на нетлѣнныхъ мощахъ его. Гніеніе страдавшихъ ногъ было такъ сильно, что тѣло кусками отпадало отъ костей, но блаж. подвижникъ переносилъ страданія съ дивнымъ терпѣніемъ, по примѣру древнаго Іова. Въ такихъ подвигахъ дожилъ онъ до ста лѣтъ и, предсказавъ день смерти своей за недѣлю, тихо, безъ всякихъ страданій, почилъ 28 октября 1651 г. ¹⁴⁾.

Надъ мощами преп. Іова являлся свѣтъ. Спустя семь лѣтъ по преставленіи его, блаж. игуменъ Почаевскій явился Діонисію Болобану, митрополиту кievскому, и сказалъ, что Господу угодно открыть мощи его. Видѣніе повторилось въ другой и въ третій разъ и сопровождалось угрозою гнѣва Божія за неисполненіе воли Божіей. Наконецъ митр. Діонисій съ архимандритомъ Теофаномъ и съ братією обители (8 августа 1659) открылъ гробъ преп. Іова и мощи его обрѣтены нетлѣнными. При этомъ послѣдовали исцѣленія. Самое замѣчательное изъ нихъ совершилось надъ больнымъ Почаевскимъ игуменомъ Досіеємъ. Наканунѣ праздника Воздвиженія Креста Господня, прибывшая въ обитель благородная панна Домашевская услышала съ прислугою своею необыкновенное пѣніе, исходившее изъ храма, тогда какъ въ окнахъ свѣтился огонь ¹⁵⁾. Сперва подумала она, что иноки совершаютъ всенощное бдѣніе. Посланная служанка Анна нашла церковныя двери отворенными, и въ храмъ слышала пѣніе, а когда вошла въ храмъ, увидала преп. Іова среди свѣтлыхъ мужей, совершающихъ молитву. Въ страхъ стояла она неподвижно, но угодникъ Божій, обратясь къ ней, сказалъ: „не бойся, дѣвушка, иди и позови ко мнѣ игумена обители Досіея“.—„Онъ лежитъ на смертномъ одрѣ, отвѣчала Анна“. Преподобный подаль ей шелковый платъ, омоченный въ муро и велѣлъ отнести къ больному. Анна пошла и у дверей кельи стала звать игумена въ храмъ отъ имени преп. Іова. Больной сперва принялъ этотъ зовъ за мечту; потомъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, взялъ платъ, положилъ его на себя и, почувствовавъ себя окрѣпшимъ, всталъ съ постели и пошелъ въ храмъ. Экклесіархъ, пришедшій къ началу утрени, изумился, увидавъ того, кто вчера лежалъ на смертномъ одрѣ. Какъ это ты, отче, пришелъ сюда? спросилъ онъ игумена „Отецъ нашъ Іовъ молится за насъ и послалъ мнѣ исцѣленіе“, отвѣчалъ игумень. Припомнимъ еще одно чудо изъ нашихъ временъ: въ 1832 году дѣвица Матрона изъ Оренбургской губерніи, три

¹⁴⁾ Хотя въ то время, какъ Почаевскою обителью владѣли уніаты, нетлѣнные останки преп. Іова оставались подъ спудомъ, но православный народъ не переставалъ притекать къ гробу преп. Іова, какъ притекаетъ и нынѣ.—Мощи преп. Іова почиваютъ теперь открыто въ гробницѣ серебряной, пожертвованной благочестивою графинею А. А. Орловой-Чесменскою, въ пещерной церкви, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ блаж. труженикъ подвизался во время земной своей жизни.

¹⁵⁾ Еще дѣло въ Почаевской обители завѣщаніе Домашевской, въ которомъ она проситъ похоронить ее въ церкви, построенной ею, «по чину восточнаго православнаго исповѣданія».

года страдавшая головою болью и отвращеніемъ ко всему святому, приведена была на богомолье въ Кіевъ. Тамъ увидѣла она во снѣ старца, украшеннаго сѣдинами, и близъ него нѣкую жену въ бѣломъ одѣяніи. По слухамъ о чудесахъ Почаевской иконы Богоматери отправились они въ Почаевскій монастырь и здѣсь надъ мощами преп. Іова получила облегченіе, а предъ чудотворною иконою Богоматери полное исцѣленіе ¹⁶⁾. Это было за семь лѣтъ до уничтоженія въ предѣлахъ Русской земли той уніи, отъ которой такъ много страдали православные въ XVII и XVIII вѣкахъ.

¹⁶⁾ Христ. Чтеніе 1834, 1, 113—116.

ГЛАВА V.

Первые годы правленія царя Алексѣя Михайловича. — Никонъ до патріаршества. Преп. Елезаръ анзерскій. — Бунтъ въ Новгородѣ. — Перенесеніе въ московскій Успенскій соборъ мощей святителей, пострадавшихъ за вѣру и отечество. — Никонъ патріархъ. — Присоединеніе Малороссіи и счастливая война съ Польшей. — Моровая язва. — Церковная дѣятельность Никона. — Основанные имъ монастыри. — Заботы о просвѣщеніи. — Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Сношеніе съ востокомъ. — Соборы 1654 и 1655 года. — Судьба расколоучителей.

Царь Алексѣй Михайловичъ, при вступленіи на престолъ, имѣлъ важное преимущество предъ своимъ родителемъ: онъ былъ уже не избраннымъ, а наслѣдственнымъ государемъ; бояре и народъ привыкли смотрѣть на него отъ колыбели, съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ на будущаго законнаго царя. Онъ наслѣдовалъ государство, — многолѣтнею дѣятельностію его родителя успокоенное внутри, огражденное безопасностію извнѣ. Несмотря на то, бремя правленія, неразлучное съ царскимъ вѣнцомъ, казалось, было еще не по силамъ 15-лѣтнему монарху. Ему недоставало твердости и опытности, свойственныхъ лѣтамъ болѣе зрѣлымъ; онъ еще чуждался дѣлъ государственныхъ, искалъ развлеченій, особенно въ соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти. Судьба не подарила ему руководителя, какого имѣлъ юный Михаилъ въ доблестномъ родителѣ; мать Алексѣя, царица Евдокія Лукьяновна, скончалась чрезъ нѣсколько недѣль послѣ своего супруга. Патріархъ Іосифъ не былъ способенъ замѣнить собою патріарха Филарета: удрученный глубокою старостию, онъ не обращалъ полнаго вниманія даже и на дѣла церковныя ¹⁾, а къ государственнымъ былъ вовсе неспособенъ.

Правленіе перешло въ руки бояръ, и во главѣ ихъ сталъ воспитатель царя, Борисъ Ивановичъ Морозовъ ²⁾, сановникъ умный, обра-

¹⁾ Патріархъ Іосифъ, по старости и слабости, не могъ поддержать даже своей собственной церковной власти: при немъ видимъ сильное господство патріаршихъ дьяковъ и московскихъ протопоповъ, издателей поврежденныхъ богослужебныхъ книгъ. Полное безучастіе старца-патріарха въ составленіи Уложенія было причиною многихъ недоразумѣній впоследствии.

²⁾ «Въ житіи Теодора Ртищева» читаемъ: «бѣ бояринъ честенъ, и смотрителенъ крайній, и царскаго величества отъ его младенческаго возраста хранитель, мужъ крѣпкоду-

зованный, но хитрый и корыстолюбивый. Чтобы обезпечить за собою власть, онъ старался удалить отъ двора родственниковъ покойной царицы; окружалъ юнаго государя людьми, себѣ преданными; доставилъ друзьямъ своимъ важнѣйшія мѣста. Не довольствуясь этимъ, онъ искалъ случая еще болѣе возвыситься посредствомъ родственнаго союза съ семействомъ царскимъ ³⁾.

Другіе бояре завидовали вліянію Морозова: корыстолюбіе, притѣсненія его клеветовъ, въ соединеніи съ нѣкоторыми несвоевременными налогами, вывели изъ терпѣнія народъ. Народъ ропталъ, жаловался на лихоимство судей, достигшее высшей степени; приписывалъ всѣ бѣдствія родственнику царскому, съ которымъ заодно дѣйствовалъ тестъ его Милославскій, человекъ ума ограниченнаго, между тѣмъ возгордившійся своимъ возвышеніемъ, алчный къ обогащенію.

Наконецъ вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ; озлобленная чернь умертвила нѣсколько ненавистныхъ ей чиновниковъ и грабила хоромы Морозова ⁴⁾; онъ такъ же былъ бы убитъ, если бы царь не успѣлъ скрыть и тайно отправить его въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь ⁵⁾. Спустя нѣсколько времени, когда жители столицы были успокоены ласками и обѣщаніями, а упразддившіяся мѣста заняты достойными и любимыми сановниками, самъ царь, объявивъ народу, что желаетъ говорить съ нимъ,—въ праздничный день выѣхалъ на лобное мѣсто. Въ сильной и трогательной рѣчи выразилъ онъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ гражданами отъ злыхъ чиновниковъ; обѣщавъ быть ихъ защитникомъ, охранять отъ всякихъ притѣсненій. Особенно тяготила Алексѣя Михайловича забота о судьбѣ нѣжно-любимаго воспитателя. Давъ обѣщаніе наказать Морозова, если найдетъ достойнымъ этого, онъ рѣшился напомнить о немъ; объявилъ, что,

шенъ и строитель дѣлъ царскихъ прилежный. Борисъ званіемъ Морозовъ. Благоволеніемъ же царскимъ бысть силенъ въ словѣ и дѣлѣ». Но здѣсь выставлены одни только похвальные качества Морозова.

³⁾ Когда царь вступилъ въ бракъ, по совѣту Морозова, съ дочерью стольника Милославскаго, Маріей Ильиничной, вдовецъ Морозовъ женился на сестрѣ царицы—Аниѣ.

⁴⁾ При нападеніи возмущившейся черни на кремлевскій домъ Морозова, молодая жена его въ трепетѣ ожидала неминуемой смерти, но неистовые не осмѣлились прикоснуться къ ней. Они сказали только: «благодари Бога, что царя сестра твоя!» Замѣчательная черта въ характерѣ народа, сохранившаго, даже въ минуту сильнаго раздраженія, свою преданность къ царскому дому.

⁵⁾ Въ грамотѣ на имя игумена Аванасія, старца Теокиста и келлара Савватія (Акты Арх. Эксп. IV, 29) добрый царь собственноручно прибавилъ: «а если убережете его такъ какъ і мнѣ добро ему здѣлаете і я васъ пожалую такъ, чево отъ зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». Въ другомъ посланіи къ тѣмъ же властямъ (Доп. III, 45): «Какъ ся грамота придетъ, і вы извѣстите приятелю моему і вмѣсто отца моего родново боярину Борису Ивановичу Морозову, что время ему, воспитателю моему, ѣхать в деревню в Тверскую ево, і сю грамоту ему покажите, і вѣрите ей, а вверху приписалъ а государь царь своею рукою у сей грамоты; а какъ придетъ ко мнѣ Борисъ Ивановичъ, і что скажетъ про васъ, по тому і милость моя къ вамъ будетъ».—Въ томъ же году Кирилловскій монастырь возведенъ на степень архимандріи; настоятелямъ дано священнодѣйствовать съ рипидами и свѣщнымъ осѣненіемъ. Это право и теперь сохранилось.

не требовавъ до сихъ поръ отъ гражданъ никакой жертвы, надѣется что они исполнятъ первую его просьбу, забудутъ проступки боярина, который былъ ему вторымъ отцомъ и наставникомъ, а Морозовъ будетъ стараться заслужить и ихъ любовь. Слезы блистали на глазахъ юнаго Алексія. Народъ упалъ на колѣни, цѣловалъ одежду, ноги его и единогласно восклицалъ: „да будетъ, что угодно Богу и тебѣ, государю! мы всѣ дѣти твои“ ⁶⁾. Столица успокоилась. Черезъ нѣсколько времени возвратился въ нее и Морозовъ. Онъ съ тѣхъ поръ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался благотворителемъ народа, защитникомъ угнѣсненныхъ и, по свидѣтельству современниковъ, вмѣсто прежней ненависти, заслужилъ общую любовь ⁷⁾.

Впрочемъ волненіе, прекратившееся въ Москвѣ, отозвалось въ другихъ городахъ, гдѣ также народъ жаловался на злоупотребленія. Въ это смутное и тяжкое время Промыслъ Божій послалъ юному царю твердаго и вѣрнаго руководителя. Избранникъ Промысла явился къ Алексію въ лицѣ игумена отдаленной и малозначительной обители Кожеезерской, Никона.

Громадное значеніе этой великой (хотя и не всегда безупречной) личности въ исторіи Русской Церкви налагаетъ на насъ обязанность прослѣдить жизнь Никона отъ начала ея до конца.

Въ 1605 году у крестьянина Нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сынъ Никита. Онъ скоро лишился своей матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачехи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни, и 12 лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дома отца въ монастырь, гдѣ еще въ этомъ раннемъ возрастѣ удивлялъ братію силой своего характера и ревностію въ монастырскихъ подвигахъ. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. На 21 году онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села; но по своимъ достоинствамъ не долго могъ оставаться въ такомъ захолустѣ. Черезъ два года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собою въ Москву. Черезъ 10 лѣтъ, лишившись дѣтей, Никита уговорилъ жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ.

Анзерскій островъ лежитъ въ двадцати двухъ верстахъ отъ

⁶⁾ Хотя смутныя обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія Алексія Михайловича не имѣютъ прямого отношенія къ истор. Русской Церкви, но мы сочли необходимымъ упомянуть, хотя кратко, о бунтѣ черни въ Москвѣ для того, чтобы показать разницу этого времени отъ послѣдующаго, бывшаго уже подъ другимъ вліяніемъ, и чтобы выставить на видъ свѣтлую черту народа, всегда благоговѣвшаго передъ собою помазанника Божія.

⁷⁾ По возвращеніи, Морозовъ продолжалъ участвовать въ важнѣйшихъ дѣлахъ; и Алексій Михайловичъ, до самой кончины его (1662 г.), пользовался совѣтами мужа, умудреннаго долговременною опытностію (Мейербергъ, стр. 296). Замѣчательнымъ памятникомъ огромнаго богатства этого боярина осталось паникадило чудной работы, пожертвованное имъ въ Успенскій соборъ, и, къ несчастію, похищенное непріятелемъ въ 1812 г. Въ немъ было болѣе ста пудовъ чистаго серебра, на позолоту употреблено 2000 золотыхъ, столько же заплачено за работу (Берхъ II, стр. 181).

острова Соловецкаго. Онъ былъ прежде необитаемымъ и служилъ только временнымъ пристанищемъ для Бѣломорскихъ судовъ и промышленниковъ, покуда не поступилъ въ собственность Соловецкаго монастыря по грамотѣ, данной еще при жизни преп. Зосимы Соловецкаго отъ вѣча великаго Новгорода, незадолго до уничтоженія вольности Новгородской. Настоятели монастыря завели тамъ солотоварни и при нихъ поставили первую деревянную церковь св. Николая. Въ 1616 году поселился на островѣ преп. Елеазарь, сынъ Козельскаго купца Севрюкова, постриженникъ Соловецкій, при преп. игуменѣ Ирнархѣ. Мѣстное преданіе увѣряетъ, что пустынный работникъ деревянныя чашки, выставлялъ ихъ на пристани, а самъ удалялся въ лѣса отъ людей. Приплывавшіе поморцы брали посуду, а въ отплату оставляли хлѣбъ, крупу и капусту. Мало-по-малу собралось къ нему нѣсколько ревнителей скитскаго житія. Кельи отшельниковъ поставлены были въ верстѣ одна отъ другой. Въ субботу вечеромъ собирались старцы для общей молитвы и на слѣдующій день, совершивъ воскресное пѣніе, расходились по кельямъ для богомыслія и рукодѣлія по силамъ cadaго. Дивный пустынножитель лично извѣстенъ былъ царю Михаилу Феодоровичу, которому онъ предсказалъ рожденіе сына и наслѣдника, Алексія. Къ сему великому подвижнику пришелъ отрешившійся отъ міра священникъ Никита и принялъ постриженіе иноческое съ именемъ Никона. Тогда Анзерскіе скитники озабочены были сооруженіемъ каменнаго храма, вмѣсто ветхаго деревяннаго; деньги на строеніе были собраны ⁸⁾, но работы еще не начинались. Нѣсколько лѣтъ провелъ Никонъ въ далекомъ отъ всякой мірскаго суеты пустынномъ убѣжищѣ, гдѣ, вмѣсто стѣнъ, одно море и благочестіе служили оградой, но нѣкоторыя недоразумѣнія, случившіяся между Никономъ и преп. Елеазаромъ ⁹⁾, были причиною удаленія его въ 1635 году изъ Анзерской пустыни. Никонъ, проѣзжая съ острова на утлой ладѣ, едва не погибъ отъ внезапной бури и только упованіемъ на силу Креста Господня спасся отъ потопленія предъ Онежскимъ устьемъ;

⁸⁾ Преп. Елеазарь, вмѣстѣ съ Никономъ, приходилъ въ Москву для сбора подаянія и получилъ значительную милостыню отъ царя Михаила и многихъ бояръ.

⁹⁾ Никонъ совѣтовалъ отдать собранную сумму на сохраненіе въ Соловецкій монастырь, а преп. Елеазарь съ братією на это не согласился. Первый заботился о сохранности капитала, который могъ подвергнуться ограбленію на пустынномъ островѣ, а послѣдніе имѣли въ виду полную независимость своего скита отъ Соловецкой обители. (Извѣстіе о рожденіи, воспитаніи и житіи святѣйшаго Никона патріарха, нап. І. Шушеринымъ. Изданіе Воскресенскаго монастыря. Москва, 1871, стр. 7). Впрочемъ эти недоразумѣнія не разрушили союзъ духовной любви между Никономъ и наставникомъ его къ иноческой жизни: уже будучи митропол. Новгородскимъ, Никонъ писалъ къ Соловецкому архимандр.: «Поберегите Анзерскихъ старцевъ, строителей и братію», и предписывалъ исполнить просьбу старца Елеазара—отпустить въ его скитъ больничнаго старца Кирика; въ 1655 г. патріархъ Никонъ выпросилъ у царя прибавку свѣчъ, ладону, вина и муки для скита; установилъ быть 17 братіямъ въ скиту и послалъ отъ себя серебряныя оклады на иконы и дары скитникамъ деньгами и рыбою.—Преп. Елеазарь преставился послѣ 40-лѣтнихъ подвиговъ, 13 января 1656 года. Память его чтится мѣстно. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ, въ каменной часовнѣ, за алтаремъ Троицкаго храма въ Анзерскомъ скитѣ.

присталъ къ Кію острову, гдѣ въ память своего спасенія водрузилъ крестъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы со временемъ построить тамъ хотя малую церковь, или монастырь. Потомъ онъ продолжалъ путь свой до Кожеезерской пустыни ¹⁰); пробывъ въ ней нѣсколько времени, онъ возлюбилъ это уединенное мѣсто, и принятый тамъ въ число братіи, удалился на ближайшій островъ, построилъ себѣ келью, питался рыбю своей ловли, ходилъ въ монастырь только для отправленія или слушанія Божіей службы и проводилъ все прочее время въ уединеніи и богомысліи. Избранный братіею въ санъ игумена обители, онъ прибылъ въ Москву по дѣламъ монастырскимъ. Молва о добродѣтеляхъ пустыннаго инока сопровождала Никона въ столицу. Его необыкновенный умъ, свѣтлый взглядъ на предметы, природное краснорѣчіе и величавая наружность довершили впечатлѣніе, произведенное имъ при дворѣ. Юный царь полюбилъ его съ перваго свиданія и велѣлъ назначить архимандритомъ Новоспаскаго монастыря.

Здѣсь началось сближеніе царя съ Никономъ, обратившееся въ искреннюю дружбу. Царь часто призывалъ его для бесѣды, поручилъ ему принимать и докладывать себѣ прошенія отъ бѣдныхъ, сиротъ и утѣсняемыхъ. Вліяніе Никона возрастало такъ замѣтно, что даже Морозовъ, достигшій тогда высшей степени значенія, могъ опасаться встрѣтить въ немъ соперника. Черезъ два года Новоспасскій архимандритъ былъ посвященъ въ санъ митрополита Новгородскаго. Довѣренность государя сопровождала его и на новое мѣсто служенія: кромѣ полной власти въ дѣлахъ духовныхъ, на него возложено было порученіе имѣть надзоръ за судопроизводствомъ; дано право освобождать изъ темницъ всѣхъ несправедливо заключенныхъ. Въ Новгородѣ Никонъ прославился многими благодѣянiami: во время бывшаго тамъ голода ежедневно питалъ на архіерейскомъ подворьѣ нѣсколько сотъ неимущихъ, устроилъ богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Еще болѣе возвысился онъ во мнѣніи государя, когда, съ опасностью собственной жизни, укротилъ мятежь, возгорѣвшійся въ Новгородѣ, во время того же голода. Никонъ укрылъ царскаго намѣстника князя Хилкова въ своихъ палатахъ, а самъ вышелъ къ бунтующему народу; удары посыпались на Никона: одни бросали въ него камни, другіе били палками, и онъ замятво оставленъ на площади. Едва дышавшій, поднять онъ служителями; но тотчасъ же отправился совершать литургію съ крестнымъ ходомъ въ той части города, гдѣ свирѣпствовали бунтъ; послѣ литургіи Никонъ не убоился и еще разъ явиться къ мятежникамъ и вошелъ въ самую избу, гдѣ собрались они. Твердость пастыря на сей разъ поразила самыхъ свирѣпыхъ: они притихли, прекратили убійства, но еще не переставали дѣйствовать противъ правительства; заградивъ путь къ столицѣ, ссылались со Шведами,

¹⁰) Кожеезерскій монастырь, упраздненный въ 1764 году, находился въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на берегу озера Кожи въ 920 верст. отъ Новгорода и въ 120 отъ Онеги. (Истор. Росс. Іер. IV, 555).

чтобы передать имъ городъ. Никонъ успѣлъ увѣдомить царя и указалъ, какія нужно предпринять мѣры противъ злоумышленниковъ; самъ предалъ бунтующихъ анаемѣ. Буря утихла, укрощенная твердостью Никона; народъ обратился къ нему за разрѣшеніемъ духовнымъ; царь предоставилъ судъ надъ виновными митрополиту, и митрополитъ судилъ какъ пастырь справедливый и милостивый ¹¹⁾. Это было въ 1650 г. Съ того времени любовь царя къ Никону увеличилась; онъ часто сталъ вызывать его въ Москву для совѣтовъ.

Послѣдніе годы первосвятительства патріарха Іосифа ознаменованы открытіемъ св. мощей преп. Саввы Звенигородскаго, преп. Александра Свирскаго въ основанныхъ ими обителяхъ и св. великаго князя Георгія Всеволодовича во владимірскомъ Успенскомъ Соборѣ. Въ то же время, по мысли митрополита Никона ¹²⁾ и соборному опредѣленію, царь повелѣлъ перенести въ московскій Успенскій соборъ останки святителей, пострадавшихъ за вѣру и отечество: патріарха Іова изъ Старицы, патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря и св. митрополита Филиппа съ Соловецкаго острова. Срѣтая мощи первопрестольника Іова ¹³⁾, среди великаго стеченія народа, и предчувствуя близость собственной кончины, старецъ—патріархъ Іосифъ со слезами сказалъ царю: „вотъ, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава!“ Черезъ нѣсколько дней Іосифъ сильно заболѣлъ и вскорѣ преставился (въ 1652 году), послѣ 10-лѣтняго первосвятительства.

Между тѣмъ за мощами св. митрополита Филиппа отправился на Соловки митрополитъ Никонъ съ бояриномъ княземъ Хованскимъ въ сопровожденіи многихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Съ нимъ послана была царская молитвенная грамота къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ мученикомъ, молилъ его пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго царя и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти ¹⁴⁾. Во время отсутствія Никона царь писалъ ему замѣчательныя письма, въ которыхъ выразилась вся душа добраго и набожнаго Алексѣя ¹⁵⁾. Изъ писемъ царя видно, что бояре очень не-

¹¹⁾ Смертной казни подвергся одинъ только зачинщикъ бунта—посадскій челоуѣкъ Волкъ; не болѣе 10 челоуѣкъ сослано въ Сибирь; всѣ остальные помилованы.

¹²⁾ Церк. Росс. Истор. митропол. Платона ч. 2, стр. 67—235.

¹³⁾ Мощи первыхъ двухъ патріарховъ обрѣтены вполне нетлѣнными (См. Душ. Чт. 1869, ч. II, стр. 212—213, ч. III, стр. 16). Перенесеніе мощей патріарха Іова поручено было митропол. Ростовскому Варлааму II, который вскорѣ послѣ того скончался, при встрѣчѣ мощей св. митропол. Филиппа.

¹⁴⁾ Въ «молебномъ посланіи къ св. мощамъ Филиппа митропол.» царь Алексѣй молить «Христова подражателя, небеснаго жителя, преизящнаго и премудраго духовнаго учителя, пастыря и молитвенника, изгнаннаго и пострадавшаго по ненависти обоянія неправедныхъ мужей, разрѣшити согрѣшеніе» прадѣда его царя Іоанна и возвратиться «на престолъ свой въ царствующій градъ Москву». (Собр. госуд. грам. и догов. III, № 147).

¹⁵⁾ Въ этихъ письмахъ вполне видны любовь и уваженіе царя къ другу его. «О крѣпкой войне и страдальче царя небеснаго, о возлюбленный мой любимиче и содружеб-

довольны были силой Никона ¹⁶⁾, замѣтно и то, что самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостію и благодушіемъ. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть посписходительнѣе къ боярамъ, но въ то же время просилъ его не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его — царя, что онъ заодно съ нимъ—митрополитомъ. Добрый до слабости ¹⁷⁾, находясь подъ двумя вліяніями—Никона и бояръ, царь боялся оскорбить ту и другую сторону, колебался между ними и старался мирить ихъ.

По исполненіи возложеннаго на него порученія ¹⁸⁾, Никонъ не засталъ уже въ живыхъ патріарха Іосифа и долженъ былъ заступить его мѣсто ¹⁹⁾. Но онъ хорошо видѣлъ слабость церковной власти въ дряхлыхъ рукахъ своего предшественника, видѣлъ вредъ монастырскаго приказа ²⁰⁾ и невыгодное вліяніе новаго уложенія на дѣла церковныя ²¹⁾, видѣлъ самоволіе бояръ и враждебныя отношенія ихъ къ

ниче, свягтый владыко!» такъ пишетъ царь къ Никону, повторяя не разъ подобныя названія. Царь говоритъ съ Никонѣмъ, какъ съ самымъ близкимъ челоѡкомъ, для котораго нѣтъ тайнъ у него. (Акт. Археогр. Эксп. 4, № 57).

¹⁶⁾ Царь писалъ: «Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановыхъ грамотахъ Хованскаго, что будто онъ пропалъ, а пропастъ свою пишетъ, что будто ты заставляешь съ собою правило ежедень. Да и у насъ перешептывади: николи де такого безчестья не было, что нынѣ государь выдалъ насъ митрополитомъ... Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лутче бы де намъ на новой землѣ за Сибирью съ князь Иванѣмъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ; какъ де такъ силою заставляеть говѣть, никого де силою не заставитъ Богу вѣровать».

¹⁷⁾ Царь писалъ еще: «а слово мое нынѣ во дворцѣ страшно и дѣлается безъ мотчанія» (немедленно).

¹⁸⁾ Мощи св. Филиппа были привезены въ Москву и поставлены открыто въ Успенскомъ соборѣ 9 іюля 1652 года, при чемъ совершились многія исцѣленія. Никонъ прибылъ въ Москву еще прежде, призванный съ дороги.

¹⁹⁾ По обычаю положены были три жребія—митропол. Никона и двухъ іеромонаховъ. Выпалъ жребій одного изъ послѣднихъ—Антонія, іеромонаха Южскаго Козмодаміанскаго монастыря; но онъ, по преклонной старости и вѣроятно, въ угодность волѣ царской—видѣть патріарха Никона, отказался. Этотъ Антоній, въ мѣрѣ священникъ Ананія, былъ наставникомъ Никона въ Желтоводской обители и отцомъ Суздальскаго митропол. Иларіона, который, до вступленія въ монашество, былъ женатъ на родной сестрѣ Павла, епископа Коломенскаго.

²⁰⁾ Монастырскій приказъ (конечно по кончинѣ патріарха Филарета) вступался нерѣдко въ судъ по чисто-церковнымъ дѣламъ, присвоилъ себѣ право назначать въ монастырскія вотчины священниковъ и причетниковъ, опредѣлять и отрѣшати настоятелей, келарей и другихъ лицъ монастырскаго собора, позволялъ себѣ даже перерѣшать распоряженія епархіальной власти. Со стороны духовенства начались разнообразныя попытки, уклониться отъ силы новыхъ узаконеній. Архіереи начали выпрашивать у царя грамоты, освобождавшія духовенство ихъ епархій отъ всякаго суда, кромѣ архіерейскаго. Монастыри тоже хлопотали о несудимыхъ грамотахъ. Патріаршая область получила подтвержденіе своихъ прежнихъ привилегій и независимость отъ монастырскаго приказа еще при составленіи уложенія, и самъ Никонъ, въ санѣ митропол. новгородскаго, получилъ царскую несудимую грамоту, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи подчинялись суду одного митропол. какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ.

²¹⁾ Уложеніе весьма чувствительно коснулось самыхъ важныхъ привилегій и всего государственнаго положенія духовнаго чина. Во-первыхъ, оно рѣшительно подтвердило всѣ прежнія постановленія касательно церковныхъ вотчинъ и безусловно запретило всякое уве-

нему, какъ къ любимцу царя, видѣль множество безпорядковъ ²²⁾, требующихъ для уничтоженія своего свободной и ничѣмъ не стѣсняемой силы, и рѣшительно отказался отъ первосвятительскаго сана. Въ Успенскомъ соборѣ, при полномъ собраніи бояръ и многочисленномъ стеченіи народа, царь долго заклиналъ Никона именемъ Божиимъ не оставлять церкви въ сиротствѣ и безъ пастыря. Наконецъ Никонъ рѣшился исполнить волю царскую, но прежде, обратясь ко всѣмъ спросилъ: будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ клятвенно обязались повиноваться своему пастырю въ дѣлахъ церкви и совѣсти, и Никонъ принялъ патріаршество (25 іюля 1652 г.).

Неограниченная дружба соединяла новаго патріарха съ царемъ. Вмѣстѣ молились они, вмѣстѣ разсуждали о дѣлахъ, вмѣстѣ садились за трапезу и такъ было каждый день. Патріархъ былъ воспреемникомъ дѣтей царскихъ. Ни одно государственное дѣло не рѣшалось безъ участія Никона, въ теченіе шести лѣтъ. И великій умъ, предприимчивый, твердый характеръ Никона отпечатлѣны на этихъ годахъ, счастливыхъ для государства русскаго (1651—1657 г.).

Самымъ блистательнымъ и самымъ славнымъ дѣломъ въ царствованіе Алексѣя было соединеніе Малороссіи съ Великою Россією. Еще въ предшествовавшее царствованіе, вскорѣ послѣ смерти знаменитаго защитника вѣры и правъ своей родины, Петра Конашевича-Сагайдачнаго, умѣвшато внушить польскому правительству и страхъ, и уваженіе къ себѣ, православный митрополитъ Кіевскій Іовъ Борецкій, не видя иного „благотишнѣйшаго пристанища“ для своей паствы, присылалъ (въ 1625 г.) къ царю Михаилу Феодоровичу и патріарху Филарету съ просьбою о принятія Малороссіи и запорожскихъ казаковъ „подъ ихъ государскую руку“ ²³⁾. Но царь Михаилъ боялся вовлечь свое, ослабленное смутами, государство въ новую борьбу съ Польшей. Онъ только обнадежилъ своихъ единовѣрцевъ въ покровительствѣ; обѣщалъ, въ случаѣ новаго притѣсненія православія, вступить за нихъ. Съ такою же осторожностію дѣйствовалъ преемникъ

личеніе ихъ. Во-вторыхъ, стремясь установить «равный судъ и расправу» для всѣхъ лицъ всякихъ чиновъ, составители уложенія необходимо должны были столкнуться съ многочисленными привилегіями церковныхъ людей и учрежденій, съ гражданской неподсудностью духовенства мірскому суду и съ удѣльною областью всего церковнаго вѣдомства вообще, по которой оно выдѣлялось среди общаго государственнаго строя.

²²⁾ Еще будучи митропол. въ Новгородѣ, Никонъ приступилъ къ полезнымъ преобразованіямъ. Онъ старался истребить укоренившійся въ церквахъ обычай читать и пѣть послѣшно и во многие голоса, такъ что за всеобщей каеизмы и каноны, за литургією эктени и возгласы сливались съ пѣніемъ клира; вводилъ благолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ и утвари, совершалъ службу съ особеннымъ благоговѣніемъ, часто и умильно поучалъ свою паству отъ Священнаго Писанія.

²³⁾ Посланный отъ митропол. Іова луцкій епископъ Исаакій говорилъ царю и патріарху: «у Малороссіанъ одна только дума, какъ бы поступить подъ государскую руку. Кромѣ государя московскаго, намъ некуда дѣваться» (Бантышъ-Каменскаго Исторія Малоросс., стр. 199).

его, созвавъ Земскій Соборъ при патріархѣ Іосифѣ (1648 г.), когда доблестный гетманъ Богданъ (Зиновій) Хмѣльницкій умолялъ его о принятіи Малороссіи въ подданство Москвы. Онъ соглашался исполнить его просьбу только тогда, когда самъ король призналъ казаковъ независимыми; предлагалъ имъ, въ случаѣ нестерпимыхъ насилій, переселиться въ Московское государство, обѣщая дать обширныя земли, въ то же время старался примирить своихъ единовѣрцевъ съ польскимъ правительствомъ. Но устроить дѣло мирнымъ путемъ было невозможно.

Между тѣмъ страданія Украины увеличились ²⁴⁾, и Хмѣльницкій снова обратился въ Москву съ усиленными просьбами о присоединеніи единовѣрныхъ къ единовѣрнымъ. Но и на этотъ разъ царь рѣшился еще испытать посредничество, и опять безъ успѣха. Надлежало опасаться, что казаки, доведенные до отчаянія, поддадутся султану; тогда крымскіе татары и турки придвинутся ближе къ Москвѣ.

Гетманъ просилъ покровительства и ходатайства у новаго патріарха московскаго ²⁵⁾, и не напрасно. Въ грановитой палатѣ снова созванъ былъ великій соборъ изъ духовенства, бояръ, думныхъ и выборныхъ всякихъ чиновъ людей. Начиная съ патріарха Никона, всѣ единогласно рѣшили и просили государя „за честь свою стоять и противъ польскаго короля войну вести, а гетмана Богдана и все войско Запорожское съ городами ихъ и съ землями принять подъ свою государскую руку для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“ ²⁶⁾.

Наконецъ важнѣйшее дѣло второго царя изъ дома Романовыхъ, дѣло, обезсмертившее имя Алексія, было рѣшено. Получивъ радостную вѣсть изъ Москвы, обрадованный вождь угнетенной Малороссіи торжественно предложилъ войску и народу присоединеніе къ Великой Россіи. Безсмертный Богданъ изобразилъ бѣдствія, претерпѣнныя Ма-

²⁴⁾ Послѣ несчастной битвы подъ Берестечкомъ, литовскій гетманъ Радзивиль занялъ Кіевъ; соборную церковь Богородицы каменную на посадѣ ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорѣла, однѣ стѣны остались; въ церкви лошадей своихъ жида и ляхи ставили. Въ монастырѣ Печерскомъ казну также всю взяли; Радзивиль велѣлъ взять и паникадило, присланное царемъ изъ Москвы; у св. Софіи взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образъ св. Софіи; всѣ монастыри разорили.

²⁵⁾ Послы гетмана—Бурлай и Мужилевскій привезли грамоту къ Никону и ближнимъ боярамъ въ началѣ 1652 года.

²⁶⁾ Такимъ образомъ единовѣріе, желаніе избавить православіе отъ гоненій были истинною причиною присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. На эту причину постоянно указываетъ съ обѣихъ сторонъ. Въ переговорахъ съ Московскимъ правительствомъ, Хмѣльницкій писалъ о необходимости соединенія «съ единовѣрцами и однородцами, послѣднимъ остаткомъ свободаго въ греческой церкви благочестія и древняго апостолическаго православія, угнетеннаго и искаженнаго во всемъ мірѣ магометанствомъ и папешствомъ, невѣрными и недовѣрками». Московское правительство, съ своей стороны, неоднократно повторяло, что государь принялъ Малую Россію подъ свою руку «для избавленія отъ ляхскаго гоненія православныхъ людей, не хотя того слышати, что единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ въ разореньѣ отъ латиновъ и отъ папешникъ быти» (Симб. сборн., грам. 12 и 19).

лороссію, необходимость искать государя и защитника, искать его „не въ царяхъ басурманскихъ, турецкомъ или крымскомъ, но въ православномъ христіанскомъ великомъ царѣ восточномъ; который есть съ ними единого благочестія греческаго закона, единого исповѣданія“. Онъ заключилъ словами: „Кромѣ его царскія высокія руки благотворишнѣйшаго пристанища не обрящемъ; а буде кто съ нами не согласуетъ теперь, пусть идетъ куда хочетъ, вольная дорога“. Раздались общія восклицанія: „Волимъ подѣ царя восточнаго православнаго крѣпкую руку, въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достатись“. Увѣрившись съ согласіи всѣхъ, гетманъ произнесъ: „Буди тако, да Господь Богъ насъ укрѣпитъ подѣ его царскою крѣпкою рукою“. Народъ единогласно отвѣчалъ: „Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобы мы вѣки всѣ едино были!“

Торжество возсоединенія Великой Россіи съ Малою совершилось 8 января 1654 года. Восторгъ народа и войска не зналъ предѣловъ; бояре московскіе, принявшіе присягу отъ новыхъ подданныхъ царя Алексія, посѣтили Кіевъ, гдѣ митрополитъ Сильверстъ Коссовъ встрѣтилъ ихъ такою рѣчью: „Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ оный благочестивый Владиміръ, великій князь Русскій; цѣлуетъ васъ апостоль Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семь мѣстѣ велію просіати славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется; цѣлуютъ васъ общему житію начальницы, преподобный Антоній и Ѳеодосій Печерскіе и всѣ преподобніи, лѣта и животь свой о Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіе; цѣлуемъ и мы о Христѣ ваше благородіе со всѣмъ освященнымъ соборомъ, цѣлующе же любовнѣ взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится яко орля юность наслѣдія благочестивыхъ великихъ князей русскихъ“²⁷⁾.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Малороссіи необходимо должна была начаться война съ Польшею. Но она не могла уже быть опасною для державы, которая по сліянніи двухъ родственныхъ племенъ русской земли сдѣлалась настолько сильною, что сама уже внушала ужасъ

²⁷⁾ Впрочемъ, несмотря на эту рѣчь, въ Москвѣ были недовольны Сильвестромъ: во время послѣднихъ сношеній Хмѣльницкаго съ царемъ о подданствѣ, Сильвестръ не отозвался ни разу; въ Москвѣ показалось это очень страннымъ: вѣдъ дѣло шло объ избавленіи православныхъ отъ гоненія нечестивыхъ латинъ. Малая Россія соединяется съ Великою во имя восточнаго православія, а митрополитъ молчитъ; помнили поведеніе Іова Борецкаго и тѣмъ болѣе изумлялись поведенію Сильвестра Коссова. Но между положеніемъ Іова и Сильвестра была большая разница: Іовъ держалъ митрополию во время сильнаго разгара борьбы между православіемъ и униєю, когда новопоставленные архіереи православные подвергались тяжелымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ. Сильвестръ правилъ Церковію совершенно въ иное время, когда, благодаря Хмѣльницкому, религиозныя преслѣдованія затихли. Прекращеніе гоненій давало просторъ другимъ интересамъ: Сильвестръ былъ шляхтичъ, и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству, а главное при польскомъ владычествѣ онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго патріарха византійскаго была только на словахъ, тогда какъ при подданствѣ Малороссіи московскому государю, митропол. не могъ избѣгать зависимости отъ московскаго патріарха—зависимости дѣйствительной и не легкой.

врагамъ своимъ. Царь Алексій самъ отправился на войну, поручивъ семейство свое и всѣ внутреннія дѣла государственныя другу-патріарху; бояре ежедневно являлись съ докладами къ Никону и безъ него не могли приступить ни къ какому дѣлу ²⁸). Посоль за посломъ спѣшили къ нему отъ царя съ извѣстіемъ о взятіи городовъ. Въ полгода овладѣли Смоленскомъ, Минскомъ, Витебскомъ, со множествомъ окрестныхъ мѣстъ. Въ 1655 г. завоевана была Вильна съ остальными городами Бѣлоруссіи; и въ то же время проишли всю Волынь и Галицію, разбивая поляковъ; тамъ и здѣсь первые въ побѣдахъ были казаки. Польша доведена была до изнеможенія. Она предложила перемиріе, оставивъ временно за Россією всѣ завоеванія.

Между тѣмъ, какъ царь находился съ войскомъ, въ Москвѣ (въ 1651 г.) открылась моровая язва, перешедшая затѣмъ и въ сосѣдніе города. Въ столицѣ свирѣпствовала она съ страшною силою, такъ что къ ноябрю мѣсяцу почти не осталось священниковъ ²⁹). Патріархъ съ обыкновенною для него твердостью дѣлалъ распоряженія къ облегченію бѣдствій; особенно заботился онъ о сохраненіи оставленной на его попеченіи царской семьи. Пославъ напередъ приказаніе въ Колязинскій монастырь объ осторожномъ приготовленіи келлій, службъ и всего нужнаго къ приѣзду царицы ³⁰), Никонъ отправился съ семьею царя-друга въ лавру богоноснаго Сергія, потомъ странствовалъ съ нею изъ монастыря въ монастырь, вмѣстѣ съ чѣмъ лично наблюдалъ за безопасностію мѣстъ. Въ то же время отъ имени царицы разсылалъ по городамъ грамоты объ употребленіи строгихъ мѣръ предосторожности: предписано было ограждать зараженныя мѣста крѣпкими заставами, жечь костры для очищенія воздуха. Наконецъ въ концѣ октября патріархъ въ Вязьмѣ передалъ царю дорогое сердцу семейство его невредимымъ и тогда же отправился впередъ въ Москву, чтобы очистить городъ ³¹). Зараза открылась въ 1655 году по горо-

²⁸) Акты Арх. Эксп. 4, № 71—грамота патріарха о высылкѣ подвоя изъ Вологды на государеву службу: «указалъ государь царь... И мы великій государь... По нашему указу довелось съ вологодскихъ монастырей взять». Такого же содержанія грамота въ Галичъ—4, № 86. Дополн. Истор. Акт. 3, № 120—121.

²⁹) Въ Иверскомъ спискѣ «извѣстія» Шушерина: «въ царствующемъ градѣ мало не вси изомроша, а за великое удивленіе, аще въ которой улицѣ человека 4 или 5 осталось».

³⁰) «А готовить запасы велѣтъ въ монастырскихъ вотчинахъ въ добрыхъ мѣстахъ, гдѣ мороваго повѣтрія въ людяхъ не именовалось» (Акт. Арх. Эксп. 4, № 73— грамота патріарха въ Калазинь).

³¹) Думаютъ, что въ это время царь пожаловалъ Никону титулъ «великаго государя»; но это мнѣніе ошибочно. Еще въ октябрѣ 1653 года, въ соборномъ дѣяніи о присоединеніи Малороссіи, Никонъ называется великимъ государемъ (Собр. грам. 3, 481. Тоже видимъ и въ другихъ актахъ того же и слѣдующаго 1654 года). Какъ изъ всѣхъ прежнихъ патріарховъ именовался великимъ государемъ одинъ родитель царскій патріархъ Филаретъ, то по отношенію къ Никону это имя выражало только сыновнее уваженіе царя къ патріарху. Никонъ съ своей стороны весьма не желалъ такой почести и просилъ царя освободить отъ нея. Въ письмахъ къ царю онъ называлъ себя то грѣшнымъ и смиреннымъ Никонѣмъ, то смиреннымъ Никонѣмъ, патріархомъ. Но въ публичныхъ актахъ титулъ, по настоянію царя, остался за Никонѣмъ.

дамъ восточнаго края. Такъ какъ суевѣріе распространяло вредныя мысли о происхожденіи и ходѣ язвы, то патріархъ разослалъ отъ своего имени пространную окружную грамоту къ вразумленію суевѣровъ и невѣждъ. Въ грамотѣ патріархъ, убѣждая переносить несчастіе съ терпѣніемъ, укрѣпляться молитвою и постомъ, совѣтовалъ беречься сообщенія съ зараженными, запрещалъ вѣрять ложнымъ толкамъ суевѣровъ, разглашавшимъ, что никто не долженъ избѣгать этой язвы, какъ посланной гнѣвомъ Божиимъ. Пастырь поучалъ, что каждый отвѣчаетъ за грѣхи свои, что по наставленію пророковъ, Спасителя и апостоловъ спасаться отъ смерти не грѣшно, а напротивъ, кто не избѣгаетъ опасности видимой и подвергается ей безъ нужды, тотъ самоубійца. Иные, говорилъ патріархъ, не слушая добрыхъ совѣтовъ, сами погибли и другихъ погубили. Они повѣрили сказкамъ сновидцевъ, которые говорили, будто Богъ открылъ имъ, когда и какъ прекратится язва. И что же вышло? Зараза поражала легковѣрныхъ, а отъ нихъ переходила на другихъ; христіане умирали безъ приготовленія христіанскаго. „Будемъ,—заклучалъ пастырь,—Ниневитяне, не содомляне! Оставимъ злобу, да не погибнемъ отъ злобы ³²⁾).

При тѣхъ блистательныхъ надеждахъ, какія возбуждены были побѣдами надъ Польшею и присоединеніемъ Малороссіи, естественно было, что Никонъ (1656 г.) одобрилъ войну съ Швеціей за владѣнія православной Россіи въ Ливоніи. Дѣла съ Швеціей, какъ и съ Польшею, шли съ успѣхомъ, пока Никонъ пользовался довѣренностію царя; между прочимъ въ Кокенгузенѣ освящена была церковь во имя царевича Димитрія, и городъ названъ Дмитріевымъ.

Плодомъ трудовъ патріарха было и то, что въ началѣ 1656 года молдавскій воевода Стефанъ черезъ пословъ своихъ просилъ царя принять его подъ покровительство, какъ принять гетманъ Малороссіи. И Молдавія причислена къ владѣніямъ царя, хотя и не была удержана ³³⁾.

Такова была государственная дѣятельность Никона на пользу православному отечеству, съ искреннею любовію къ доброму государю. Посмотримъ теперь на пастырскіе подвиги его въ служеши церкви и духовному просвѣщенію.

Вступленіе на патріаршій престолъ доставило ему средства еще болѣе развить свой преобразовательный духъ въ служеніи истинѣ и благу Церкви и отечества. Онъ установилъ партесное пѣніе греческое и кievское, примѣняясь къ древнимъ напѣвамъ; ввелъ болѣе разнообразія въ иконной живописи; вообще заботился о благолѣпнн церкви московскихъ и о стройности богослуженія, искореняя повсюду, какъ прежде въ Новгородѣ, обычай читать и пѣть въ нѣсколько голосовъ. Собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ духовенству имѣть бдительный надзоръ надъ нравственностію мірянъ; въ от-

³²⁾ Грамота помѣщена въ древн. Вивліое., VI, 162.

³³⁾ О грамотахъ Никона въ Молдавію. Истор. Акт. V, 477.

пошені къ нерадивымъ былъ възыскателенъ и строго наказывалъ за всякое нарушеніе церковнаго чина. При самомъ назначеніи въ духовныя должности подвергалъ ставленниковъ строгому испытанію въ знаніи обязанностей: посвящалъ въ священники и діаконы только людей, имѣвшихъ достаточныя познанія, по крайней мѣрѣ, въ чтеніи и письмѣ, что конечно не могло нравиться невѣжественнымъ ставленникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно требовало изысканія мѣръ для просвѣщенія духовенства.

Патріаршая власть при Никонѣ усилилась до высшей степени. Патріархъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только „великимъ государемъ“, окружалъ себя царскою пышностію и величіемъ. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ ³⁴⁾, употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и для благолѣпія богослуженія: лучшія облаченія въ патріаршей ризницѣ принадлежать ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и камней; около митры первосвятителя видимъ корону. Никона боялись сами бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія, поступая съ ними самовластно ³⁵⁾. Дѣйствія монастырскаго Приказа и самага Уложенія были парализованы сильнымъ вліяніемъ патріарха на царя. Хотя Никонъ не успѣлъ совершенно уничтожить Уложеніе и замѣнить его вновь изданною Кормчею книгою, но побудилъ царя разослать по всѣмъ воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія, съ повелѣніемъ производить судъ по этимъ выпискамъ. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имущества, патріаршій домъ и построенные Никономъ монастыри обогатились новыми вотчинами. Другіе монастыри въ то же время получили возможность дѣлать новыя пріобрѣтенія. Но въ то же время вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ и всегдашней готовности Никона на пожертвованія для блага отечества никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ даточными людьми, лошадьми, военными припасами, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10,000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ, кромѣ того, на свои богатяя средства увеличивалъ свои домовыя богадѣльни, раздавалъ богатую ручную милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы ³⁶⁾.

³⁴⁾ Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій патріарха Антиохійскаго Макарія при первомъ пріѣздѣ его въ Москву, видѣлъ великое множество патріаршихъ чиновниковъ, 7 палатъ съ 7 судьями и множество дьяковъ, и при каждой палатѣ тюрьмы съ цѣпями и колодками, которыми обременяли виновныхъ священнослужителей.

³⁵⁾ Такъ, преслѣдуя чужеземные обычаи, онъ истребилъ у бояръ органы и образа италіанской живописи; у родственника царскаго, боярина Романова, изрѣзалъ на куски ливрею, сдѣланную для прислуги по западному покрою.

³⁶⁾ Для пропитанія бѣдныхъ, Никонъ устроилъ въ Москвѣ нѣсколько богадѣленъ. Судя по расходнымъ книгамъ патріаршаго приказа, никто изъ патріарховъ столько не расходовалъ милостыни нищимъ и не дѣлалъ пособій нуждающимся, сколько Никонъ. При каждомъ выходѣ своемъ на служеніе, онъ жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ деньгами, не забывая и тюремныхъ сидѣльцевъ въ черной палатѣ, въ тюрьмахъ на Варварскомъ крестѣ;

Въ началѣ и въ половинѣ XVII вѣка былъ уже весьма замѣтенъ упадокъ монашества. Хотя въ это время возникло болѣе ста новыхъ обителей, но всѣ онѣ были не благоустроены и малолюдны (по 2, по 3 монаха, почти безъ всякихъ средствъ). Можетъ быть въ видахъ возвышенія монашества чрезъ посредство новыхъ обителей иноческихъ, образцовыхъ по строгому уставу и изяществу зданій, Никонъ основалъ въ разное время три знаменитыхъ монастыря.

Первый изъ нихъ сооруженъ, въ 1652 году, въ заливѣ Бѣлаго моря, на Кіи островѣ, гдѣ Никонъ, еще отшельникомъ, при переѣздѣ съ Анзерскаго скита на материкъ спасенный отъ иотопленія, водрузилъ крестъ. Новая обитель, въ память этого событія, наименована Крестнымъ монастыремъ и была щедро одарена царемъ и патриархомъ ⁸⁷⁾.

Другой монастырь основанъ Никономъ на озерѣ Валдайскомъ. Живописные виды окрестностей озера и лежащихъ на немъ острововъ весьма понравились Никону, когда онъ, бывши еще митрополитомъ новгородскимъ, проѣзжалъ въ 1651 г. въ Москву. Немедленно по вступленіи своемъ на патриаршескій престолъ онъ вознамѣрился устроить на одномъ изъ острововъ обитель, отличную отъ обыкновенныхъ—по образцу Иверскаго Аѳонскаго монастыря. Испросивъ соизволеніе царя Алексѣя Михайловича, онъ отправилъ на Аѳонскую гору нѣсколько живописцевъ, предписавъ имъ снять новую копию съ чудотворной иконы Божіей Матери, а равно доставить самовѣрнѣйшій планъ монастыря. Когда сіи посланные возвратились, патриархъ отправилъ на островъ Валдайскаго озера искусныхъ зодчихъ, которые, избравъ мѣсто для монастыря, построили на этомъ мѣстѣ сперва рыбачьи хижины, а потомъ и деревянную церковь во имя Божіей Матери. Въ 1654 году Никонъ отправилъ митрополита новгородскаго Макарія въ Боровицкій Духовъ монастырь для перенесенія мощей праведнаго Іакова Боровицкаго въ новосозидаемую обитель ⁸⁸⁾, а самъ, вложивъ

въ разбойномъ и другихъ приказахъ. Въ праздники, при посѣщеніи темницъ, самъ надѣлялъ колодниковъ милостыней и пастырскимъ утѣшеніемъ. Однажды ему случилось ѣхать въ Новоспасскій монастырь на поминованіе царскихъ родителей; на дворѣ попались ему салазки съ горячими сайками; онъ остановился купить ихъ и роздалъ убогимъ. Нищелюбіе его просирилось до того, что онъ допускалъ убогихъ и неимущихъ въ свою столовую палату за праздничныя трапезы, радушно раздѣляя пищу съ меньшею братією Христовой (Патріаршаго Прик. расходн. кн. 1763—64 г., № 58).

⁸⁷⁾ Мѣстность 2-класснаго Крестнаго монастыря—въ 8 верст. отъ материка, въ 15 верст. отъ города Онеги и въ 233 вер. отъ Архангельска. Крестовоздвиженская соборная церковь этой обители построена и освящена патр. Никономъ въ 1661 году. Здѣсь сохраняется въ видѣ мѣстной иконы, крестъ, устроенный тщаніемъ и усердіемъ храмоздателя въ Палестинѣ изъ кипариснаго дерева, въ вышину и въ ширину подобно кресту Христову. Въ крестѣ, въ серебряныхъ позлащенныхъ ковчегахъ, помѣщены мощи разныхъ святыхъ, числомъ до 300 частицъ.

⁸⁸⁾ Кто былъ прав. Іаковъ? Точныхъ свѣдѣній не отыскано. По мѣстному преданію, онъ былъ простой и набожный судовщикъ, принялъ на себя юродство Христа ради и убить громомъ. Тѣло его принесено было въ 1540 г. на льдинѣ, по весеннему разливу р. Мсты, къ порогу Боровицкому; мѣстные жители положили его на берегу на обрубѣ; тѣло

въ серебряный позолоченный ковчегъ части мощей святителей московскихъ Петра, Ионы и Филиппа, отправился съ ними изъ Москвы и, прибывъ въ новоустроенный монастырь, переложилъ мощи св. Іакова Боровицкаго въ новую серебряную раку и поставилъ ее, равно какъ и ковчегъ съ мощами святителей московскихъ, въ деревянной церкви. Въ томъ же году патріархомъ Никономъ учреждена въ Иверскомъ монастырѣ архимандрія. При второмъ посѣщеніи патріарха заложена, а при третьемъ освящена имъ, вмѣсто бывшей деревянной, каменная церковь во имя пресв. Богородицы. Тогда же принесена имъ икона Божіей Матери, списанная съ Аѳонской Иверской или Портаитской, украшенная золотомъ и драгоценными камнями. Царь Алексѣй Михайловичъ, имѣвшій особое благоволеніе къ Никону, много содѣйствовалъ своими щедрыми пожертвованіями къ устроенію сего знаменитаго монастыря, и 1654 года мая 9 дня далъ новой обители „великую жалованную грамоту“³⁹⁾, въ которой село Валдай переименовано Богородицкимъ, озеро—Святымъ и самый монастырь названъ Иверскимъ-Святоезерскимъ⁴⁰⁾.

Третій и важнѣйшій изъ числа монастырей, основанныхъ Никономъ, находится въ окрестностяхъ Москвы и извѣстенъ всему просвѣщенному міру подъ именемъ Новаго Іерусалима⁴¹⁾. При поѣздкахъ изъ Москвы въ созидаемый имъ Иверскій монастырь Никонъ замѣтилъ прекрасную мѣстность при рѣкѣ Истрѣ и вознамѣрился устроить здѣсь вѣрное подобіе Іерусалимскаго храма и въ немъ гроба Господня. Купивъ у боярина Романа Боборыкина землю и село Воскресенское, все окружаемое рѣкою, гористое мѣсто выровнялъ насыпью, съ трехъ сторонъ выкопалъ рвы, поверхность холма обнесъ деревянною оградой съ восьмью башнями и внутри на первый случай соорудилъ во имя Воскресенія Господня теплую деревянную церковь съ трапезою и прочими службами. Эта церковь въ 1657 году была освящена имъ въ присутствіи государя, который, разсматривая мѣстоположеніе, столько плѣнился имъ, что сказалъ патріарху: „Самъ Богъ изначала опредѣлилъ мѣсто сіе для обители; оно прекрасно какъ Іерусалимъ“.

Никонъ, утѣшенный столь сладкимъ именемъ, назвалъ въ угодность царю новую свою обитель „Новымъ Іерусалимомъ“; а гору, съ которой царь смотрѣлъ на окружающую мѣстность, — „Элеономъ“; тогда же и другія близлежащія многія мѣста получили наименованія, сход-

сохранилось нетлѣннымъ и прославлено чудесами. Въ 1545 году мощи блж. Іакова, по освидѣтельствованіи, перенесены были, съ благословенія Макарія, митропол. Всероссійскаго, въ каменный храмъ Боровицкаго Духова монастыря.

³⁹⁾ Этою грамотою приписаны къ обители три монастыря: Покровскій Короцкій, Рождественскій Лисій—Деревеницкій и Духовъ Боровицкій, съ принадлежащими имъ селами, деревнями и пустошами; также два подворья въ Новгородѣ и подворье въ Москвѣ; шесть сольныхъ варницъ въ Старой Русѣ, 10 погостовъ; село Валдай и еще 11 сель и много «рядковъ и деревень съ пустошми и селищи и займищи».

⁴⁰⁾ Сказаніе о чудотворн. Иверской иконѣ Б. М., гр. М. Толстого, стр. 91—96.

⁴¹⁾ Ставропигіальный Воскресенскій 1-классный монастырь, именуемый Новымъ Іерусалимомъ, находится въ 53 верстахъ отъ Москвы и въ 21 в. отъ Звенигорода.

ныя съ священными мѣстностями Палестинскими. Вскорѣ послѣ того чрезъ Арсенія Суханова Никонъ получилъ изъ Іерусалима чертежи и модель храма гроба Господня, и въ 1658 году заложенъ тотъ дивный храмъ, который ему не суждено было окончить ⁴³⁾.

При всегдашней заботливости о духовномъ просвѣщеніи клира и народа великій первосвятитель не могъ оставить безъ вниманія и покровительства Греко-Латинской школы, учрежденной при патріархѣ Филаретѣ. Въ 1648 году любимецъ царя Алексѣя, окольникій Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ ⁴³⁾, устроилъ близъ Москвы Андреевскій монастырь, вызвалъ туда братію изъ разныхъ кievскихъ и другихъ малороссійскихъ обителей и рѣшилъ завести тамъ ученое братство для перевода разныхъ полезныхъ церковныхъ книгъ. Съ этою цѣлью онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя къ благочестивому его желанію, избралъ между прочими Епифанія Славеницкаго и отправилъ его въ Москву. Обезпеченный содержаніемъ отъ Ртищева, Славеницкій немедленно приступилъ къ переводу разныхъ священныхъ книгъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ явился образцомъ для своихъ сотрудниковъ, также вызванныхъ изъ Кіева, Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго: занимаясь переводами, онъ въ же время составлялъ полный лексиконъ славяно-греко-латинскій и задумывалъ новый переводъ всей Библии съ греческаго текста на языкъ славянскій. По вступленіи Никона на патріаршій престолъ вызванъ былъ изъ Соловецкаго монастыря и Арсеній Грекъ ⁴⁴⁾ и присоединенъ къ ученому братству. Никонъ желалъ имѣть всѣхъ ихъ

⁴³⁾ Эта церковь имѣетъ видъ креста, средину котораго осѣняетъ куполь: внутренняя длина храма простирается на 30 саж., ширина 19, вышина внутри отъ помоста до креста 30 саж. съ арш.; алтарь весьма пространный; горнее мѣсто полукруглое о девяти ступеняхъ и отъ заалтарнаго зданія отдѣлено особенною каменною стѣною, на которой поставлено шесть столповъ на равномъ разстояніи одинъ отъ другого, такъ чрезъ промежутки между ними все застроенное зданіе, состоящее изъ 29 храмовъ, въ самомъ поразительномъ видѣ представляется взору. Посреди самой церкви воздвигнуть надъ гробомъ Спасителя великолѣпный шатеръ выш. въ 33 саж., освѣщенный 75 окнами, съ тремя рядами хоровъ, украшенныхъ 60-ю картинами, изображающими пророчества о Иисусѣ Христѣ и его страданіяхъ. Этотъ куполь по огромности и красотѣ представляетъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ зданій. Хромозатель не успѣлъ достроить церкви: она довершена иждивеніемъ царя Ѳеодора и освящена патріархомъ Іоакимомъ въ 1685 году. Обновленіе всего зданія и сооруженіе новаго купола послѣдовали 1749—1756 годахъ, подъ наблюденіемъ архимандр. (а потомъ епископа) Амвросія Зергисъ-Каменскаго.

⁴⁴⁾ «Житіе» Ртищева помѣщено въ древней Вивліюикѣ (т. XVIII, стр. 400 и слѣд.). Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ, данной имъ Славяно-Греко-Латинской академіи, говоритъ объ Андреевскомъ монастырѣ: «той монастырь, по благословенію отца нашего, великославныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, созданъ отъ нашего царскаго величества ближняго челоуѣка, чиномъ окольникаго Ѳеодора Михайловича Ртищева, мужа весьма всякаго блага рачительнаго, ради въ ономъ монастырѣ російскаго рода въ просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія» (Истор. Росс. Іер. I, 522).

⁴⁴⁾ Арсеній Грекъ, учитель школы при патріаршемъ дворѣ, подвергся гоненію за ревностное обличеніе невѣждъ, печатавшихъ церковныя книги, и заключенъ, по волѣ патріарха Іосифа, въ Соловецкомъ монастырѣ въ тюрьму. Мѣстное преданіе увѣряетъ, что

близъ себя и изъ Андреевскаго монастыря перемѣстилъ Славеницкаго, Птицкаго и Арсенія въ Чудовъ монастырь, а Сатановскаго—въ Бого-явленскій, и сдѣлалъ Епифанія начальникомъ патріаршаго чудовскаго училища и главнымъ справщикомъ печатнаго двора, не отвлекая его и отъ прежнихъ занятій ⁴⁵).

Важнѣйшій подвигъ патріаршаго служенія Никона заключается въ исправленіи церковныхъ книгъ. Труды, предпринятые по этой части при патріархѣ Филаретѣ и Іосифѣ, доказали необходимость повѣрки книгъ по греческимъ подлинникамъ и тщательнаго исправленія вкравшихся погрѣшностей. Оба первосвятителя находили время и средства собственнымъ надзоромъ слѣдить за печатавшимися церковными книгами, хотя и при этомъ вновь выходившія книги не могли освободиться отъ нѣкоторыхъ важныхъ ошибокъ.

Въ иномъ отношеніи къ этому дѣлу стоялъ слабый и довѣрчивый патріархъ Іосифъ. Онъ не могъ самъ лично заниматься имъ, а между тѣмъ потребность исправленія книгъ или, по крайней мѣрѣ, строгаго и внимательнаго надзора за ними была уже ясно признана всѣми, такъ что уже нельзя было не удовлетворять ей. Патріархъ рѣшилъ поручить дѣло надзора за печатаніемъ книгъ лицамъ, пользовавшимся особеннымъ его довѣріемъ.

По свидѣтельству сибирскаго митрополита Игнатія ⁴⁶), они были: протопопы Аввакумъ, Іоаннъ Нероновъ, суздальскій попъ Лазарь, попъ Никита (прозванный впослѣдствіи пустосвятомъ), царскій духовникъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ и нѣкоторые другіе. Это были, какъ можно видѣть изъ послѣдствій ихъ жизни, люди съ умомъ хитрымъ, способные дѣйствовать на другихъ, имѣвшіе довольно лице-мѣрія, чтобы возбуждать участіе къ себѣ. Въ предметахъ вѣры суще-
онъ изъ за тюремной рѣшетки зывалъ къ Никону (тогда еще митрополиту, присланному за мощами св. Филиппа): «какъ будешь во времени, то и Арсюшку вспомяни!» Мольба была услышана.

⁴⁵) Епифаній Славеницкій, «мужъ, по свидѣтельству современнаго сказанія, многоученый, аще кто инъ таковъ во времени семъ, не только грамматики и реторики, но и философіи и самыя еѳологии извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славянскаго и польскаго діалектовъ» (Слов. Истор. митр. Евгенія, ч. I, стр. 178), сдѣлалъ въ Москвѣ много переводовъ изъ твореній отцовъ Церкви: Златоуста, Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Аѳанасія и Дамаскина. Кромѣ того, имъ переведены: 1) Матѳея Властаря сокращеніе по алфавиту правилъ св. соборовъ и отецъ; 2) Правила св. апостолъ и климентовыхъ апостольскихъ завѣщаній, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и правилъ св. отецъ, пріемлемыхъ восточною церковію, съ Фотіевымъ Номоканономъ и толкованіемъ Валсамона: это полнѣйшая славянская Кормчая книга; 3) Константина Арменула сокращеніе божественныхъ и священныхъ правилъ и градскихъ законовъ. Эту книгу Славеницкій переводилъ въ другой разъ, по повелѣнію патріарха Никона, такъ какъ первый переводъ его погибъ во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ моровой язвы. Изъ собственныхъ сочиненій Славеницкаго, кромѣ упомянутаго Греко-Славено-Латинскаго лексикона, извѣстенъ филологическій лексиконъ, или сводъ разныхъ мѣстъ изъ св. отцовъ греческихъ, объясняющій и опредѣляющій смыслъ словъ и выраженій въщ. Писанія.—Епифаній преставился въ 1676 году и погребенъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ.

⁴⁶) Въ посланіи противъ сибирскихъ еретиковъ (Слов. Истор. митр. Евгенія I. 315).

ствовала для нихъ одна только мертвая буква безъ отношенія къ оживляющему ее духу. Не имѣя въ сердцѣ способности воспринимать внутренній смыслъ богослужебнаго обряда и всей внѣшней стороны христіанскаго богопочитанія, руководимые лицемѣрною набожностію, они тѣмъ не менѣе, какъ и всѣ подобные люди, любили доискиваться особеннаго значенія, особенности тамъ, гдѣ или вовсе не было повода къ тому или было совершенно невозможно по сокровенности самаго дѣла. Не удивительно, что такіе люди были приверженцами тѣхъ мнѣній и понятій, чуждыхъ истинно благочестивому чувству, которыя вообще принадлежали партіи мнимыхъ приверженцевъ старины. Они вносили свои мнѣнія и въ богослужебныя книги. Ничто не препятствовало имъ; они овладѣли довѣренностію Іосифа, пользовались общественнымъ уваженіемъ по своему положенію; печатный дворъ былъ тогда въ вѣдомствѣ царскаго дворцоваго приказа, подъ управленіемъ единомышленника ихъ князя Львова. Итакъ, новые справщики церковныхъ книгъ, отличавшіеся крайнимъ невѣжествомъ, не только портили книги, печатая ихъ съ невѣрныхъ, искаженныхъ рукописей, о сличеніи которыхъ и не думали они, но и вносили въ книги свои собственныя заблужденія. Ученіе свое о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи они подтверждали мнимымъ сказаніемъ блаженнаго Теодорита о перстосложеніи Мелетіевомъ, присоединивъ собственное толкованіе ⁴⁷⁾ въ такъ называемой Кирилловой книгѣ (изд. 1344 г.), въ предисловіи къ слѣдованной псалтири (изд. 1647 г.), также въ книгѣ о вѣрѣ единой (изд. 1648 г.) и въ маломъ Катихизисѣ (изд. 1640 г.). Каждая изъ этихъ книгъ печаталась въ числѣ 1.200 экземпляровъ, всѣ онѣ разносили заблужденія по всѣмъ краямъ русской земли. При такомъ своеволіи въ изданіи богослужебныхъ книгъ происходили безпорядки и несогласія въ самомъ совершеніи богослуженія. Порча церковныхъ книгъ дошла до высшей степени и была тѣмъ прискорбнѣе и безотраднѣе, что производилась явно, утверждаясь по-видимому на законныхъ основаніяхъ.

Еще въ санѣ архимандрита Новоспасскаго Никонъ смотрѣлъ со скорбію на невниманіе къ устроенію церковному со стороны дряхлаго и немощнаго патріарха Іосифа. Въ 1649 году прибылъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ Паисій. Святитель, конечно, скоро замѣтилъ несогласіе въ богослуженіи русской Церкви съ Церковію греческою, и изъ всѣхъ окружавшихъ его скорѣе всего онъ могъ раздѣлить наблюденія и мысли свои съ Никономъ, который самъ такъ живо со-

⁴⁷⁾ Вотъ какъ изложено ими ученіе о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія: *Вопросъ:* Какимъ образомъ знаменіе святаго креста имамы на себя полагаютъ? *Отв.* Со-вокупити три персты правыя руки, сирѣчь великаго и малаго и третьяго, что подлѣ малаго, въ нихъ же исповѣдуемъ таинство божественныхъ трехъ Ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, въ трехъ лицахъ. Два же перста протянуты великій и средній» (Малый катихизисъ Моск. изданія 1649). А между тѣмъ почти въ то же время и въ той же книгѣ кievскаго изданія (1645 года) сказано: «рукою правою три первіи пальцы сложивши, знакъ креста начинай ими на челѣ» и проч.

чувствовалъ этому дѣлу. Не удивительно, что на благоговѣйнаго къ святынѣ Никона глубоко подѣйствовали неоднократныя бесѣды греческаго святителя о нѣкоторыхъ разностяхъ въ совершеніи обрядовъ русской Церкви съ греческою. При бесѣдахъ съ царемъ Никонъ не замедлилъ передать ему замѣчанія Паисія и собственные свои планы. Слѣдствіемъ было отправленіе на востокъ Арсенія Суханова ⁴⁸). Къ движенію благочастивой ревности пришло на помощь новое побужденіе. Съ святой горы Аѳонской пришло извѣстіе, что тамъ явился нѣкто изъ сербовъ, іеромонахъ Дамаскинъ, учившій открыто, что каждому христіанину нужно креститься двумя, а не тремя первыми перстами. Отцы аѳонскихъ монастырей по благословенію цареградскаго патріарха Парфенія, присланному имъ письменно, составили соборъ, призвали на онъ къ отвѣту самого Дамаскина и „книгу русскую (вѣроятно нашу слѣдованную псалтирь ⁴⁹), у него взяли, а въ ней тако написано, якоже той учаши, и тую книгу соборнѣ сожгоша; а тако творящихъ и учащихъ анаемѣ предаша“. Соборъ святогорскій утвердилъ совершать крестное знаменіе непременно тремя первыми перстами.

Это событіе навлекло явное подозрѣніе на справщиковъ печатнаго двора. Они были удалены и наблюденіе надъ исправленіемъ книгъ поручено ученымъ монахамъ кievскимъ.

Вступивъ на престолъ первосвятительскій, патріархъ Никонъ не замедлилъ обратить вниманіе на тѣ же безпорядки въ московскихъ церквахъ, какіе исправлялъ онъ въ прежней своей Новгородской епархіи. Кромѣ того, онъ былъ пораженъ здѣсь иными, еще болѣе важными разногласіями и неправильностями: такъ литургію совершали то на семи, то на шести просфорахъ, употребляя притомъ просфоры съ различными печатями; образъ совершенія проскомидіи во многихъ церквахъ былъ также различенъ. вмѣсто того, чтобы для крестнаго знаменія слагать три первыхъ перста и благословлять перстосложеніемъ именованнымъ, крестились и благословляли только двумя перстами; неправильно писали святое имя Господа Іисуса; были и другія различія ⁵⁰). Никонъ, строгій во всемъ, касающемся благочинія церковнаго, не могъ смотрѣть на все это равнодушно и рѣшился ввести то единство въ богослуженіи, которымъ все должно быть запечатлѣно въ Церкви. При стремленіи къ сей цѣли онъ еще сильнѣе убѣдился въ необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ. Онъ увидѣлъ,

⁴⁸) Проскинитарій Арсенія: «Лѣта 7157 (1649) мая въ девятый день по государеву цареву и великаго князя Алексія Михайловича всея Русіи указу и по благословенію господина святителя Іосифа... велѣно было ѣхать въ Іерусалимъ».

⁴⁹) Сами раскольники ссылаются на этотъ фактъ, конечно, приспособляя его къ своимъ цѣлямъ: «Какая правда во Аѳонской горѣ: Греки сожгли своихъ святѣйшихъ патріарховъ многосложный свитокъ, книгу, что писали къ Теофилу царю еретику... и нашу Русскую Псалтирь» (Рукоп. разсужденіе объ исправленіи церковныхъ книгъ въ Россіи, М. Середонина).

⁵⁰) Соборный свитокъ, напечатанный при служебникѣ, издан. въ 1667 г.

Толстаго.—Исторія Русск. Церкви.

что беспорядки въ совершеніи богослуженія не были только отступленіемъ отъ чина церковнаго, излагающагося въ богослужебныхъ книгахъ, но что они вошли и въ самый составъ этихъ книгъ, наполненныхъ разными неисправностями.

Чтобы очевиднѣе и тверже удостовѣриться, въ какомъ состояніи были богослужебныя книги, Никонъ обратилъ вниманіе на древнее книгохранилище, давно забытое всѣми. Въ продолженіе многихъ дней онъ разсматривалъ ⁵¹⁾ книгохранилище съ тайною и сильно поражающею душу его мыслию: „не есть ли что погрѣшено отъ православнаго греческаго закона“. Страшная мысль эта оправдалась. Прочитавъ шитый на саккосѣ Фотія, принесенномъ изъ Греціи, символъ вѣры, Никонъ увидѣлъ несогласіе съ нимъ символа въ новопечатныхъ книгахъ; разсматривалъ и чинъ святой литургіи, и здѣсь нашелъ нѣкоторые недостатки и излишества въ сравненіи съ греческимъ; намѣренныя и ненамѣренныя ошибки въ переводѣ, даже немаловажныя измѣненія въ мысляхъ находились и въ другихъ книгахъ. Надобно было положить конецъ распространенію зла. Къ тому же времени возвратился изъ путешествія Арсеній Сухановъ. Правда, составленный имъ отчетъ о путешествіи (Проскинитарій) далеко не отвѣчалъ тѣмъ цѣлямъ, какихъ ожидалъ отъ него Никонъ, ибо Арсеній смотрѣлъ поверхностно на свое дѣло и, вовсе не обращая вниманія на тогдашнее бѣдственное состояніе христіанскаго Востока, много сообщилъ извѣстій о Греческой Церкви, представившихъ ее не совсѣмъ въ благопріятномъ свѣтѣ; однакожь это не препятствовало ему быть и полезнымъ. Между извѣстіями Арсенія находилось и слѣдующее: „греки троятъ въ церквахъ аллидуія, а въ Царьградѣ знаменуются греки тремя персты“.

Увидѣвъ столько разногласія между богослужебными книгами и церковными чинами, Никонъ совѣтовался съ царемъ объ уничтоженіи и исправленіи поврежденнаго. Царь, конечно, готовъ былъ предоставить ему полную свободу поступать въ семъ случаѣ, какъ ему угодно. Но не такъ думалъ самъ патріархъ. Съ одной стороны, взирая съ глубокимъ уваженіемъ на предпринимаемое дѣло, какъ на дѣло самой православной вѣры, Никонъ не хотѣлъ совершить его единолично, своею собственною властію; а съ другой—замѣчая въ однихъ явное нерасположеніе и предвидя противоборство съ ихъ стороны, а въ другихъ не совсѣмъ увѣренный, онъ призналъ за лучшее просить царя о составленіи Собора. Эту мысль патріархъ передалъ царю, основывая притомъ предложеніе свое о соборѣ на правилахъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, повелѣвающихъ быть по временамъ соборамъ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ. Царь согласился. Причина такого именно образа дѣйствованія лежала сколько въ опытахъ предшествовавшихъ исправленій, столько и еще болѣе въ положеніи настоящаго образа мыслей и отношеній современниковъ. На немъ предсѣдатель-

⁵¹⁾ «Беззаконный бо той, пишутъ раскольники о Никонѣ, еретическія Гришкины книги воспріять сокровенныя подъ казенною благовѣщенскою палатою» (Ркп. Щитъ Вѣры л. 67).

ствовалъ самъ царь, присутствовали патріархъ Никонъ и многіе изъ пастырей Русской церкви ⁵²⁾. Засѣданіе собора открыто было рѣчью патріарха. Раскрывъ, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ присно поучаться въ божественныхъ заповѣдяхъ и на нихъ твердо основываться, показавъ, какъ за цѣлымъ и чистымъ храпеніемъ сихъ заповѣдей постоянно и строго блюли вселенскіе соборы и благочестивые цари, Никонъ продолжалъ: „праведно есть и намъ всяку церковныхъ огражденій новину истребляти, видящимъ новины всегда виновны бывати церковнаго смятенія же и разлученія, но уставомъ послѣдовати святыхъ отецъ“, благоговѣнно принимать все, что пріяли и утвердили святые соборы, бывшіе до сего времени. Слѣдовательно надобно нововведенные чины церковные, несогласные съ древними славянскими и греческими книгами, надлежащимъ образомъ исправить. Этого требуетъ самое дѣло, священный долгъ, возложенный на каждого пастыря Церкви, и сама совѣсть каждого истиннаго христіанина. На ваше разсмотрѣніе,—заключилъ патріархъ,—предлагаю теперь вопросъ: „новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, въ нихъ же многая обрѣтошася нами отъ преведшихъ и преписующихъ неискунѣ съ древними греческими же и славенскими несходства и несогласія, явнѣе же рещи, погрѣшенія, или древнимъ греческимъ и славенскимъ, иже обои единъ купно чинъ и уставъ показываютъ?“ Въ отвѣтъ на эту рѣчь и этотъ вопросъ патріарха царь и соборъ сказали; „достойно и праведно исправить противу старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Получивъ такой отвѣтъ, Никонъ здѣсь же предложилъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствовавшихъ объ отступленіи настоящихъ церковныхъ чиновъ отъ греческихъ и несогласіи съ правилами соборными. Всякій разъ, какъ онъ представлялъ какую-либо несообразность или неправильность новыхъ церковныхъ книгъ, Соборъ говорилъ: „и мы такожде утверждаемъ быти, якоже греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ быти“ ⁵³⁾. Однакоже между присутствовавшими

⁵²⁾ На соборѣ были: Макарій, митрополитъ Новгородскій, Корнилій, митрополитъ Казанскій, Иона, митрополитъ Ростовскій, Сильвестръ, митрополитъ Крутицкій, Михайлъ, митрополитъ Сербскій, Маркелъ, архіепископъ Вологодскій, Софроній, архіепископъ Суздальскій, Михайлъ, архіепископъ Рязанскій, Макарій, архіепископъ Псковскій, Павелъ, епископъ Коломенскій, 11 архимандритовъ и игуменовъ и 13 протопоповъ (Скрижаль 1656, стр. 47—50). Въ основаніе приняты 37-е правило апостольское, 8-е правило шестого и 6-е правило седьмого вселенскихъ соборовъ.

⁵³⁾ Еще до созванія собора, повелѣно было собрать въ Москву всѣ древнія славянскія рукописныя книги, переведенныя съ греческаго за 500 лѣтъ и ранѣе, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были знаменитыя своєю древностію книгохранилища. Такъ доставлены были всѣ харатейныя рукописи и древнія книги изъ Великаго Новгорода, Троицко-Сергіевской лавры, Юрьева монастыря, Іосифова Волоцкаго монастыря и прочихъ мѣстъ. Книги собраны были изъ 39 русскихъ монастырей. Всѣмъ имъ сдѣланъ каталогъ, хранящійся въ синодальной бібліотекѣ подъ № 205 на 89 листахъ. Въ началѣ означено время и поводъ къ собранію книгъ: «17161 (1653 г.) генваря въ 11-й день по указу великаго Господина святѣйшаго Никона патріарха московскаго выписано степенныхъ монастырей изъ отписныхъ книгъ печатнова дѣла исправленія ради» (Подробная опись сихъ книгъ напечатана въ Чтен. Моск. Общ. Истор. за 1848 г. № 6-й).

на соборѣ нашлись люди, которые подавали голосъ въ защиту московскихъ книгъ. Это были—Павель епископъ Коломенскій, протопопъ Аввакумъ, Іоаннъ Нероновъ и другіе ⁵⁴⁾.

Чтобы устранить всякія возраженія со стороны противниковъ, въ совѣтѣ царя съ первосвятителемъ положено было написать къ восточнымъ патріархамъ о предложенномъ дѣлѣ и просить ихъ рѣшенія относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Избранъ былъ извѣстный по своей жизни съ доброй стороны Мануиль грекъ и отправленъ въ Константинополь съ царскою и патріаршею грамотою. Въ своей грамотѣ къ патріарху вселенскому Никонъ спрашивалъ о предметахъ въ то время спорныхъ. Патріархъ Паисій собралъ греческихъ пастырей и дѣяніемъ соборнымъ утвердилъ рѣшеніе московскаго собора: слѣдовать православному писанію восточныхъ учителей въ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ написаны были соборные отвѣты на 25 вопросовъ, приложенныхъ Никономъ. Патріархъ Паисій въ грамотѣ къ Никону изъяслялъ живѣйшую радость и глубокое уваженіе къ предпріятіямъ русскаго первосвятителя. Препроводивъ толкованіе на чинъ богослуженія, иначе Скрижалъ, разсмотрѣнную и одобренную, какъ писалъ онъ, на соборѣ, вселенскій патріархъ просилъ Никона ни въ чемъ не разнствовать отъ уставовъ восточной Церкви: „да будемъ,—говорилъ онъ,—чадами единой и той же матери—Церкви восточной и да не имѣютъ нечистыя еретическія уста никакого повода упрекать насъ въ какой-либо разности“. Хотя Никонъ, прикрывая Церковь свою какъ любящій ее пастырь, не писалъ Паисію о самомъ важномъ несогласіи нашей Церкви съ греческою, о несогласіи въ символѣ вѣры: но Паисій, узнавъ объ этой разности, препроводилъ вѣрный греческій списокъ никео-константинопольскаго символа вѣры и просилъ уничтожить разность, столь важную ⁵⁵⁾. Въ заключеніе просилъ Паисій Никона быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которые заблуждались не въ существенныхъ догматахъ вѣры, а только въ вещахъ маловажныхъ.

Посланіе цареградскаго первосвятителя обрадовало царя и патріарха русскаго. Теперь съ поразительною ясностію представилась имъ мысль, ясно высказанная Паисіемъ въ его посланіи, именно мысль о томъ, чтобы среди зачинавшихся движеній не отступить русской Церкви отъ матери своей, но остаться вѣрною и пребыть въ совер-

⁵⁴⁾ Денисовъ, защищая расколъ пишетъ: «никтоже оная новшества возражающъ, кромѣ Павла, доблаго епископа Коломенскаго, и великоревностнаго протопопа Аввакума, въ самопервособорія время сія возразившихъ и прочихъ малыхъ». (Истор. Р. Ц. пер. патр. стр. 179). О Павлѣ и Нероновѣ упоминается въ посланіи Паисія къ Никону въ отвѣтѣ на вопр. 8 и 9 (Скриж. 1656, стр. 712).

⁵⁵⁾ Патріархъ Паисій писалъ: обаче, преблагеннѣйшіи брате, со прошеніемъ здѣ речеся слово, яко бывають въ церковныхъ чинѣхъ нѣкая, яке зрясте не стояти добрѣ, яке не имуть подобія чиномъ Великія церкви, и удивляюся, како не воспросишася и сія?—И первое яко во святомъ символѣ Святыхъ Отцевъ Никейскаго Собора имате приложенія и нѣкая словеса, яке мы не имамы; посемъ и ина нѣкая несогласія въ церковныхъ вещахъ» (Скрижаль 1656, стр. 761).

шенномъ единеніи съ нею. Эта мысль окончательно побудила къ приобрѣтенію древнихъ рукописей греческихъ. Съ этою цѣлью отправленъ былъ на востокъ тотъ же Арсеній Сухановъ, который былъ тамъ прежде; ему поручено было не щадить издержекъ для приобрѣтенія древнихъ греческихъ рукописей. Арсеній приобрѣлъ на одномъ Аѳонѣ до 500 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ, между которыми одному евангелію считали тогда 1050 лѣтъ, другому—650, одному служебнику—600 и другому—450 лѣтъ и проч. Много рукописей приобрѣтено въ разныхъ другихъ мѣстахъ ⁵⁶).

Ко времени возвращенія Арсенія съ такими сокровищами прибыли въ Москву патріархи Антиохійскій Макарій и Сербскій Гавріиль, митрополиты Никейскій Григорій и Молдавскій Гедeonъ. Никонъ воспользовался этимъ рѣдкимъ случаемъ для главнаго дѣла своего. Онъ собралъ (въ 1655 г.) соборъ русскихъ пастырей и пригласилъ на оный дальнихъ гостей. Патріархи и митрополиты признали нужду въ исправленіи книгъ, такъ какъ древнія греческія книги, тогда же пересмотрѣнныя, оказались несходными съ поздѣйшими славянскими. По прочтеніи дѣяній соборовъ московскаго и константинопольскаго 1654 г., единогласно всѣми принято слѣдовать ихъ рѣшеніямъ. Никонъ говорилъ предъ соборомъ, что уже много разъ укоряли восточные пастыри Церковь русскую въ неисправности книгъ и обрядовъ ея, и въ примѣръ указалъ на перстосложеніе въ крестномъ знаменіи ⁵⁷). Патріархъ Макарій объявилъ, что двуперстное знаменіе принадлежитъ армянамъ и издревле принято „творити знаменіе честнаго креста тремя перстами десныя руки“. Онъ произнесъ отлученіе на двуперстниковъ и свой отзывъ подписалъ собственноручно ⁵⁸). Такой же голосъ подали сербскій патріархъ и оба восточные митрополиты. Затѣмъ Никонъ предложилъ на разсмотрѣніе собора исправленный служебникъ и скрижалъ, присланную патріархомъ Паисіемъ. То и другое было размо-

⁵⁶) Изъ Аѳонскихъ монастырей Арсеній вывезъ 498 книгъ, изъ «иныхъ старожитныхъ мѣсть», Востока около 200 книгъ (Указатель патріаршей бібліотеки, состав. архимандр. Саввою. Изд. 2-е 1858, стр. 7 и 8.

⁵⁷) «Заираху мнѣ, говорилъ Никонъ, приходящій къ намъ въ царствующій градъ Москву потребъ своихъ ради святыхъ восточныхъ церкви вселенскій патріархъ Константина града Аѳанасій, Паисій святаго града Іерусалима и святаго града Назарета митрополитъ Гавріиль и прочіи и поношаху ми много въ неисправленіи божественнаго писанія и прочихъ церковныхъ винахъ, отъ нихъ же единая сія, яко тремя персты, послѣдними двѣма малыми съ великимъ пальцемъ соединя, да двѣма прочими великосредними, изображающе творимъ на лицѣ нашемъ знаменіе креста». (Скрж. л. 750). Святѣйшій Аѳанасій весьма милостиво былъ принимаемъ въ Москвѣ въ 1652—1653 г. и на обратномъ пути скончался въ Лубнахъ, гдѣ теперь открыто почиваютъ мощи его, прославленные нетлѣніемъ и чудесами. Въ одно время съ нимъ былъ въ Москвѣ ахридскій и болгарскій архіепископъ Діонисій. Іерусалимскій патріархъ Паисій посѣтилъ Москву, какъ уже сказано, въ 1649 г.; Гавріиль, митрополитъ Назаретскій, былъ въ Москвѣ въ 1651 году.

⁵⁸) Вотъ отзывъ патр. Макарія: «преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и святыхъ седми Соборовъ творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ православныхъ христіанъ не творитъ крестъ тако... есть еретикъ и подражатель Арменовъ» (Скрижалъ л. несчетный).

тѣсно и одобрено. Дѣло исправленія и печатанія исправленныхъ книгъ потекло быстро и непрерывно ⁵⁹). Въ особенности изданіе Скрижали было благотворнымъ дѣломъ для Русской Церкви, сликомъ бѣдной такими источниками духовнаго просвѣщенія; изданіе ея прямо направлено было противъ нелѣпныхъ слуховъ и лживыхъ нареканій враговъ книжнаго исправленія.

Великое дѣло Никона принималось большинствомъ духовенства и мірянъ съ полною покорностію. Только немногіе обнаружили противленіе пробудившемуся общему сознанію нужды въ исправленіи книгъ. Это были тѣ, которые портили книги при патр. Іосифѣ и которые теперь, вслѣдствіе опредѣленія соборнаго, должны были отвѣчать за порчу книгъ. Таковъ былъ Аввакумъ, первый обнаружившій неудовольствіе на исправленіе испорченныхъ имъ книгъ. Къ нему пристали Павелъ коломенскій епископъ и костромской протопопъ Данииль, дѣлившіе съ Аввакумомъ дружбу. Эти трое стали возмущать другихъ противъ дѣла, одобреннаго соборами. По соборному опредѣленію, Аввакумъ сосланъ былъ на берегъ Байкала ⁶⁰), помощникъ его въ порчѣ книгъ князь Львовъ—въ Соловецкій монастырь, Данииль—въ Астрахань, а Павелъ скрылся отъ обличеній патріарха. Спокойствіе возстановилось. Мудрыя распоряженія Никона оказывали благотворное дѣйствіе. Когда выслушаны были отзывы святителей Востока, то и тѣ, которые прежде колебались не по упорству противъ истины, а по недостатку образованности, оставляли свои предубѣжденія, какъ, напр., протопопъ Іоаннъ Нероновъ, въ иночествѣ Григорій ⁶¹). Изъ отношеній Никона къ Неронову видимъ, что великій первосвятитель умѣлъ иногда быть снисходительнымъ отцомъ къ немощнымъ, хотя и ревновалъ о чистотѣ Церкви.

Удаливъ сѣятелей плевелъ изъ двора церковнаго и въ то же время дѣйствуя на прочихъ писаніями отеческими и вразумленіями

⁵⁹) До 1658 г. подъ смотрѣніемъ Никона исправлены и изданы были «постная тріодь» и «скрижаль» (1655 г.), «соборникъ» молитвъ и «часословъ» (1666 г.), «ирмологъ», переведенный снова (1657 г.), «требникъ» и слѣдовавшая псалтирь (1658 г.).

⁶⁰) Аввакумъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій: «А меня въ Дарбурскую (Даурскую) землю сослалъ, отъ Москвы, чаю—тысячей будетъ съ двадцать въ Сибирь».

⁶¹) Нероновъ писалъ къ царю (въ 1653 и 1654 году) два письма противъ Никона; царь чрезъ духовника Вонифатьева велѣлъ ему молчать. Онъ обратился съ письмомъ къ царицѣ: «ревнители благочестія, ихъ же реку отца епископа Павла и братію Даниила протопопа Костромскаго и Аввакума протопопа юрьевскаго,—изгнали ради проповѣди закона и ради ученія и за еже понуждати имъ челоуѣкъ», т.-е. за открытое возмущеніе противъ собора. Царица чрезъ того же Вонифатьева отвѣчала Неронову, что она удивляется его упорству. И, несмотря на всѣ эти дерзости, Никонъ, когда Нероновъ объявлялъ ему, что не желаетъ быть подъ осужденіемъ патріарховъ, принялъ его съ любовію и самъ смиренно просилъ прощенія въ строгости, за которую укорялъ его Нероновъ. «По грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ я; прости, Господа ради», сказалъ Никонъ. Возвращая Неронова церкви, Никонъ плакалъ. Такъ свидѣтельствуемъ одинъ изъ ревнителей мнимой старины. И онъ же говорить: «вопроси нѣкогда старецъ Григорій Нероновъ патріарха: иностранныя власти нашихъ служебныхъ (книгъ) не хулятъ? И патріархъ рече: по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь». (Записка неизвѣстнаго, приложенная къ письмамъ Неронова).

въ предметахъ православной вѣры, великій первосвятитель, если бы не отвратилъ совершенно, то по крайней мѣрѣ весьма ограничилъ бы вліяніе приверженцевъ къ старопечатнымъ книгамъ и указалъ бы средства къ скорому искорененію ихъ духа. Но по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла; часто располагающимъ событія вопреки самой, повидимому, очевидной вѣрности человѣческихъ соображеній, произошло иное. Для блага Церкви потребно было отсѣченіе всѣхъ вѣтвей внутренно засохшихъ и ставшихъ безплодными въ очахъ Сердцевѣдца, дабы безпрепятственно и плодоносно совершалось произрастаніе и процвѣтаніе неувядаемаго древа, Самимъ Богомъ насажденнаго.

Наказаны были заточеніемъ въ отдаленныя мѣста главнѣйшіе и упорнѣйшіе противники исправленія церковныхъ книгъ. Удаленіе ихъ послужило къ распространенію, или, лучше сказать, къ обнаруженію раболѣпной привязанности къ старымъ книгамъ и въ другихъ, дышавшихъ однимъ духомъ съ распространителями, суевѣрія. Изгнанные изъ Москвы, защитники старопечатныхъ книгъ разносили грубыя понятія и ложныя нареканія свои въ страны отдаленныя — туда, гдѣ по судебному приговору надлежало имъ быть въ заточеніи. Наказаніе ихъ въ связи съ дѣломъ, которое еще только совершалось и которое не было еще всюду общеизвѣстно, и потому возбуждало любопытство народное, привлекало къ нимъ весьма многихъ слушателей. Преступники пользовались своимъ положеніемъ. И здѣсь, какъ въ Москвѣ, они представляли дѣло по своимъ грубымъ понятіямъ, прибавляя къ этому вымыслы и ложь, говорили съ жаромъ, выставя себя мучениками за истину, за „старую“ вѣру. Посему неудивительно, что „богохульное плодоношеніе“ суевѣровъ ⁶²⁾ распространялось по различнымъ странамъ, градамъ и всеямъ царства Русскаго.

Такое пагубное сѣяніе плевеловъ еще болѣе распространилось, когда прекратилась дѣятельность бодрого стража нивы Господней. Послѣдующая печальная судьба патріарха Никона сильно способствовала успѣхамъ расколоточителей.

⁶²⁾ Какъ выразился царь Алексѣй въ своей рѣчи на соборѣ 1666 года.

Г Л А В А VI.

Охлажденіе дружбы царя съ патріархомъ.—Козни враговъ Никона.—Удаленіе Никона въ Воскресенскій монастырь.—Прибытіе Паисія Лигарида.—Вопросы Стрѣшнева Паисію.—Обыскъ въ тайномъ архивѣ патріарха.—Дѣло Бобарыкина.—Дѣло Зюзина.—Прибытіе двухъ восточныхъ патріарховъ.—Соборъ 1666 г.: судъ надъ Никономъ.—Низложеніе и заточеніе бывшаго патріарха. — Соборъ 1667 г.; одобреніе книжнаго исправленія; судъ надъ расколоучителями и ихъ послѣдователями.

Соединяя необыкновенный умъ съ возвышеннымъ духомъ и непоколебимою твердостью воли ¹⁾, Никонъ обладалъ чудною нравственною силою, вліянію которой невольно подчинялось все окружающее. Доказательствомъ служить, съ одной стороны, безусловная къ нему преданность большей части его приближенныхъ, любовь народа, привязанность и неограниченная довѣренность царя; съ другой — мелкія козни царедворцевъ, ненаходившихъ средствъ дѣйствовать прямо противъ громадной личности, передъ которою всѣ враги являются какими-то пигмеями. Значеніе, которымъ облакалъ его государь, возбуждало зависть въ боярахъ: Никонъ имѣлъ многочисленныхъ враговъ при дворѣ ²⁾. Вполнѣ сознавая свое превосходство предъ другими, онъ любилъ имъ пользоваться, старался еще болѣе возвысить патріаршую власть, вооружался противъ всякаго нарушенія ея правъ. Суровый до излишества нравъ, взыскательный надзоръ надъ поступками не только духовныхъ, но и свѣтскихъ сановниковъ, высокомѣріе патріарха оскорбляли многихъ. Громко укорялъ онъ въ церкви, въ присутствіи самого государя, бояръ, подражавшихъ нѣкоторымъ обычаямъ

¹⁾ Такъ свидѣтельствовали даже иностранцы, недовольные недостаткомъ вѣротерпимости со стороны Никона. Писатель книги «*Sterhanus Razin*» говоритъ: «*Nicon auctoritate et prudentia egregius*» (§ 12).

²⁾ Противъ Никона были Стрѣшневъ—родня царя по матери, Милославскіе—родня первой супруги царя, Морозовъ—царскій своякъ, первая супруга царя Марья Ильинична, составитель Уложенія князь Одоевскій, бояре Долгорукій, Трубецкой, Салтыковъ и др. Семень Стрѣшневъ до такой степени ненавидѣлъ Никона, что назвалъ его именемъ собаку и выучилъ ее подражать патріаршему благословенію. Всѣ эти люди зорко слѣдили за патріархомъ, ловили всякій случай, гдѣ онъ слишкомъ рѣзко выставялъ свою власть или давалъ волю своему гнѣву.

запада. Къ духовенству былъ неумолимо строгъ, не щадилъ даже святителей: такъ коломенскаго епископа Павла ³⁾, дерзнувшаго противиться исправленію церковныхъ книгъ, отрѣшилъ, безъ суда соборнаго, отъ епархіи и подвергъ заключенію. Онъ возставалъ и противъ монастырскаго приказа, учрежденіе котораго представлялось стѣснительнымъ для патріаршей власти, особенно когда распоряженія его стали касаться не однихъ церковныхъ имѣній, но и духовныхъ лицъ ⁴⁾; не любя щадить враговъ своихъ, нерѣдко предавалъ ихъ проклятію ⁵⁾. Но какъ дотолъ власть духовная всегда находилась у насъ въ нѣкоторой зависимости отъ власти царской, то, при неуступчивости Никона, паденіе его было неизбѣжно. Не маловажную роль въ этомъ дѣлѣ играли, безъ сомнѣнія, и другія обстоятельства: ненависть приверженцевъ раскола къ смѣлому исправителю книгъ, особенно же происки царедворцевъ. Но они не были главною, тѣмъ менѣе единственною причиною: вражда бояръ только подала поводъ къ первымъ несогласіямъ между царемъ и патріархомъ и вмѣстѣ съ неуступчивостью и раздражительностью Никона уничтожила въ послѣдствіи возможность примиренія.

Перемѣна отношеній между царемъ и патріархомъ сдѣлалась особенно замѣтною по возвращеніи царя изъ втораго (ливонскаго) похода въ 1658 году. Во время отсутствія государя власть Никона естественно усилилась; нѣтъ сомнѣнія, что въ это время и характеръ царя сдѣлался независимѣе, по крайней мѣрѣ относительно Никона; безъ него уже привыкли обходиться. Теперь, при новой встрѣчѣ, дѣйстви-

³⁾ Денисовъ въ «Виноградѣ Россійскомъ» приписываетъ епископу Павлу слѣдующія слова, начертанныя будто бы имъ вмѣсто подписи подъ соборнымъ дѣяніемъ 1654 г.; «аше кто отъ обычныхъ преданій святаго каеолическія церкви отыметъ, или приложить къ нимъ, или инако развратитъ, анаеема да будетъ». Сверхъ того Денисовъ утверждаетъ, будто бы Павелъ Коломенскій на соборѣ побѣдоносно обличилъ Никона въ посягательствѣ на искаженіе православной вѣры. А между тѣмъ, на подлинномъ дѣяніи собора 1654 г., хранящемся въ Синод. бібліотекѣ подъ № 379, видимъ подпись Павла съ слѣдующею припискою: «а что говорилъ на святомъ соборѣ о поклонѣхъ, и тотъ уставъ харатейной въ оправданіе положилъ здѣ, а другой писмяной». Оказывается такимъ образомъ, что Павелъ, епископъ Коломенскій, вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими на соборѣ архіереями призналъ настоятельную нужду исправленія церковнослужебныхъ книгъ и чиновъ и только сдѣлалъ возраженіе по вопросу о поклонахъ въ четыредесятнику: обстоятельство, очень важное для первоначальной исторіи раскола (Дѣяніе Моск. собора 1654 г. Изд. Братства св. Петра митрополита. Москва 1873.). Что касается до низложенія и заточенія Павла, то Никонъ поступилъ, если не совсѣмъ законно, то совершенно справедливо, какъ доказали послѣдствія.

⁴⁾ Такъ Полоцкій Богоявленскій монастырь, зависѣвшій непосредственно отъ патріарха, безъ его согласія, былъ отданъ въ управленіе новопоставленному мѣстному епископу Каллисту; опредѣлялись игумены и священники именемъ государя, помимо патріаршей власти.

⁵⁾ Вотъ для примѣра одинъ случай, когда торговый человѣкъ Иванъ Щепоткинъ, за пятьсотъ пудовъ мѣди, взятыя изъ его лавки для колокола, заверсталъ патріаршею мягкою ружадью; Никонъ такъ разгнѣвался, что, по собственному выраженію его, «того ради преобидѣнія Ивана проклялъ». Также проклялъ онъ и Стрѣльнева за кощунственное обученіе собаки.

тельно должны были яснѣе обнаружиться темныя стороны характера строгаго первосвятителя, на которыя прежде царь не обращалъ вниманія, или смотрѣлъ съ снисходительностію друга. Тѣмъ не менѣе, едва ли и въ это время Алексѣй Михайловичъ пріобрѣлъ на столько твердости характера, чтобы дѣйствовать съ полною самостоятельностью,—его натура была слишкомъ мягка для этого. Почувствовавъ на столько рѣшимости, чтобы выйдти изъ подъ вліянія Никона, онъ въ то же время весьма легко подчинился другимъ вліяніямъ, и должно сказать, этимъ послѣднимъ собственно и былъ обязанъ тѣмъ, что шель дальше и дальше въ разладъ съ своимъ прежнимъ другомъ. Дружескихъ бесѣдъ за трапезою уже не было, не было искреннихъ совѣщаній о дѣлахъ съ другомъ-первосвятителемъ. Если бы добрый царь и патріархъ откровенно объяснились между собою, прежнее дружество ожило бы снова. Но царь, по природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху, не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой расчетъ съ Никономъ; онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочелъ бѣгство; онъ сталъ удаляться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, непривыкшаго къ такому обращенію; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ смириться до того, чтобы искать объясненія и мѣрами кротости уничтожить нелюбе въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалился и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя. Такъ, вскорѣ по возвращеніи царя изъ похода, отношенія двухъ друзей сдѣлались очень натянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся въ томъ и другомъ неудовольствій. Враги Никона сторожили удобную минуту, чтобы подложить искру и зажечь вождѣлѣнную для нихъ вражду между царемъ и патріархомъ. Благопріятный случай къ тому представился скоро.

Въ Москвѣ дѣлали торжественный пріемъ грузинскому царю Теймуразу, прибывшему скрѣпить союзъ Грузіи съ Россією. Патріархъ оставилъ Воскресенское уединеніе свое, чтобы принять участіе въ дѣлѣ, которое было въ связи съ дѣлами церковными и въ которомъ участвовали предшественники его, начиная съ патріарха Іова. Но патріархъ не былъ приглашенъ во дворецъ. Изумленный Никонъ послалъ своего боярина узнать о причинѣ. Стольникъ Богданъ Хитровъ любитель старины и родственникъ царскій, ударилъ боярина палкою; посланный сказалъ, что онъ присланъ патріархомъ; Хитровъ повторилъ ударъ съ грубою бранью. Раздраженный Никонъ требовалъ удовлетворенія, и царь обѣщалъ лично объясниться съ патріархомъ; но, проискавши бояръ, Никонъ не получилъ удовлетворенія. Патріархъ надѣялся говорить съ царемъ въ праздники; но пришелъ одинъ праздникъ (8 іюля 1653 г.), и царь удержанъ былъ отъ выхода; пришелъ другой (10 іюля),—патріархъ долго ждалъ царя; но князь Ромоданов-

скій, пришедшій объявить, что царь не выйдетъ, сталъ публично упрекать Никона въ гордости за титуло великаго государя и „сказалъ царскимъ словомъ“, чтобы впередъ патріархъ не смѣлъ называться и писаться великимъ государемъ.

Тогда Никонъ, огорчившійся до глубины души, потерялъ терпѣніе. По окончаніи литургіи онъ объявилъ въ слухъ всѣхъ, что онъ болѣе не патріархъ ⁶⁾; поставилъ къ Владимірской иконѣ Богоматери посохъ святителя Петра и въ ризницѣ написалъ письмо царю, прося себѣ кельи для пребыванія. Это былъ поступокъ самоволія, достойный порицанія и пагубный по своимъ послѣдствіямъ. Царь смущенный хотѣлъ успокоить Никона; присланный имъ князь Трубецкой сталъ увѣщавать патріарха; но Никонъ остался непреклоннымъ, ожидая повидимому „пришествія царскаго“. Еще разъ явился бояринъ и произнесъ наконецъ: „Великій Государь указалъ тебѣ сказать, гдѣ ты изволишь, тамо себѣ монастырь и келліи избери“. Тогда патріархъ, имѣвшій на этотъ разъ право оскорбиться только тѣмъ, что не сбылись его ожиданія, вышелъ изъ собора, чтобы сѣсть на телѣгу. Народъ не допустилъ его, Царь прислалъ карету; но Никонъ отвергъ ее и въ большую грязь отправился изъ кремля пѣшкомъ на Воскресенское подворье, а оттуда уѣхалъ въ свой Новый Іерусалимъ. Вслѣдъ за нимъ былъ посланъ Трубецкой, чтобы еще разъ, отъ имени государя, спросить о причинѣ отшествія. Никонъ повторилъ, что „ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, отрекается отъ патріаршества и проситъ себѣ въ управленіе только основанные имъ монастыри: Воскресенскій, Иверскій и Крестный“. вмѣстѣ съ тѣмъ благословлялъ крутицкому митрополиту Питириму управлять церковными дѣлами и въ письмѣ къ царю смиренно молилъ о прощеніи за скорый отъѣздъ.

Поселившись въ любимой обители, онъ посвятилъ себя попеченіямъ о построеніи каменной соборной церкви, принималъ личное участіе въ работахъ; вмѣстѣ съ другими копалъ землю, носилъ камни, известь, воду. Близъ монастыря устроилъ онъ пустыню, въ которую часто уединялся для поста и молитвы. Молва о труженнической жизни добровольнаго изгнанника не могла не тронуть сердца кроткаго царя, изъ котораго еще не изгладились слѣды привязанности къ бывшему другу. Алексѣй Михайловичъ не переставалъ осыпать его милостыями; посылалъ значительныя суммы на содержаніе ему и бра-

⁶⁾ Впослѣдствіи, когда происходили допросы объ отреченіи патріарха (всѣхъ показаній), было взято по этому случаю болѣе (60), митрополитъ Крутицкій Питиримъ показывалъ, будто Никонъ говорилъ, что если помыслить впередъ быть патріархомъ, то пусть будетъ анаеема. Никто изъ остальныхъ свидѣтелей не подтвердилъ этого показанія: одни говорили, что совсѣмъ не слышали, другіе не помнятъ, чтобы патріархъ произносилъ клятву, особенно, чтобы говорить: буду анаеема. Еще ризничій патріаршій Іовъ показывалъ, будто Никонъ говорилъ въ своей рѣчи, что его называли иконоборцемъ за то, что править книги, и хотѣли побить камнями; прочіе свидѣтели не подтвердили и этого показанія (Сочиненіе Н. И. Субботина: «Дѣло патріарха Никона», стр. 20). При изложеніи печальной судьбы Никона мы много пользовались этимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ.

ти; предоставилъ въ полное распоряженіе его доходы съ трехъ основанныхъ имъ монастырей и принадлежащихъ къ нимъ селъ. Но враги удалившаго патріарха, въ числѣ ихъ нѣкоторые лица духовныя (крутицкій митрополитъ Питиримъ, рязанскій архіепископъ Иларіонъ, чудовскій архимандритъ Іоакимъ), продолжали дѣйствовать. Стараясь сдѣлать невозможнымъ примиреніе, они, съ одной стороны, болѣе и болѣе вооружали царя; съ другой поддерживали раздражительность въ патріархѣ. Никонъ, изнуряя свое тѣло постомъ и трудами, не смирился духомъ на столько, чтобъ совершенно отказаться отъ притязаній на власть, которая ему уже не принадлежала.

Такъ прошло четыре года, и въ это время отсутствіе ревностнаго первосвященника принесло горькіе плоды для церкви. Съ одной стороны, самъ Никонъ лишилъ себя средствъ примирить простодушныхъ съ дѣломъ книжнаго исправленія. Съ другой — враги Никона, стараясь унижить его, вмѣстѣ съ тѣмъ унижали въ лицѣ его дѣло святой правды и укрѣпляли суевѣріе. Безъ сомнѣнія, созрѣвшее зло открылось бы и безъ переворота въ судьбѣ Никона, но въ другомъ видѣ. Теперь же суевѣры приняли самое сильное участіе въ гибели Никона. Они надѣялись, что, низвергнувъ ненавистнаго имъ патріарха, восторжествуютъ надъ самою Церковью. Они успѣли возвратить Аввакума изъ Сибири, и Аввакумъ въ столицѣ принимаемъ былъ съ честью, тогда какъ патріарха судили и осуждали. Они открыто просили царя свергнуть Никона, жалуюсь, что Никоново исправленіе книгъ грозитъ вѣрѣ паденіемъ ⁷⁾, внушали народу, что Никонъ въ немилости, Никонъ подъ судомъ за исправленіе книгъ.

Можетъ быть въ видахъ мира церковнаго, а вѣроятнѣе для окончательнаго низложенія ненавистнаго имъ Никона митрополитъ Питиримъ ⁸⁾, съ боярами Салтыковымъ и Трубецкимъ представилъ царю, что Церковь остается безъ пастыря и необходимо избрать новаго патріарха. Царь велѣлъ быть собору. Тогда ненависть къ Никону обнаружилась въ самомъ черномъ видѣ. Чего ни говорили о немъ? Больно слушать крики страстей, дошедшихъ до дикости. Впрочемъ нашлись два лица, которыя довольно свободно говорили въ пользу Никона на соборѣ. Ученый Епифаній Славеницкій, писавшій соборные акты, объявилъ, что въ правилахъ церковныхъ не нашель онъ, чтобы отрек-

⁷⁾ Неизвѣстный сочинитель Аввакумовой жизни говоритъ, что спустя 6 лѣтъ (послѣ 1654 г., слѣдовательно въ 1660 или 1661 году) Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву и даже былъ принятъ ласково самимъ царемъ. Аввакумъ скоро началъ здѣсь жарко проповѣдывать свое ученіе; духовное правительство просило царя обуздать Аввакума; царь послалъ Семена Стрѣшнева совѣтывать Аввакуму, чтобы молчалъ.—Аввакумъ «черезъ вѣрныхъ своихъ» подалъ царю просьбу, чтобы Никонъ лишенъ былъ патріаршества. По настоянію духовенства, царь сослалъ Аввакума въ Мезень.

⁸⁾ Питиримъ дѣйствовалъ уже какъ подвластный патріархъ, безъ всякаго сношенія съ Никономъ. Когда въ недѣлю Ваиі Питиримъ совершилъ извѣстный обрядъ «хождение на ослати»,—Никонъ, почитавшій этотъ обрядъ исключительно принадлежащимъ патріарху, написалъ царю, что Крутицкій митрополитъ «дерзнулъ олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Руси».

шагося епископа лишали священства. А Игнатій Іовлевичъ, архимандритъ полоцкій, говорилъ, что, не выслушавъ голоса самого патріарха, почему удалился онъ отъ кафедры и желаетъ ли оставить ее навсегда, нельзя составлять опредѣленія объ отрѣшеніи его отъ управленія Церковію; къ тому же русскіе епископы не въ вравѣ судить своего архипастыря безъ участія восточныхъ патріарховъ. Сей голосъ проникъ въ кроткое сердце царя, а постановленія собора не были утверждены.

Къ несчастію Церкви, прибылъ въ Россію бывший митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ. Объ этой личности по важному участію ея въ дѣлѣ Никона необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ.

Пантолеонъ Лигаридъ (мірское имя Паисія) былъ уроженецъ острова Хиоса, получилъ образованіе въ Римѣ, въ греческой коллегіи, учрежденной папою Григоріемъ XIII. Оставивъ Римъ въ 1642 году ⁹⁾, онъ искалъ, но безуспѣшно, счастья въ Константинополѣ, потомъ перешелъ въ Угро-Валахію, былъ учителемъ въ Яссахъ и тамъ умѣлъ расположить къ себѣ пребывавшаго въ молдавскихъ монастыряхъ гроба Господня іерусалимскаго патріарха Паисія. Послѣдовавъ за нимъ въ Іерусалимъ, Пантолеонъ принялъ отъ него постриженіе и получилъ новое имя Паисія, которымъ прикрито было все старое.

Нашъ паломникъ Арсеній Сухановъ, находившійся въ то время въ Іерусалимѣ, былъ воспріемнымъ отцомъ Лигарида. Спустя нѣсколько лѣтъ монахъ Паисій былъ уже митрополитомъ Газы палестинской и, несмотря на перемѣну имени, подвергался осужденію патріарховъ Досіея и Хрисанфа (преемниковъ покровителя его, Паисія) за прежнія неправославныя сочиненія ¹⁰⁾. При непрестанныхъ странствованіяхъ съ мѣста на мѣсто, Паисій обратилъ на себя вниманіе патріарха московскаго Никона. Имѣя нужду въ ученыхъ людяхъ для предпринятаго исправленія церковныхъ книгъ, Никонъ, по рекомендаціи Арсенія, приглашалъ его къ себѣ въ Москву, тѣмъ болѣе, что слышалъ и о собственномъ желаніи Паисія пріѣхать въ Россію. „Слышахомъ о любомудріи твоемъ,—писалъ онъ къ Лигариду (въ 1857 году),—отъ монаха Арсенія, и яко желаеши видѣти насъ, вели-

⁹⁾ Современникъ его, извѣстный Левъ Аллацкій, въ 1645 г. писалъ къ другу своему Бертольдъ Нигузію: «Пантолеонъ Лигаридъ, три года назадъ удалился изъ Рима въ Константинополь для посѣщенія своего отечества Хиоса и для распространенія въ той сторонѣ римской вѣры». Еще прежде того Лигаридъ издалъ при книгѣ Неофита Родина, соученика своего въ Римѣ, «Апологію Петра Аркудія», извѣстнаго своими ревностными трудами на пользу униі въ югозападной Россіи и между греками. Въ такомъ же духѣ писаны и другія сочиненія Лигарида (Прибавленія къ Твор. Отцовъ 1862. Статья о Паисіи Лигаридѣ А. В. Горскаго, стр. 135 и слѣд.).

¹⁰⁾ О томъ, что патріархъ Нектарій отлучилъ Паисія отъ церкви, несомнѣнное свідѣтельство находится въ изданномъ недавно письмѣ патріарха Досіея къ царю Алексѣю Михайловичу (Зап. Археол. Обществ., т. 2.). Здѣсь вины Паисія, за которыя онъ подвергся отлученію, не обозначены точно, сказано только, что онъ имѣлъ «многія и великія вины и согрѣшенія»; можно догадаться изъ письма, что одною изъ такихъ винъ было расположеніе Паисія къ латинству (Дѣла патр. Никона, стр. 50).

каго государя: тѣмъ и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію пріяти хоцемъ. Точію, пріемъ сія наша письмена, къ царствующему граду Москвѣ путешествовати усердствуй“. Но неизвѣстно, почему Паисій не послѣдовалъ немедленно этому приглашенію и только уже спустя нѣсколько лѣтъ явился въ Москву, когда Никонъ былъ совсѣмъ въ другомъ положеніи, и явился не для пособія заботливому патріарху въ его полезныхъ для Церкви трудахъ, а для отягченія его участи.

Паисій былъ самый истый грекъ изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Россію грековъ, хитрый, льстивый, пронырливый, и всего болѣе дорожившій корыстью, которая собственно и привлекала его въ Россію и для которой онъ охотно жертвовалъ и долгомъ и совѣстью. Пріѣздъ его обрадовалъ обѣ стороны: царь принялъ его очень ласково, какъ человекъ, который, при основательномъ знаніи церковныхъ правилъ, легко можетъ распутать ему трудное дѣло, безуспѣшно тянувшееся цѣлыхъ пять лѣтъ. Никонъ съ своей стороны тоже рассчитывалъ найти въ Паисіи своего защитника, тѣмъ болѣе, что онъ явился въ Москву по его приглашенію. Онъ успѣшилъ отправить къ Паисію Арсенія-грека съ привѣтствіемъ. Но обласканный царемъ и еще болѣе вельможами, Лигаридъ не замедлилъ стать въ ряду самыхъ злыхъ враговъ Никона. Первымъ дѣломъ Паисія и вельможъ были вопросы родственника царскаго, Семена Стрѣшнева Паисію о Никонѣ и отвѣты Паисія, выбранные изъ церковныхъ правилъ въ осужденіе Никону. Между тѣмъ Никонъ, въ другихъ случаяхъ не совсѣмъ довѣрчивый, не зная расположенія Паисія, въ письмѣ къ нему излилъ жалобу на свое положеніе и подобную же грамоту написалъ константинопольскому патріарху. Грамота была перехвачена вельможами; письмо къ Паисію было, какъ понятно, также въ ихъ рукахъ, и обѣ бумаги глупо боко огорчили добраго царя.

Вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія скоро дошли до Никона. Теперь онъ уже видѣлъ совершенно ясно, какъ жестоко обманулся въ Паисіи и какаго опаснаго врага нажилъ въ немъ, ожидая встрѣтить защитника. На вопросы и отвѣты онъ отвѣчалъ съ своей стороны сильными возраженіями, при чемъ обнаружилъ обширную начитанность и замѣчательную силу ума, смѣло высказалъ свой взглядъ на многіе важные предметы, имѣвшіе отношеніе къ его дѣлу, выразилъ убѣжденія, въ силу которыхъ онъ дѣйствовалъ прежде,—выразилъ съ полною откровенностію, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что они могутъ послужить орудіемъ противъ него же. Напримѣръ по поводу обвиненія въ томъ, что позволялъ себѣ бить подчиненныхъ, Никонъ говорить прямо, что дѣйствительно иногда и въ церкви смирялъ онъ непокорныхъ, и даже „рукою по малу“,—но что онъ не отказывается и на будущее время поступать такимъ образомъ съ людьми безчинными, такъ какъ, по его убѣжденію, „тотъ не погрѣшитъ противъ истины, кто, взявши бичъ, изгонитъ изъ церкви соборной творящихъ беззаконіе, говоря: домъ Мой домъ молитвы наречеса, вы же властію

сего міра сотвористе вертепъ разбойниковъ“. Въ возраженіяхъ Никона отразилось вполне смятенное, взволнованное до самой глубины, состояніе духа, въ какомъ онъ находился въ то тяжелое время своей жизни. Какъ будто онъ и писалъ ихъ единственно съ тою цѣлю, чтобы вылить на бумагу подавлявшія его ощущенія, которыя ему необходимо было высказать, чтобы сколько-нибудь облегчить себя, а высказать было некому; предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Никонъ, какъ видно, не имѣлъ намѣренія сдѣлать какое-либо употребленіе изъ написанныхъ имъ возраженій и никому не подавалъ ихъ въ видѣ протеста.

Въ концѣ 1662 года вельможи убѣдили царя потребовать свѣдѣній о состояніи имущества церквей, монастырей и дома патріаршаго, съ донесеніями настоятелей, какихъ вещей и подарковъ требовалъ отъ нихъ Никонъ? Въ то же время раскрытъ былъ тайный архивъ патріарха. Понятно, какое впечатлѣніе должны были произвести на него извѣстія о такихъ обидахъ, какъ обвиненіе въ растратѣ казны, вмѣшательство свѣтскихъ въ духовныя дѣла, осмотръ его келій и бумагъ. Никонъ въ письмѣ къ государю горько жаловался на эти обиды и выражался тѣмъ рѣзкимъ и смѣлымъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорилъ въ минуты душевнаго волненія и которому придавало теперь еще болѣе силы сознаніе правоты своего дѣла. Съ особеннымъ негодованіемъ писалъ онъ объ обыскѣ, произведенномъ въ его кельяхъ и горько жаловался на дерзость, съ какою нарушены тайны совѣсти, ввѣренныя ему, какъ святителю ¹¹⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ не

¹¹⁾ «Худыя моего смиренія вещи повелѣлъ если взять, яко суть въ келіи остались, и письма, въ нихже многое таинство, егоже никому же отъ мірскихъ достойтъ вѣдати. Понеже попущеніемъ Божиимъ и вашимъ государскимъ совѣтомъ съ освященнымъ соборомъ избранъ быхъ, яко первый святитель, и многое ваше государево таинство имѣхъ у себя, такожде и иныхъ много, оніи требуе совершеннаго отпущенія грѣховъ своихъ, написующе своима рукама и запѣчатлѣюще подаша ми, да яко святитель имѣя власть по благодати Божіей, данній намъ отъ Пречистаго и Животворящаго Духа, власть на земли вязати и рѣшити чловѣческіе грѣхи, разрѣшаху и имъ грѣхи, ихъ же разрѣшити никому иному и вѣдати подобало, мню, нуже самому тебѣ великому государю. И дивлюся о семъ, какъ вскорѣ въ таковое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ нансити, аже и святые законы не повелѣвають; нынѣ же всего міра иногда бывша аки пастыря восхотѣлъ еси грѣхи и таинства вѣдати и не самъ точію, но и мірскимъ попустилъ еси, имже дерзающимъ безстрашно на таковая, не постави Господи во грѣхъ, аще покаются. Вскую нынѣ наши судятся отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?—Но слышимъ, яко сего ради бысть, да писанія святыя десницы твоея не останется у насъ, еже писалъ еси, жалюя насъ богомольца своего, любо почитая великимъ государемъ и проч. не по нашей воли, но по своему изволенію. Не вѣмъ, откуда сіе начася; помню тобою великимъ государемъ такія начатки явишася. Понеже ты, великій государь, писалъ тако и въ грамотахъ твоихъ государевыхъ во всѣхъ, и въ отпискахъ изво всѣхъ полковъ къ тебѣ, великому государю, такъ писано и во всѣхъ дѣлахъ, и невозможно сего испразднити. Да потребится зло сіе и горделивое, проклятое проименованіе, аще и не моею волею сіе бысть. Надѣйся на Господа, яко нигдѣ не обрящется моего на сіе хотѣнія или велѣнія, развѣ живаго сочиненія, его же ради днесъ много пострадахъ и стражу Господа ради отъ лжебратіи, ихъ же уста полны суть горести и лести, подъ языкомъ ихъ неправда.—Еще же и самого тебѣ, великій государь, молю, престани Госпо-

могъ не признать справедливости Никоновыхъ жалобъ; но, съ другой стороны, рѣзкій тонъ письма, смѣлая и неумѣренные обличенія не могли не огорчить его: онъ самъ признавался приближеннымъ людямъ, какъ сильно „оскорбляютъ и досадуютъ его жестокия письма“ Никона. Враги Никона, устроившіе все это, торжествовали: имъ удалось разрушить добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ, возбудить между ними новыя неудовольствія и сдѣлать взаимныя отношенія ихъ затруднительнѣе и запутаннѣе прежняго. Время между тѣмъ проходило. Царь оставался подъ вліяніемъ бояръ и хотя все еще не рѣшался приступить къ избранію новаго патріарха, но уже не дѣлалъ попытокъ къ сближенію съ Никономъ; Никону въ свою очередь труднѣе было теперь возвратить прежнее спокойствіе; положеніе его становилось безвыходнѣе, и теперь-то особенно явились тѣ внутреннія искушенія, для борьбы съ которыми нужна была великая нравственная сила. Напрасно думалъ Никонъ подавить поднимавшуюся внутри его бурю суровыми аскетическими подвигами, даже усиленными физическими трудами, раздѣлая ихъ съ работниками, работавшими при постройкѣ Воскресенскаго монастыря.

Вскорѣ послѣ того началось другое дѣло, не менѣе тяжкое для Никона. Тяжба съ родственникомъ царскимъ, стольникомъ Романомъ Бобарыкинымъ, которому монастырскій приказъ присудилъ землю, купленную патріархомъ для Воскресенскаго монастыря, привела Никона въ безмѣрное раздраженіе; онъ прибѣгъ къ тому несчастному средству мщенія, къ которому, какъ онъ сознается, онъ обращался, „отъ тяжкія кручины огорчеваясь“; онъ проклялъ Бобарыкина. При томъ это несчастное дѣло Никонъ совершилъ какимъ-то особеннымъ образомъ: онъ отслужилъ молебенъ, за молебномъ велѣлъ прочесть царскую жалованную грамоту на земли Воскресенскаго монастыря какъ бы свидѣтельство, что отнятая Бобарыкинымъ земля дѣйствительно составляетъ монастырскую собственность, и потомъ сталъ читать 108-й псаломъ, выбирая изъ него извѣстныя слова проклятія и прилагая ихъ къ „обидящему“: да будутъ дніе его мали, да будутъ сынове его сирѣ и жена вдова и проч. Бобарыкинъ сдѣлалъ доносъ, что эти проклятія Никонъ относилъ къ лицу государя. Чувствительный и очень набожный царь былъ, разумѣется, огорченъ этимъ извѣстіемъ до крайности. Назначено изслѣдованіе на мѣстѣ. Въ слѣдователи избраны враждебные Никону бояре (князь Никита Одоевскій и Родіонъ Стрѣшневъ) и нѣсколько духовныхъ лицъ, между которыми первое мѣсто занималъ Паисій Газскій, легкомысленно принявшій на себя судебную должность въ чуждой ему Церкви, не имѣя

да ради туне на мя гнѣватися. Солнце, речеса, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ. Азь же нынѣ паче всѣхъ чловѣкъ оболганъ тебѣ, поношенъ и укоренъ неправедно. Сего ради молю тя: претворися Господа ради и не дай мнѣ грѣшному немилосердія, непусти истязати моя худыя вещи; убояся глаголющаго: «имъ же судомъ судите, осудитесь, и ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ» (Дѣло патр. Никона, стр. 182—186).

отъ своего патріарха не только полномочія, но даже и вида на свое званіе.

Здѣсь суждено было Никону и Паисію, врагамъ прежде перваго свиданія, встрѣтиться впервые лицомъ къ лицу. Не станемъ исчислять всѣхъ наглыхъ рѣчей слѣдователей (особенно Лигарида), обращенныхъ къ Никону, ни отвѣтовъ патріарха, не менѣ суровыхъ и дерзкихъ ¹²⁾. Хотя царь приказалъ вельможамъ-слѣдователямъ обходиться съ патріархомъ Никономъ со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ его сану, но они, окруженные толпами стрѣльцовъ и чиновниковъ, распорядились Никономъ по-своему: вмѣсто вопросовъ предлагали ему укоризны и брань, запирали его въ кельѣ и жившихъ съ нимъ въ монастырѣ подвергли пыткамъ. Никонъ доказалъ, что проклиналъ не царя, а обидящаго Бобарыкина. „Я служу за царя молебны, сказалъ онъ, а не проклиная его на погибель“. Окружающіе его монахи также подтвердили, что патріархъ за царя постоянно молится, а кого проклиналъ, они не знаютъ. Итакъ, изслѣдованіе не подтвердило доноса и только довело патріарха до послѣдней степени раздраженія. Изъ донесенія слѣдователей, явно недобросовѣстнаго, царь не могъ не видѣть ненависти, преслѣдующей Никона, и поспѣшилъ успокоить патріарха своимъ расположеніемъ, потомъ послалъ ему подарки.

Но враги патріарха не дремали: Паисій, въ письмѣ къ царю, выставилъ себя ревнителемъ Церкви и царской чести, писалъ что для пользы Церкви и царя надобно снестись съ Константинопольскимъ патріархомъ. Онъ же приготовилъ еще прежде вопросы о царской и патріаршей власти, не называя въ нихъ по имени Никона, но выбирая случаи изъ исторіи Никона въ томъ видѣ, какъ представляла ихъ враждебная сторона. Царь отправилъ вопросы не къ одному, а ко всѣмъ патріархамъ. Въ 1664 году получены отвѣты, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: о самомъ Никонѣ не было ни слова. Конечно, всѣ отвѣты имѣли ближайшее отношеніе къ его дѣлу и уполномочивали соборъ русскихъ пастырей дѣйствовать по отношенію къ нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнѣніе, то ли именно сказали бы патріархи, еслибъ ихъ прямо спросили о Никонѣ, еслибъ имъ съ полной откровенностью изложили его дѣло. А Іерусалимскій патріархъ Нектарій, хотя и подписался подъ опредѣленіемъ собора, но въ особомъ письмѣ просилъ царя за Никона; онъ писалъ, что ни въ грамотѣ царской, ни въ наказѣ послу не находятъ причинъ къ строгому осужденію Никона и умолялъ царя вспомнить заслуги Никона, возвращеніемъ его къ каѳедрѣ, не слушать возмутителей по-

¹²⁾ Никонъ называлъ Паисія «воромъ, нехристомъ, самоставленнымъ мужикомъ». Паисій сказалъ патріарху: «я пришелъ изъ настоящаго Іерусалима, въ которомъ пролилъ Спаситель пречистую кровь Свою, а не изъ твоего лжеименнаго Іерусалима, который не есть ни ветхій, ни новый, а третій сирѣчь грядущаго антихриста». Бояре злобились и бранились; они донесли царю, «только бы онъ (Никонъ) былъ не такова чина, и мы бы и жива его не отпустили».

коя и умирить Церковь ¹³⁾. Голосъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ по глубокой учености и ревности къ православію восточныхъ первосвященителей произвелъ сильное впечатлѣніе на царя; онъ внушилъ ему сомнѣнія относительно дѣйствительной важности патріаршихъ отвѣтовъ въ приложеніи къ дѣлу Никона, показали, что отвѣты въ томъ видѣ, какъ они написаны, не могутъ привести дѣло къ вѣрному и несомнительному рѣшенію и что для этого нужно придумать новыя средства. Царь рѣшился пригласить самихъ патріарховъ въ Москву, для личнаго присутствія на соборѣ, который долженъ будетъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣла о патріархѣ Никонѣ. Въ отвѣтъ на царское приглашеніе, Константинопольскій и Іерусалимскій патріархи отказались ѣхать въ Россію по причинѣ трудности путешествія и смутнаго состоянія церковныхъ дѣлъ въ ихъ собственныхъ областяхъ. Изъявили согласіе отправиться въ Москву два другіе патріарха—александрійскій Паисій и антиохійскій Макарій; послѣдній бывалъ уже въ Россіи, именно во дни могущества патріарха Никона, и былъ хорошо знакомъ съ русскимъ гостеприимствомъ.

Когда горестный конецъ Никонова дѣла уже приближался, когда не оставалось уже, повидимому, никакой надежды къ примиренію, лучшіе изъ окружающихъ царя стали замѣчать въ разговорахъ царскихъ сожалѣніе объ участи, ожидающей бывшаго его друга и какъ бы возвращеніе къ прежнему дружелюбію ¹⁴⁾. Царскій постельничій, издавна расположенный къ Никону, Никита Зюзинъ, писалъ ему, что чрезъ ближнихъ людей Артамона Сергѣевича Матвѣева да Аѳанасія

¹³⁾ Патр. Нектарій писалъ къ царю: «Просимъ священное ваше величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ навѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ мѣтежи и возмущенія, особенно если такіе будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ Россійской Церкви соблазны... Несогласіе и возмущеніе въ Церкви страшнѣ всякой войны, ибо раздраетъ нешвенную одежду Христову, которой не раздѣлили и воины во время страданія Христова. Вы знаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда Церковь наша находится подъ игомъ рабства и колеблется какъ корабль обуреваемый волнами, въ одной вашей россійской Церкви мы видѣли, какъ въ Ковчегѣ Нод, прибѣжище благочестія и мира. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе этого блага? для чего отвергаете первое достояніе? а первое достояніе есть миръ... Если Киръ Никонъ послѣ вторичнаго приглашенія не согласится возвратиться на свой претолокъ, то извольте поступить съ нимъ по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно; ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. И такъ не-премѣнно должно или его возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однакожь гораздо лучше вашему величеству возвратить его, по выше приведеннымъ причинамъ» (Дѣло патр. Никона, стр. 80—81).

¹⁴⁾ Къ эту времени почти всѣ жизнеописатели Никона относятъ посылку отъ него Воскресенскаго архимандр. къ царю, прибывшему въ Саввинскій монастырь. Въ отвѣтъ своемъ Никону царь называетъ новый монастырь его Новымъ Іерусалимомъ, а самого Никона—«великимъ государемъ». Но всѣ эти обстоятельства относятся къ другому времени, а именно къ 1657 году: тогда царь послѣ освященія деревянной церкви въ Воскресенской обители (18 октября) отправился въ Савинъ монастырь и оттуда препроводилъ патріарху это письмо или грамоту 20 октября, съ присланнымъ къ нему архимандр. Желаншіе могутъ видѣть сказанную въ старинной копіи, сохраняющуюся вмѣстѣ съ прочими, въ архивѣ Воскресенской обители.

Лаврентьича Ордына-Нащокина, государь приказалъ ему, Зюзину, описатьъ къ патріарху, чтобы онъ немедля прїѣзжалъ въ Москву и шель прямо въ соборную церковь Успенія. По прочтеніи письма, Никонъ, вполне увѣренный въ искренности Зюзина¹⁵⁾ и обнадеженный слухами о жалости, выражаемой государемъ, сказалъ: „буди воля Божія, сердце царево въ руцѣ Божіей, а я радъ миру“. Чтобы возстановить союзъ любви, Никонъ прибылъ въ Москву, прямо въ Успенскій соборъ, въ день памяти св. митрополита Петра (21 декабря) во время утрени и послалъ звать царя на молитву. Это произвело сильную тревогу. Минута была рѣшительная: отъ нея зависѣло или паденіе враговъ Никона или окончательное низверженіе его. Враги убѣдили царя не принимать патріарха и объявить, чтобы ѣхалъ обратно въ Воскресенскій монастырь. Огорченный патріархъ сказалъ вслухъ, что отрясаетъ прахъ съ ногъ своихъ тамъ, гдѣ не принимаютъ его¹⁶⁾. Потомъ грамотою объявилъ согласіе свое на избраніе новаго патріарха, съ тѣмъ, чтобы оставлены были въ вѣдѣніи его построенные имъ монастыри, прощалъ всѣхъ оскорбившихъ его, разрѣшилъ какъ виновныхъ передъ нимъ епископовъ, такъ и бояръ Стрѣшнева, Бобарыкина и подобныхъ имъ, если они окажутъ раскаяніе; желалъ также, чтобы не былъ запрещенъ ему доступъ къ царю и доступъ къ нему желающимъ посѣщать его. Но эти условія сильно не нравились враждебной сторонѣ: пребывая на покоѣ близъ Москвы, Никонъ могъ снова сблизиться съ царемъ и сдѣлаться опаснымъ для тѣхъ, которые старались погубить его. Убѣдили царя положиться на рѣшеніе собора подъ предсѣдательствомъ приглашенныхъ патріарховъ, а письмо Никона осталось безъ вниманія.

Въ ноябрѣ 1666 года прибыли наконецъ въ Москву два первосвятителя православной церкви: Пансій „милостію Божіею папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенной“ и Макарій „милостію Божіею патріархъ Божія града Антиохіи и всего Востока“. Подъ предсѣдательствомъ самого государя, открылся соборъ, въ которомъ, кромѣ обоихъ патріарховъ, участвовали четыре митрополита русскіе, шесть греческихъ (изъ Никеи, Амасіи, Иконіи, Трапезунда, Варны, Хіоса), одинъ грузинскій и одинъ сербскій, шесть нашихъ и два греческихъ архіепископа, пять епископовъ, болѣе пятидесяти архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ; присутствовалъ и весь синклитъ царскій. Засѣданія открылись 1 декабря 1666 года: царь си-

¹⁵⁾ Зюзинъ и прежде неоднократно совѣтовалъ Никону о примиреніи и велъ съ нимъ постоянную переписку. По изслѣдованію о причинѣ внезапнаго прїѣзда Никона въ Москву, судъ призналъ Зюзина виноватымъ и „за такую лютую дерзость, что своимъ письмомъ церковь поколебалъ и на помазанника Божія солгалъ и людей возмутилъ, бояре приговорили казнить его смертию. Но великій государь, по прошеніи своихъ благовѣрныхъ чадъ, пожаловалъ, на милость положилъ: смертно его не казнить, а только сослать въ Казань, на службу, да помѣстья отдать ему на прокормленіе“.—Замѣчательно, что лучшіе люди въ Думѣ боярской: Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ, были друзьями Никона.

¹⁶⁾ На это полковникъ Стрѣлецкій сказалъ: «мы прахъ сей подметимъ». А Никонъ отвѣчалъ: «смететь васъ сія небесная метла», указавъ на сіявшую въ то время комету.

дѣль на высококомъ тронѣ; патріархи занимали богатоукрашенныя мѣста. Торжественна была минута, въ которую Никонъ, вызванный изъ своей обители и приготовившійся къ суду причащеніемъ св. Тайнъ и елеосвященіемъ, явился увѣренный въ правотѣ своей, гордый и непреклонный, какъ прежде. Никакія убѣжденія не могли заставить его придти безъ преднесенія, по чину патріаршему, животворящаго креста. Всѣ присутствовавшіе встали. Онъ прочелъ входную: „Достойно есть“ и сотворилъ отпускъ; трижды поклонился царю, потомъ патріархамъ и всему священному собору. Но не видя для себя мѣста наравнѣ съ патріархами, не хотѣлъ сѣсть на указанное ему, которое было безъ возглавія и подножія, и стоя слушалъ обвиненія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Обвинителемъ явился самъ царь. Весь взволнованный, въ слезахъ, стоялъ онъ предъ святителями, произнося обвиненія на своего бывшего душевнаго друга, жаловался на самовольное удаление патріарха, на восмилѣтнюю церковную смуту по его винѣ, отрицалъ всякую вражду къ нему съ своей стороны. Если бы въ эту минуту Никонъ рѣшился сдѣлать одинъ добрый, уступчивый шагъ, царь Алексѣй Михайловичъ, по всей вѣроятности, здѣсь же въ соборѣ искренно примирился бы съ нимъ. Но крутой, чуждый смиренія, неуступчивый нравъ не допустилъ Никона сдѣлать этого шага; онъ отвѣчалъ, что ушелъ отъ царскаго гнѣва, но въ свою же епархію и патріаршества не оставлялъ. Царь представилъ Собору перехваченное письмо Никона къ патріарху цареградскому и жаловался на безчестіе. Никонъ отвѣчалъ, что письмо это онъ писалъ духовно и тайно къ своему брату, и не его вина, что написанное тайно дѣлается явнымъ.

На Соборѣ представлено множество обвиненій противъ Никона. Между ними одни были заготовлены еще прежде и были поводомъ къ созванію Собора и приглашенію восточныхъ патріарховъ; другія возникли во время самаго суда. Въ числѣ первыхъ обвиненій были слѣдующія: а) что патріархъ Никонъ самовольно, безъ благословной вины, оставилъ престолъ свой и пребывалъ въ уединеніи слишкомъ продолжительное время, отчего произошли въ Церкви безпорядки; б) досаждалъ государю и не былъ ему покорень, митрополита газскаго называлъ еретикомъ и мятежникомъ; в) безъ соборнаго суда подвергалъ запрещенію нѣкоторыхъ епископовъ и лишалъ ихъ епархій; г) по удаленіи отъ патріаршаго престола посвящалъ нѣкоторыхъ въ духовный санъ; д) будучи патріархомъ, вмѣшивался въ дѣла гражданскія. Къ другимъ обвиненіямъ, открывшимся на Соборѣ, относились слѣдующія: е) когда былъ призванъ на Соборъ, по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ; ж) унижалъ патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними своими престолами; з) отвергъ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ ¹⁷⁾; и) въ письмахъ къ патріархамъ, православ-

¹⁷⁾ Когда Никонъ въ запальчивости не призналъ этихъ правилъ и выразилъ сомнѣніе въ православіи показаннаго ему греческаго Помоканона, патріархи сказали: «по нуждамъ и діаволъ истину исповѣдуетъ, а Никонъ истины не исповѣдуетъ».

нѣйшаго государя обвинялъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ не-
 праведнымъ, говорилъ, что и вся русская Церковь приклонилась къ
 латинскимъ догматамъ; і) живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, мно-
 гихъ людей наказывалъ не духовно, но мучилъ мірскими казнями;
 к) построилъ монастырь Воскресенскій, назвалъ его Новымъ Іеруса-
 лимомъ, и такимъ образомъ наругался святому названію; л) отнялъ
 многія вотчины для своихъ новоустроенныхъ монастырей, распоря-
 жался въ этомъ случаѣ самовластно и въ ущербъ имѣнію монасты-
 рей, принадлежащихъ другимъ епархіямъ. Таковы были обвиненія,
 которыя читали Никону въ Чудовской церкви, по окончаніи всѣхъ
 соборныхъ разсужденій,—обвиненія, вслѣдствіе которыхъ онъ и былъ
 низложенъ.

Самое важное изъ всѣхъ обвиненій, возведенныхъ на Никона,
 основывалось на пагубныхъ послѣдствіяхъ удаленія его отъ пастыр-
 ской дѣятельности—на „волненіи и колебаніи Церкви, на умноженіи
 нестроений“, словомъ—на расколѣ, который значительно усилился во
 время продолжительнаго вдовствованія Церкви ¹⁸⁾. Дѣйствительно, съ
 удаленіемъ Никона, преслѣдовавшаго зло, оно быстро оживилось и
 возстало съ новою силою; тѣ, которые были совершенно усмирены си-
 лою ума и воли патріарха, теперь снова явились дѣятельными побор-
 никами своихъ лжеученій, получивъ къ тому полную свободу; вы-
 званные снова боярами и не видя здѣсь прежняго своего обличителя,
 они стали свободно развивать свою пагубную дѣятельность. По въ
 этомъ прискорбномъ явленіи можно ли обвинять исключительно од-
 ного Никона? Не болѣе ли виновными являются тѣ, которые были
 причиною удаленія патріарха? Бояре стѣснили чрезъ Монастырскій
 приказъ дѣятельность патріаршаго суднаго разряда, которому принад-
 лежали дѣла по отношенію къ преступленіямъ противъ вѣры, раздра-
 жили Никона своими грубыми выходками противъ святости патріар-
 шаго сана, своими клеветами при дворѣ и не дали ему докончить
 великаго дѣла. Возвративъ изъ ссылки въ Москву главныхъ зачин-
 щиковъ раскола, они, подъ видомъ ревности къ старой вѣрѣ, а въ
 самомъ дѣлѣ для успѣшнаго выполненія своихъ замысловъ, открыли
 широкій путь распространенію раскола.

На послѣднемъ засѣданіи собора, въ Благовѣщенской церкви
 Чудова монастыря (12 декабря 1666 г.), рѣшена участь Никона. При
 этомъ печальномъ дѣйствіи добрый царь не хотѣлъ присутствовать;
 не приняли участія въ немъ и достойнѣйшіе пастыри того времени:
 Лазарь черниговскій, Симонъ вологодскій и Михаилъ коломенскій.
 Никону объявлено было, что онъ, отъ имени всѣхъ патріарховъ и Со-
 бора російскаго духовенства, присужденъ къ лишенію святительска-

¹⁸⁾ Обвиненіе это было выражено такъ: «яко оставленіемъ престола сотвори церковь
 святую вдовствовати 8 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, въ неже между патріаршества время блазни-
 шася его ради мнози, и явшася раскольницы и мятежницы православной русской церк-
 ви, лестными своими ученими погубившіе многія души (Древн. Рос. Вивліое. ч. III, стр. 404)

го сана и заточенію, съ сохраненіемъ только званія простаго монаха, въ одной изъ пустынныхъ обителей „даже до послѣдняго его изданія, яко да тамо возможетъ плакаться своихъ грѣховъ въ безмолвіи мнозѣ“¹⁹⁾. Тщетно возражалъ Никонъ, что его осудили не въ соборной церкви, гдѣ онъ воспріялъ жезлъ пастырскій, а въ частной, монастырской и въ присутствіи однихъ клеветниковъ его. Не удерживая своего негодованія, называлъ онъ незаконнымъ судъ, произведенный „пришельцами и наемниками“. Патріархи стали снимать съ него клобукъ съ жемчужнымъ херувимомъ и драгоцѣнную панегію: „раздѣливъ ихъ, можете поправить ваше рабское состояніе“, произнесъ низложенный. Отправленный въ Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, онъ не принялъ богатой шубы и другихъ даровъ, присланныхъ отъ царя для обезпеченія его во время путешествія; велѣлъ сказать, что Никонъ ничего не требуетъ. Садясь въ сани, онъ говорилъ самъ себѣ: „Никонъ, Никонъ! Отъ чего же все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Давалъ бы ты богатые обѣды и вечерялъ съ ними, не было бы тебѣ этого“.

Низложеніемъ Никона не окончилась дѣятельность великаго собора: окончивъ въ 1666 году судъ надъ бывшимъ патріархомъ, соборъ въ слѣдующемъ 1667 году произнесъ осужденіе на упорныхъ расколуучителей и ихъ послѣдователей.

На Соборѣ высказалась необходимость полнаго, всесторонняго исправленія церковнаго порядка, нарушеннаго по поводу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ патр. Никономъ. Необходимость эта была тѣмъ настоятельнѣе, что неудовольствія и волненія дошли до открытаго отступленія отъ Церкви; духовенство усиливало эти волненія; священники, по выраженію собора, „вознерадили о всякомъ церковномъ благочестіи и попеченіи“, позволяли себѣ произвольныя дѣяствія, противныя правиламъ церковнымъ, даже начали образовывать свои отдѣльныя общества, неповинующія Церкви; мало-по-малу стало развиваться мнѣніе, что „ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви и чины и таинства церковныя“²⁰⁾. Въ духовенствѣ усматривалось грубое невѣжество, невнимательность къ своему дѣлу, даже прямыя нарушенія обязанностей, происходящія отъ корыстнаго пользованія мѣстами, нетрезвость, неповиновеніе установленной власти; въ средѣ монашествующихъ замѣтно было пренебреженіе иноческихъ обѣтовъ и нарушеніе строгости монастырской жизни; въ поведеніи народа—небрежное отношеніе къ мѣстамъ богослуженія, равнодушіе къ таинству покаянія и другіе признаки упадка истиннаго благочестія. На Соборѣ постановлены были и опредѣленія: а) ближайшимъ образомъ относившіяся къ дѣлу исправленія книгъ и тѣхъ

¹⁹⁾ Дополн. къ акт. истор. т. V, № 102, стр. 459.

²⁰⁾ «Священники новопечатныхъ книгъ начали гнушаться и по нимъ божественныя славословія не исполняютъ.—Могущи же по домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія архіерейскаго». (Тамъ же, стр. 460—461).

именно мѣсть, которыя были защищаемы раскольниками; б) опредѣленія, касавшіяся жизни и поведенія духовенства и, наконецъ, с) опредѣленія, имѣвшія цѣлю искоренить тѣ беспорядки, которые замѣчены были въ церковной жизни.

Опредѣленія, извѣстныя подъ общимъ наименованіемъ опредѣленій Собора 1666—67 года, собственно суть: 1) опредѣленія Собора русскихъ архіереевъ и высшаго духовенства, бывшаго подъ предсѣдательствомъ митрополита Питирима въ февралѣ 1666 г.; 2) опредѣленія Собора русскихъ архіереевъ и прочаго духовенства вмѣстѣ съ восточными патріархами, въ 1667 году, и 3) опредѣленія Собора русскихъ пастырей подъ предсѣдательствомъ новопоставленнаго патріарха—Іоасафа II ²¹⁾.

Приступая къ рѣшенію вопроса о раскольникахъ и ихъ заблужденіяхъ, Соборъ счелъ нужнымъ предварительно изложить свое мнѣніе о трехъ предметахъ, имѣющихъ значеніе „основаній“ въ дѣлѣ о расколѣ.

Предметы эти суть: вопросъ о патріархахъ греческихъ; о греческихъ богослужебныхъ книгахъ; о Соборѣ 1654 г. Два первыхъ вопроса возникли конечно не по сомнѣнію въ чистотѣ вѣрованій православныхъ восточныхъ патріарховъ и неповрежденности греческихъ богослужебныхъ книгъ, а потому что появились дерзкія отрицанія со стороны раскольниковъ. Предубѣжденія противъ Церкви восточной, нужно замѣтить, уже съ давнихъ поръ росли и развивались въ народѣ русскомъ. Несчастное положеніе греческой Церкви подъ владычествомъ турокъ, заставлявшее грековъ обращаться къ западу, приводило нѣкоторыхъ изъ русскихъ къ неправильной мысли о томъ, будто греческая Церковь впала въ латинство, и что греческія книги, печатаемыя на Западѣ, утратили свой первоначальный православный характеръ и имѣютъ отступленія отъ православія въ духѣ западномъ. Предвидя и предчувствуя, что вслѣдъ за патр. Никономъ и другими пастырями русской церкви восточные патріархи выступятъ съ словомъ обличенія противъ нихъ, отдѣлившіеся не устыдились заподозрить восточныхъ пастырей въ неправославіи и чрезъ это самое отрицали одно изъ важныхъ доказательствъ, на которыхъ утверждался патр. Никопъ въ дѣлѣ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Послѣдовательно проводя свою мысль, раскольники признавали недѣйствительными и опредѣленія московскаго Собора 1654 г., и это именно потому, что въ глазахъ патр. Никона и всей русской Церкви опредѣленія эти потому и важны, что побужденія къ нимъ были поданы со стороны восточныхъ первосвятителей, и утвержденіе и засвидѣтельствованіе важности этихъ преданій проистекли отъ нихъ же. Прежде всего предложенъ былъ вопросъ: какъ нужно думать о па-

21) Впрочемъ всѣ эти опредѣленія имѣютъ одинаковую силу и достоинство: всѣ они утверждены и собственноручно подписаны восточными патріархами и всѣми членами великаго собора 1667 года.

тріархахъ восточныхъ? Остались ли они вѣрными православію, живя подъ властію магометанъ? Рѣшая этотъ вопросъ, соборъ опредѣляетъ: „исповѣдывать святѣйшихъ патріарховъ“ константинопольскаго, александрійскаго, антiохійскаго, іерусалимскаго „по настоящее время пребывающими въ православіи“. Другой вопросъ былъ: „праведны-ли и достовѣрны-ли печатныя книги греческія, употребляемыя патріархами восточными и священниками въ священнослуженіи?“ Въ дѣлѣ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, какъ въ началѣ, такъ и въ послѣдствіи, Никонъ всегда старался поставить на видъ важность греческихъ книгъ; и когда дѣло было сдѣлано и исправленныя книги стали вводить въ употребленіе, тогда каждая разность ихъ со старыми книгами для людей невѣдующихъ казалась, по собственному ихъ признанію, „латинской ересью“. И такъ какъ такого рода сомнѣніе стояло въ связи съ предыдущимъ, то и отцы собора, опровергнувъ первое, опровергнули и второе; они единодушно опредѣлили, что „книги печатныя и рукописныя, которыя употребляютъ св. патріархи и по которымъ исполняютъ славословіе Божіе и чины церковныя, должно признавать православными и слѣдовательно во всемъ принимать ихъ“. Когда такимъ образомъ единодушное опредѣленіе Собора признало вѣрность православію Церкви восточной и ея богослужебныхъ книгъ, то само собою открывалось значеніе Собора московскаго 1654 г.; онъ „признанъ былъ православнымъ, истиннымъ“.

Затѣмъ на соборѣ было изложено мнѣніе о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ думали утвердиться державшіеся раскола. Этими основаніями для расколуучителей были:

1) Соборъ 1551 г., извѣстный подъ именемъ Стоглаваго. Положенія раскольниковъ, опровергаемыя Соборами 1666—67 г., почти всѣ первоначально были высказаны уже на Стоглавомъ Соборѣ, и для раскольниковъ постановленія этого Собора были особенно дороги; они представлялись имъ въ видѣ непререкаемыхъ основаній древне-церковнаго ученія; въ Стоглавѣ представлены были доказательства для нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ раскольническихъ мнѣній; эти доказательства почти съ буквальною точностію приводились раскольниками въ борьбѣ противъ ученія православнаго.

2) Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго, въ которомъ доказывается древность употребленія сугубой аллилуіа въ церквахъ русской и греческой.

3) Свидѣтельство Мелетія и Теодорита въ пользу двуперстнаго сложенія.

4) Указаніе на Максима Грека, будто онъ училъ читать и пѣть аллилуіа сугубое.

5) Послѣ историческихъ свидѣтельствъ, раскольники въ основаніе своихъ положеній приводили и собственные объясненія и разсужденія. Такъ, доказывая свое мнѣніе о сугубой аллилуіа, раскольники приводили въ свое оправданіе, будто аллилуіа значитъ то же, что и слава Тебѣ Боже.

Въ своихъ опредѣленіяхъ Соборъ излагаетъ свое мнѣніе о каждомъ изъ этихъ основаній. Отцы Собора, признавая недѣйствительными постановленія Стоглава, приводимыя раскольниками, указывали, что этотъ Соборъ не чуждъ былъ ложныхъ мнѣній; погрѣшности допущены имъ „неразсудно“, простотою и невѣденіемъ, — внесено въ церковное правило то, чего сами не могли хорошо понимать. Замѣчаютъ даже, что это былъ только помѣстный Соборъ, такъ какъ въ опредѣленіяхъ своихъ не имѣлъ онъ сношенія съ церквами восточными, тогда какъ это надлежало сдѣлать въ силу единовѣрія церквей. И это въ обычаѣ восточной Церкви. Стоглавъ, не исполнившій этого обычая, есть только частный, помѣстный Соборъ, рѣшенія котораго должны быть предоставлены на судъ Собора важнѣйшаго. Последній, т.-е. „большій“ Соборъ можетъ и долженъ исправить неправильности „меньшаго“ Собора. Присутствіе самого царя не дѣлаетъ Стоглавнй Соборъ равнымъ вселенскому, потому что характеръ вселенскаго Собора есть именно тотъ, чтобы на немъ или сами непосредственно или чрезъ своихъ представителей—были епископы всѣхъ церквей, какъ это заповѣдуетъ 2-е правило кареагенскаго собора. Заключительнымъ выводомъ было то, что если Соборъ Стоглавнй былъ помѣстный, то и постановленія его можно отмѣнять и измѣнять. Клятву, положенную на Соборѣ Стоглавомъ, Соборъ 1667 г. разрѣшаетъ и разрушаетъ, какъ безразсудную клятву, ибо, по замѣчанію отцовъ Собора, митрополитъ Макарій и его сподвижники на соборѣ не только не соглашались съ древними греческими и славянскими книгами, но и издали свои опредѣленія безъ сношенія съ восточными церквами.—Сужденіе собора о другомъ основаніи раскольническихъ мнѣній—„жизни Евфросина“—было такое же, какъ и о Стоглавѣ; соборъ сдѣлалъ подробное и полное опроверженіе мнѣнія о сугубой аллилуіи. Не признали отцы Собора истиннымъ и свидѣтельство Мелетія и Теодорита. А о свидѣтельствѣ Максима Грека соборъ замѣтилъ, что это свидѣтельство не могло принадлежать Максиму, какъ человѣку особенно мудрому и ученому, который не сталъ бы приводить мнѣнія не твердаго и ни на чемъ не основаннаго. Наконецъ и собственнымъ разсужденіямъ раскольниковъ Соборъ противопоставляетъ свои объясненія. Такъ на толкованіе раскольниковъ, будто аллилуія есть то же, что и слава Тебѣ Боже, соборъ даетъ иное, правильное объясненіе.

Такъ въ своихъ опредѣленіяхъ московскій Соборъ опровергаетъ всѣ основанія, приводимыя раскольниками въ защиту своихъ мнѣній.

Далѣе, разсмотрѣвъ основанія свои и раскольничьи, Соборъ разсматриваетъ самый „предметъ“ отдѣленія раскольниковъ отъ Церкви православной—богослужебныя книги и исправленіе ихъ при патріархѣ Никонѣ.

При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, Соборъ высказалъ свое рѣшеніе—о „служебникѣ“ патр. Никона. Еще на соборѣ 1651 г. разсматриваемъ былъ служебникъ, и въ немъ сдѣ-

лано было нѣсколько поправокъ. Въ 1655 г. въ другомъ московскомъ соборѣ патр. Никонъ, пользуясь присутствіемъ патр. антиохійскаго Макарія, предложилъ снова на разсмотрѣніе собора служебникъ; онъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ. Вновь разсмотрѣнный и напечатанный во время самага собора служебникъ Никона былъ утвержденъ.—Другою книгою, обратившею на себя вниманіе собора, была „Скрижаль“. Русской церкви недавно еще сдѣлалась извѣстною эта книга: когда патр. Никонъ просилъ восточныхъ патріарховъ принять участіе въ исправленіи книгъ, то патр. Паисій препроводилъ между прочимъ толкованіе на чинъ богослуженія, иначе скрижаль, разсмотрѣнную и одобренную, какъ онъ писалъ, на соборѣ; такъ какъ въ этой книгѣ изъяснялся почти весь кругъ церковнаго богослуженія, то соборъ опредѣлилъ воздавать ей особенную честь. Разсмотрѣна и одобрена была книга, которая хотя не принадлежала къ кругу богослужебныхъ, но имѣла важное значеніе въ дѣлѣ полемики противъ раскола. Это „Жезль правленія“ Симеона Полоцкаго ²²). Были разсмотрѣны и утверждены отвѣты патр. Никону (епистоліи), присланные въ 1655 г. патріархомъ Константинопольскимъ Паисіемъ на тѣ вопросы, которые предлагалъ Никонъ. Наконецъ соборъ издалъ свое рѣшеніе о сочиненіи касательно сложенія перстовъ при крестномъ знаменіи,—сочиненіи, обыкновенно предпосылаемомъ псалтири слѣдованной и другимъ церковнымъ книгамъ; соборное опредѣленіе запрещаетъ вѣровать этому сочиненію и повелѣваетъ уничтожать въ печатныхъ книгахъ какъ „невѣжественное и неразумное“ ²³).

Затѣмъ соборъ обратилъ вниманіе на тѣ „частныя положенія“, содержащіяся въ богослужебныхъ книгахъ, которыя явились исправленными въ новопечатныхъ книгахъ, по сравненію со старопечатными. Таковыми были: а) чтеніе 8-го члена символа вѣры, б) крестное знаменіе, в) чтеніе такъ называемой молитвы Иисусовой, г) почитаніе четвероконечной и восьмиконечной формы животворящаго креста и д) хожденіе посолонь.

Всѣ эти частныя положенія, какъ составляющія главный предметъ разногласія православія и раскола, уже очень извѣстны; поэтому мы только перечислимъ вкратцѣ самыя опредѣленія собора. Излишнее слово въ 8-мъ членѣ символа вѣры „истиннаго“ Соборъ опредѣлилъ опустить. Въмѣсто двуперстнаго сложенія при крестномъ знаменіи соборъ опредѣлилъ употреблять троеперстное, какъ древнее и всеобщее, и при этомъ отличаетъ образъ перстосложенія при крестномъ знаменіи и при пастырскомъ именованномъ благословеніи. Въ Иисусовой молитвѣ — вмѣсто словъ „Боже нашъ“ раскольники читали „Сыне Божій“. Отцы собора не осуждаютъ и той, какъ читають

²²) Эта книга особенно замѣчательна потому, что состоитъ въ опроверженіи челобитныхъ, заключающихъ въ себѣ полный сводъ всѣхъ раскольничьихъ положеній, которыя прежде того появлялись отрывочно и по частямъ.

²³) Дополненіе къ акт. истор. № 102, т. V, стр. 462—472.

раскольники, но только утверждают свою, какъ „соборную и общую“, а особенно „сѣкущую мечъ на еретики аrians“.—Вмѣсто исключительнаго почитанія раскольниками восьмиконечнаго креста съ надписаніемъ „се Агнецъ Божій“ и адамовою головою соборъ опредѣлилъ воздавать равное почтеніе и четвероконечному кресту и этотъ послѣдній изображать на просфорахъ назначаеваемыхъ для жертвеннаго Агнца. Наконецъ раскольники защищали ошибочный обычай—хожденіе посолонь, которое дѣйствительно предписывалось въ старопечатныхъ книгахъ при нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ. Восточные патріархи замѣчали на соборѣ, что ходить по направленію къ западу не согласно съ восточною церковію. Поэтому согласно съ обычаемъ церкви восточной и древне-русской соборъ отвергъ раскольническое мнѣніе и опредѣлилъ, чтобы хожденіе съ плащаницею, мощами, хожденіе вокругъ купели при крещеніи, вокругъ аналоя при таинствѣ брака совершалось по направленію къ востоку.

Изъ всѣхъ разсужденій и опредѣленій собора выходило то общее заключеніе, что церковно-богослужебныя книги исправлены законно и правильно и остались вполне вѣрны древне-церковному православію и что слѣдовательно церковь, принимающая въ употребленіе эти книги, также православна. На этихъ общихъ выводахъ держится и то постановленіе, что тѣ, которые не принимаютъ новоисправленныхъ книгъ, не признаютъ ихъ православными, равно тѣ, которые не почитаютъ православную церковь, принимающую таковыя книги, должны быть почитаемы „раскольниками“. Чтобы подѣйствовать на упорныхъ страхомъ церковнаго наказанія, соборъ присовокупилъ къ этимъ общимъ постановленіямъ и угрозы: „аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему священному собору или пачнетъ прекословить и намъ противлятися: и мы таковаго противника данною намъ властію отъ святаго и животворящаго Духа проклятію предаемъ“... Вслѣдствіе такихъ опредѣленій бывший прот. Аввакумъ, попъ Лазарь, чернецъ Епифаній, діаконыъ Теодоръ и др. преданы анаемѣ, какъ противники православію.

Эта анаема доселѣ производила и производитъ сильное дѣйствіе на старообрядцевъ: они утверждаютъ, будто бы начало отдѣленія ихъ отъ церкви послѣдовало вслѣдствіе произнесенія Макаріемъ, патріархомъ Антиохійскимъ, въ Москвѣ 1666 г. и московскимъ соборомъ 1667 г. клятвъ на содержащихъ старые обряды и что клятвы произнесены прежде, а потомъ послѣдовало отдѣленіе. Они какъ будто не видятъ или, лучше сказать, не хотятъ видѣть, что клятвы собора суть ничто иное, какъ приговоръ или осужденіе, произнесенное соборомъ на людей, уже показавшихъ себя противниками церкви, и именно на нихъ, а не на обряды, защитниками которыхъ они себя выставили, потому что отдѣленіе расколуучителей отъ церкви послѣдовало прежде 1667 г., какъ ясно видно изъ наглыхъ поступковъ и писаній зачинщиковъ раскола. Самое учрежденіе „правиль единовѣрія“ неоспоримо доказываетъ, что православная церковь не осуждаетъ строго разности въ

обрядохъ, но отсѣкаетъ отъ себя анаеомю тѣхъ, которые изъ-за обрядовъ отдѣляются отъ единства церковнаго. Припомнимъ слова принопамятнаго нашего святителя, митрополита московскаго Филарета: „изреченное соборомъ 1667 года проклятіе положено на непокорящихся святой восточной церкви и священному собору, на противниковъ, яко еретиковъ и непокорниковъ. И слѣдственно вступившіе въ миръ и соединеніе со святою апостольскою церковію, поелику симъ являютъ, что они не суть противники, то по самой силѣ опредѣленія собора 1667 года должны быть разрѣшены и разрѣшаются и пребываютъ свободны отъ изреченнаго тѣмъ соборомъ проклятія. При семъ надлежитъ принять во вниманіе, что писанное въ книгѣ Стоглава о знаменіи честнаго креста и о сугубой аллилуіи, и о прочемъ соборъ 1667 года хотя и нашель несходнымъ съ древними греческими и славянскими харатейными книгами и сего не одобрилъ; но однако на сію книгу и на писанное въ ней, и на упоминаемый въ ней соборъ своего проклятія не положилъ, разсуждая, что писано то по невѣдѣнію и что составившіе описанный въ сей книгѣ соборъ не были противниками церкви. И потому святѣйшій Синодъ не противъ сужденія собора 1667 года и благословно вступившимъ въ соединеніе и миръ со святою апостольскою церковію, по снисхожденію, разрѣшаетъ обычное для нихъ употребленіе вышеупомянутыхъ и прочихъ подобныхъ обрядовъ“ ²⁴).

²⁴) Грамота на устроеніе единовѣрческой церкви св. Николы, данная Филаретомъ, митр. Московскимъ, 20 сентября 1854 года. (Свѣдѣнія о единовѣрческихъ церквахъ, Москва, 1858, л. 24).

Г Л А В А VII.

Преемники Никона, патриархи Иоасафъ II и Питиримъ. — Патриархъ Иоакимъ. — Соловецкій бунтъ. — Кончина царя Алексѣя. — Никонъ въ заточеніи. — Царь Феодоръ Алексѣевичъ. — Возвращеніе и кончина Никона. — Дѣятельность патриарха Иоакима. — Соборъ 1681 года. — Заботы о просвѣщеніи. — Московское училище. — Состояніе духовнаго просвѣщенія на югѣ. — Дѣла южной митрополіи. — Митрополиты: Діонисій Болобанъ и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій.

Въ теченіе семи лѣтъ перемѣнилось два преемника Никона на московскомъ патриаршемъ престолѣ. Они прошли едва замѣтно, какъ тѣни, и дѣйствительно казались тѣнями, сравнительно съ тою личностію, которой мѣсто они заняли. Первый изъ нихъ, патриархъ Иоасафъ II, посвященный двумя восточными патриархами въ январѣ 1667 года изъ архимандритовъ Троицкаго Сергіева монастыря, старецъ добрый, кроткій и незлобивый, остался замѣтнымъ только по дѣяніямъ великаго собора, въ которыхъ онъ участвовалъ. Здѣсь, кромѣ суда церковнаго на противниковъ церкви, опредѣлены были многія статьи, касавшіяся до внутренняго и наружнаго устройства церковнаго, и отмѣнены неправильно вкравшіеся обычаи, какъ-то перекрещиваніе переходящихъ къ намъ изъ латинской церкви и запрещеніе священнослуженія вдовымъ священникамъ, и нѣкоторыя несвойственныя привиллегіи, данныя архимандритамъ великихъ обителей. Соображаясь съ нуждами расширяющагося царства, соборъ разсудилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ составѣ епархій: архіепископы астраханскій, тобольскій и рязанскій возведены были на степень митрополитовъ; основано епископство въ Бѣлгородѣ; возстановлены особыя епархіи въ Нижнемъ-Новгородѣ и Владимірѣ; Пермская епархія отдѣлена отъ Вятской; положено увеличить число епархій въ Сибири. Изданы многія постановленія, касавшіяся устройства судовъ патриаршихъ и епископскихъ, имуществъ архіерейскихъ и монастырскихъ. Исправленіе богослужебныхъ книгъ по греческому тексту не прекращалось при патриархѣ Иоасафѣ. Въ 1670 г. издана была цвѣтная Тріодь, провѣренная съ подлинникомъ, а въ 1672 г. напечатана постная Тріодь, вновь переведенная съ греческаго текста.

По кончинѣ Иоасафа (въ 1672 г.) избранъ на патриаршество митрополитъ новгородскій Питиримъ, одинъ изъ враговъ Никона. Деся-

тимѣсячное пребываніе его на патріаршемъ престолѣ прошло безслѣдно для русской церкви, но въ лицѣ преемника его она получила снова мудраго, твердаго и ревностнаго первосвятителя.

Іоакимъ, изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, съ ранней юности обучался въ кіево-братской коллегіи, потомъ проходилъ военную службу и на 35 году жизни (въ 1655 году) принялъ постриженіе въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ ¹⁾. Вызванный въ Москву патріархомъ Никономъ въ 1657 году ²⁾, онъ былъ архимандритомъ Чудова монастыря, потомъ митрополитомъ новгородскимъ; возведенъ на патріаршество въ іюль 1673 года. Промыслъ Божій судилъ ему во все время управленія русскою Церковью непрестанно бороться то съ расколомъ, то съ отпрысками папизма.

При самомъ вступленіи на первосвятительскій престолъ онъ засталъ горестное и небывалое дотолѣ событіе: бунтъ въ Соловецкой обители противъ Церкви и царской власти.

Еще въ 1657 году присланы были въ Соловецкій монастырь новоисправленныя книги. Старые іеромонахи посмотрѣли на нихъ и сказали, что они „старики и по старымъ книгамъ едва читаютъ, а по новымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть будетъ“. Нѣкоторые помолуже хотѣли было служить по новому, но имъ запретилъ это архимандритъ Ілія. Въ Москвѣ въ это время заняты были дѣломъ Никона и не обратили надлежащаго вниманія на отдаленный монастырь, только смѣнили Ілію. А между тѣмъ старообрядчество все зрѣло въ обители подъ вліяніемъ множества сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Здѣсь жили князь Львовъ, бывшій начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ, и бывшій архимандритъ Саввина монастыря Никаноръ, нѣкогда бывшій духовникъ царскій, ставшій во главѣ возстанія. Въ обитель явились разбѣжавшіеся сообщники волжскаго разбойника Разина и множество безразсудныхъ ревнителей мнимой старины. Когда послѣ великаго собора снова прислано было въ монастырь требованіе служить по новому, келарь Азарій и казначей Геронтій написали челобитную государю отъ лица всей братіи, въ которой просили оставить монастырь въ старомъ преданіи Чудотворцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ ³⁾ въ 1668 году царь послалъ въ монастырь стрѣльцовъ, и началась соловецкая осада, при которой первую опору бунта были казаки изъ шаекъ Разина. Изъ-за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ Шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые

¹⁾ Терновскій. Изслѣд. о подчинен. Кіев. митр. Моск. патріархату, стр. 88.

²⁾ Акт. истор. IV, № 208.

³⁾ Увѣщанія мятежниковъ были предлагаемы неоднократно: такъ въ 1674 году ѣздили съ царскою грамотою уговаривать ихъ Холмогорскаго Спасскаго собора священникъ Кирилль и подьячій Василій Истомино; но монахи Соловецкіе, принявъ грамоту, посланцевъ «вонъ выслали съ безчестьемъ». Еще ранѣе того ѣздилъ въ Соловки и также безуспѣшно Клопскій игуменъ Макарій съ грамотою Іоакима, тогда еще митрополита Новгородскаго (Истор. акты IV, № 248).

возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государствомъ. Въ первый же разъ расколъ отвергъ здѣсь и молитву за царя. Священники всѣ протестовали противъ этого рѣшенія монастырскаго собора и успѣли ускользнуть изъ монастыря. Тогда явилось другое крайнее положеніе раскола: „Мы и безъ священниковъ проживемъ“, порѣшилъ Никаноръ съ казаками и нѣкоторыми изъ монаховъ, „священники намъ не нужны“; и дѣйствительно стали жить безъ богослуженія и безъ таинствъ. Осада монастыря затянулась на 10 лѣтъ, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ, въ 1676 году уже третій воевода Мещериновъ взялъ монастырь. Многіе бунтовщики погибли въ сѣчѣ; оставшіеся въ живыхъ зачинщики бунта, въ томъ числѣ и Никаноръ, перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; покорные Церкви и государству оставлены въ монастырѣ ⁴⁾. Такъ возвращена православію знаменитая лавра Соловецкая, когда зло пустило уже глубокіе корни въ окрестностяхъ и даже въ дальней Сибири.

Усмиреніе соловецкаго бунта было послѣднимъ дѣломъ царствованія Алексія; монастырь былъ взятъ за недѣлю до его кончины ⁵⁾. Послѣ краткой болѣзни царь мирно преставился на 49 году отъ рожденія, напутствованный св. Таинствами и назначивъ наслѣдникомъ престола старшаго сына своего Θεодора ⁶⁾.

Царь Алексій Михайловичъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ государей русскихъ. Являя въ себѣ высокій образецъ добродѣтелей христіанскихъ ⁷⁾ и семейныхъ, постоянно заботясь о благѣ

⁴⁾ Раскольническій писатель Денисовъ въ своей «исторіи объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», виновникомъ окончательнаго разоренія обители выставляетъ патриарха Іоакима, говоря, что царь Алексій Михайловичъ предъ своею смертію хотѣлъ было уже разрѣшить Соловлянамъ жить по ихъ старымъ обычаямъ, но патриархъ воспротивился этому всѣми силами: «Патриархъ ожесточился паче камене, не смотряше царевы болѣзни пламене: увѣри царя милость ко отцемъ отложить, хотя мѣсто святое кровію облили. Царь елико патриарху покоряшеся, толико лютости болѣзнь умножашися. И толико болѣзнь злѣное терпяше, яко едва и отдыхать можаше».

⁵⁾ Тотъ же Денисовъ записалъ день взятія обители однимъ числомъ со днемъ смерти государя; тогда какъ государь дѣйствительно скончался «противъ 30 числа», а Соловецкая обитель взята 22-го, а не 29-го января (Акты Археогр. Экспед. IV, № 212).

⁶⁾ Царь Алексій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: двое старшихъ были рождены первою его супругою Марією Ильиничною; младшій—Петръ былъ сыномъ второй супруги—Наталіи Кирилловны, изъ рода Нарышкиныхъ. Сверхъ того царь имѣлъ отъ первой же супруги еще нѣсколько дочерей; первое мѣсто между ними занимала властолюбивая царевна Софія. Это раздѣленіе царскаго семейства на двѣ отрасли послужило впоследствии поводомъ для кровопролитныхъ мятежей стрѣльчихъ.

⁷⁾ Вѣрный исполнитель всѣхъ обрядовъ святой Церкви, Алексій Михайловичъ являлъ примѣръ набожности и воздержанія, доходившихъ до изумительной строгости къ самому себѣ. Никто не соблюдалъ посты строже его. По свидѣтельству иностранца Коллинса, великимъ постомъ онъ обѣдалъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а именно въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ только по куску чорнаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и по стакану полпива. У Котошихина (стр. 63) читаемъ почти то же самое: «и ѣсть царь въ тѣ посты (Великій и Успенскій), въ недѣлю, во вторникъ въ четвергъ, въ субботу, но однажды въ день, а пьеть квась, а въ поне-

своего народа, онъ „покорилъ себѣ сердца подданныхъ, которые столько же любили его, сколько благоговѣли предъ нимъ“⁸⁾. Недоставало ему только пронизательности и болѣе глубокаго взгляда на государственныя отношенія; измѣняла иногда и твердость, особенно въ молодыхъ лѣтахъ. Чрезмѣрная доброта подавала поводъ къ излишней довѣрчивости, которую, какъ мы видѣли, часто употребляли во зло люди, умѣвшіе чѣмъ-нибудь снискать расположеніе царя. Злоупотребленія, особенно корыстолюбіе нѣкоторыхъ вельможъ, были главными причинами смуть, нарушавшихъ при Алексіи Михайловичѣ спокойствіе московскаго государства. Но тѣмъ, набрасываемая временными неустройствами, исчезаетъ предъ свѣтлою стороною царствованія, въ которое присоединилась Малороссія, распространились предѣлы Россіи до береговъ отдаленнаго Амура, вышло Уложеніе, рѣшенъ вѣковой вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, совершились многія другія замѣчательныя событія. Потомство забыло бѣдствія, отъ которыхъ страдали только современныя поколѣнія. Оно помнитъ лишь дѣянія, посѣявшія плодотворныя сѣмена для будущаго, имѣвшія благотѣльное вліяніе на судьбу многихъ грядущихъ поколѣній. Дѣянія эти навсегда увѣковѣчили память о царствованіи Алексія Михайловича, стяжали ему, несмотря на недостатокъ самостоятельности въ его характерѣ, наименованіе „мудраго родителя Петра Великаго“.

Царь Алексій предъ кончиною писалъ въ духовномъ завѣщаніи: „отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія“.

А между тѣмъ патріархъ—изгнанникъ, на котораго умирающей самодержецъ устремлялъ угасающей взоръ свой, еще томился въ заключеніи, въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ. Послѣ низложенія на соборѣ Никонъ былъ отправленъ въ Терапонтовъ монастырь, назначенный ему мѣстомъ заточенія. При жестокой стужѣ изгнанникъ и спутники

дѣлникъ и въ среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣсть и не пьеть ничего, развѣ для своихъ и царичиныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ именинъ». Онъ не пропускалъ ни одного богослуженія. Когда былъ здоровъ, всегда выходилъ въ церковь; если былъ боленъ, то служба совершалась въ его комнатахъ; въ постъ, посѣщая всенощныя, стоялъ по пяти или по шести часовъ сряду и клалъ много земныхъ поклоновъ; часто, подобно Давиду (говорить Мейербергъ), вставалъ ночью и молился до утра. Не менѣе изумительны подвиги его благотворительности. Въ день Благовѣщенья кормилъ онъ въ своихъ «покоевыхъ хоромыхъ», нищихъ и изъ собственныхъ рукъ жаловалъ ихъ милостынею; въ Рождество и другіе большіе праздники не садился за столъ безъ того, чтобъ не накормить прежде тюремныхъ сидѣльцевъ и плѣнныхъ. Наканунѣ праздниковъ, особенно въ сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, бывали такъ называемые «тайные выходы» въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ царь изъ своихъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, полоняникамъ, богадѣльникамъ, увѣчнымъ и вслѣжимъ бѣднымъ людямъ, разсыпалъ щедроты свои и на улицамъ, чрезъ которыя проходилъ. Между тѣмъ довѣренныя лица изъ стрѣleckихъ полковниковъ и подъачихъ тайнаго приказа раздавали царскую милостыню на Земскомъ дворѣ у Лобнаго мѣста и на Красной площади.

⁸⁾ Сказаніе иностранца Лизека, стр. 381.

его, не имѣвшіе теплой одежды, сильно страдали отъ холода ⁹⁾. По прибытіи на мѣсто Никонъ испыталъ всю строгость заключенія, почти темничную, потому что сперва даже заложены были желѣзными затворами окна его келлій, однако въ непродолжительномъ времени получилъ онъ и облегченіе отъ незаслуженныхъ томленій. Никонъ даже началъ пользоваться совершенною свободою и многими льготами, по личной къ нему любви кроткаго царя Алексія, который никогда не питалъ къ нему непрязни, несмотря на происки боярь. Искренно желалъ онъ примиренія, хотя и тайнаго, съ бывшимъ своимъ другомъ и крестнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей своихъ. Милостыня царская—деньги и съѣстные припасы, въ видѣ поминокъ то радостныхъ, то печальныхъ, часто посылались къ бывшему патріарху. Сначала онъ отвергалъ дары царскіе, но въ день пасхи (1668 г.) пилъ царское вино и угощалъ имъ свою братію ¹⁰⁾. Вскорѣ Никонъ получилъ отъ царя позволеніе имѣть свою отдѣльную церковь въ монастырѣ, для которой теперь же было прислано ему богато-украшенное евангеліе на престольное, серебряные потиръ и дискось, нѣсколько паръ церковныхъ облачений и немало различной церковной утвари. Никонъ избралъ для себя одну изъ монастырскихъ церквей, во имя Богоявленія Господня на св. вратахъ, и здѣсь стали совершать для него богослуженіе иноки, рукоположенные нѣкогда въ священникъ самимъ Никономъ въ послѣдніе годы его патріаршества. Одни изъ нихъ прибыли съ нимъ изъ Москвы, какъ добровольные спутники осужденнаго патріарха; другіе послѣ различныхъ судебныхъ изслѣдованій объ участіи ихъ въ дѣлѣ Никона подъ стражею присланы къ заточенному патріарху. Самъ патріархъ сталъ съ этихъ поръ получать значительное содержаніе изъ Москвы, имѣлъ всѣ удобства жизни, даже выѣзжалъ изъ мѣста своего заточенія и пользовался свободно монастырской библіотекой.

По указу государя выстроены были для него новыя обширныя кельи съ 25 жилыми покоями и деревянными переходами на стѣнѣ, въ 30 сажень длины, ведущими къ надворотной крестовой церкви ¹¹⁾. По своему властительному характеру Никонъ, можно сказать, былъ полнымъ распорядителемъ въ мѣстѣ своего заточенія: игумень мона-

⁹⁾ Никонъ не принялъ драгоценныхъ мѣховъ, присланныхъ отъ царя на дорогу, но при выѣздѣ изъ Москвы Новоспаскій архимандритъ Іосифъ подарилъ ему свою шубу. Спутники же Никона продолжали страдать отъ стужи до тѣхъ поръ, пока въ одномъ селѣ близъ Мологи неизвѣстная старушка тайно отъ приставовъ снабдила ихъ теплымъ платьемъ.

¹⁰⁾ Въ день св. Пасхи послѣ литургіи Никонъ пригласилъ къ столу своему архимандрита Іосифа, полковника Наумова, игумена и келаря Ѳерапонтова монастыря и многихъ изъ братіи. Наполнивъ чашу виномъ, присланнымъ отъ царя, Никонъ обратился къ своимъ гостямъ и торжественно сказалъ: «да не до конца пребудетъ вражда наша съ государемъ, се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго царя со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду».

¹¹⁾ Теперь нѣтъ уже келлій Никона въ Ѳерапонтовѣ, хотя дѣла еще надворотная церковь, къ которой онѣ примыкали переходами, и сохранилась дверь, которая вела на переходы. Послѣднія бревна изъ стѣнъ жилища патріарха-узника недавно употреблены на постройку сельской школы.

стыря и братія, и даже самые стрѣльцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святѣйшимъ по тому неизъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяетъ въ окружающихъ человѣкъ гениальный и твердый волею. Никонъ всегда любилъ труды подвижническіе, когда еще былъ патріархомъ,—еще болѣе сталъ онъ трудиться въ Ферапонтовѣ. Самъ онъ, съ своею прислугою и бывшею при немъ братією, расчистилъ по другую сторону озера лѣсистый участокъ на урочищѣ, называемомъ Лещево, развелъ тамъ два обширныхъ огорода и разработалъ поле для хлѣба и овса. Иногда вмѣсто годовыхъ припасовъ, которые ему должно было получать изъ сосѣднихъ монастырей, требовалъ онъ денегъ взамѣнъ ихъ ¹²⁾. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности, и тѣмъ умножалось его вліяніе; народъ къ нему стекался отовсюду не только за денежнымъ пособіемъ, на которое Никонъ былъ весьма щедръ, но и за лѣкарствами, и для молитвъ его, потому что бывший патріархъ читалъ молитвы надъ болящими, особенно надъ бѣснующимися, помазывая ихъ елеемъ, и нѣкоторые исцѣлялись, какъ онъ самъ письменно извѣщалъ о томъ царя. Никонъ, монахъ и узникъ, казалось, сталъ привыкать къ своей долѣ, не ожидая ничего лучшаго. Вдругъ нечаянная кончина кроткаго царя жестоко напомнила ему о его узахъ ¹³⁾; можетъ быть, такое тяжкое испытаніе нужно было для великой души Никона, чтобы окончательно отрѣшиться его отъ всего земного и сдѣлать достойнымъ той Голгофы, подъ которою онъ избралъ себѣ мѣсто послѣдняго покоя. Давно уже слишкомъ привольное его положеніе въ Ферапонтовѣ приводило въ страхъ недоброжелателей его въ столицѣ; тамъ старались представить его опаснымъ даже и въ самомъ заточеніи, распускали молву о мнимыхъ его сношеніяхъ съ волжскимъ атаманомъ Разинымъ, неохотно смотрѣли на множество народа, стекавшагося къ нему въ монастырь; келейныя посѣщенія людей всякаго званія и пола возбуждали неблаговидное подозрѣніе, и, быть можетъ, въ этомъ былъ неостороженъ Никонъ, слишкомъ строгій нравственностью во всю жизнь и потому мало внимательный къ людской молвѣ. Начались навѣты отъ бѣглаго келейника патріаршаго Іоны, который былъ строго наказанъ за нетрезвую жизнь, впрочемъ, по суду монастырскому; Іона рассказалъ о крестахъ, какіе ставилъ Никонъ на озерѣ, съ титуломъ патріаршимъ и съ жалобою на свое заточеніе ¹⁴⁾.

12) Особенно тяготился поборами Никона сосѣдній Кирилловъ монастырь. Кирилловцы говорили Ферапонтовскимъ монахамъ: «Батка вашъ ѣсть насъ».

13) При извѣстии о кончинѣ царя Алексія Никонъ вздохнулъ отъ глубины сердца, прослезился и, обративъ взоры къ небу, сказалъ: «воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное прішествіе Господне судитися имать». Лопухинъ просилъ его подать прошеніе царю на бумагѣ. «Мы исполняемъ,—сказалъ Никонъ,—слово Господа: оставите, оставится и вамъ», и присовокупилъ: «Богъ его простить». Но не рѣшился дать письменнаго разрѣшенія.

14) Устроивъ каменный островъ на озерѣ, прилежащемъ къ Ферапонтову монастырю, Никонъ поставилъ на немъ крестъ съ надписью: «Никонъ, Божією милостію патріархъ».

Съ кончиною царя Алексія отяготилась участь Өерапонтовскаго заточника. Новый царь Өеодоръ и по молодости, и по болѣзненному состоянію постоянно зависѣлъ отъ лицъ его окружающихъ, а между тѣмъ друзья Никона (Матвѣевъ и другіе) были удалены отъ двора, уступивъ свое мѣсто Милославскимъ, близкимъ родственникамъ царя по матери, враждебно расположеннымъ къ бывшему патріарху.

По доносамъ Іоны и другихъ было назначено строгое изслѣдованіе, съ перемѣщеніемъ Никона монаха для болѣе строгаго надзора въ Кирилловъ монастырь. Изъ наставленій, данныхъ чудовскому архимандриту Павлу и окольничему, посланному съ нимъ для изслѣдованія доносовъ въ Өерапонтовъ монастырь, видно, какъ еще боялись Никона въ Москвѣ и не довѣряли его покорности, хотя и напрасно. Велѣно было позвать его къ допросу въ соборную церковь и, въ случаѣ отказа, идти къ нему въ келью съ приговоромъ; но бывший патріархъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, спокойно пошелъ въ церковь и отвѣчалъ на многочисленныя статьи допросовъ.

Не отрекался онъ, что допускалъ къ своей рукѣ и позволялъ себя называть святѣйшимъ патріархомъ, говоря, что о томъ извѣстно было великому государю. Клеветы о мнимыхъ сношеніяхъ съ Разнымъ нисколько его не смутили; онъ не скрылъ, что когда шайки атамана были въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, самъ приставъ царскій привелъ къ нему въ Өерапонтовъ двухъ казаковъ, которые извѣщали его о силѣ своего атамана, хотя это не имѣло никакихъ послѣдствій и не было тайною. Видно, что совѣсть бывшаго патріарха была совершенно спокойна, и онъ не боялся никакихъ уликъ; касательно же виновнаго келейника объявилъ, что у него не было своей расправы и суда, какъ его въ томъ обвиняли, но что приговоръ надъ Іоною совершился по суду монастырскому.

Несмотря однако на такія искренніе отвѣты, бывшему патріарху не позволено было даже возвратиться въ свои келліи, и прямо изъ церкви былъ онъ отвезенъ въ Кирилловъ монастырь подъ строгій заговоръ; все его имущество колейное описано и отобрано, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей; присные его всѣ разосланы по дальнимъ монастырямъ; къ нему приставлены болѣе для надзора, нежели для услуженія, два совершенно ему чуждые старца въ Кирилловѣ, всякое же свиданіе и переписка запрещены, и выходъ изъ келліи дозволенъ только въ ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; самъ слѣдователь архимандритъ Павелъ, сжалившись надъ нимъ, доносилъ патріарху Іоакиму, что Никонъ заплакалъ, услышавъ о намѣреніи удалить его присныхъ, и со слезами просилъ оставить

постави сій крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. Церковь на Бѣлозерѣ въ Өерапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ». Мимо этого самаго мѣста пролегла зимою большая дорога къ монастырю. Путешественники и богомольцы останавливались при крестѣ Никона и прочитывали надписи. Такая же надпись была вырѣзана на всѣхъ келейныхъ сосудахъ Никона и на стулѣ его работы, который донинѣ хранится въ ризницѣ Кириллова монастыря.

ихъ при немъ, ради его старости, обѣщая впредь поминать Іоакима свѣтѣйшимъ патріархомъ, чего прежде не дѣлалъ потому, что почиталъ его причиною всего зла. Онъ даже намекнулъ, что при началѣ своего удаленія въ новый Іерусалимъ, когда дѣло шло о избраніи ему преемника, самъ онъ указывалъ на Іоакима, какъ на единственнаго человѣка, способнаго занять его престолъ; но всѣ просьбы престарѣлаго узника остались тщетными: ему надлежало испытать до дна всю горькую чашу заточенія.

Тяжка была жизнь Никона въ Кирилловѣ. Здѣсь предстоялъ низложенному первосвятителю послѣдній періодъ испытанія, изъ котораго вышелъ онъ какъ злато, искушенное въ горнилѣ. Никону суждено было въ первые годы своего заключенія въ Кирилловѣ страдать ежедневно отъ угара въ дымныхъ кельяхъ, гдѣ его затворили подъ крѣпкою стражею, такъ что онъ едва не скончался отъ невыносимаго томленія, пока не были построены для него новыя келліи ¹⁵⁾. Изнуренный старецъ помышлялъ о вѣчности и желалъ только послѣдней отрады: успокоиться подъ сѣнію созданной имъ обители новаго Іерусалима. Все житейское въ немъ уже перекипѣло, и послѣдняя даже искра мірская угасла въ Кирилловѣ во время пятилѣтняго тяжкаго заключенія.

Наконецъ настало и для него время успокоенія. Благочестивая тетка царя, царевна Татіана Михайловна, всегда благопріятствовавшая Никону, убѣдила Θεодора посѣтить забытую обитель новаго Іерусалима и принять отъ оставленной тамъ братіи челобитную о возвращеніи ея основателя. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образцу св. Гроба, государь велѣлъ продолжать ихъ и, движимый состраданіемъ, предложилъ на соборѣ дозволить старцу Никону умереть въ основанной имъ обители. Долго оставался непреклоннымъ патріархъ Іоакимъ, вѣроятно изъ боязни найти опаснаго совмѣстника въ лицѣ бывшаго патріарха, доколѣ наконецъ вѣсть о принятіи схимы и совершенномъ изнеможеніи Никона тронула его сердце.

Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе царя и патріарха, Никонъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и, къ общему изумленію, велѣлъ собраться своей келейной братіи. Съ трудомъ посадили въ сани изнуреннаго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ. При впаденіи Шексны въ Волгу привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря; Никонъ велѣлъ плыть внизъ къ Ірославлю и, причаливъ у Толгскаго монастыря, пріобщился запасныхъ даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игу-

¹⁵⁾ При точномъ изслѣдованіи мѣстности нельзя усомниться, что келліи, которыя занималъ Никонъ, были тѣ самыя, гдѣ теперь помѣщается духовное училище съ южной стороны Евѣиміевской церкви: подлѣ нихъ и доселѣ уцѣлѣлъ корпусъ, называющійся болничнымъ. Мѣстность ихъ съ точностію опредѣлена въ доносеніи архимандрита ~~Шекснинскаго~~ патріарху Іоакиму по тому случаю, когда вѣднѣо было устроить особую кухню для Никона, чтобы избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постоянного угара.

мень съ братією вышли къ нему навстрѣчу и съ ними вмѣстѣ посланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій архимандритъ Сергій, который во время суда содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Этому Сергію, заснувшему въ трапезѣ въ часъ приплытія патріарха, явился во снѣ Никонъ, говоря; „брате Сергіе, возстани, сотворимъ прощеніе!“ и внезапно услышалъ онъ, что шествуетъ Волгою патріархъ и братія уже потекли ему навстрѣчу. Вслѣдъ за ними устремился Сергій и, видя умирающаго, раскаянный, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе. Снова тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе, слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ и, видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ припадали къ нему, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали: такъ причалили къ обители Всемиловитаго Спаса.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку; дьякъ царскій велѣлъ перевезти стругъ на другой берегъ, чтобъ избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколь къ вечернѣ, Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы, бороду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братією прочитали отходныя молитвы. Патріархъ же, распростершись на одрѣ, сложивъ крестообразно руки и вздохнувъ, отошелъ съ миромъ (17-го августа 1681 г.). Между тѣмъ благочестивый царь Ѳеодоръ, не зная о его преставленіи, послалъ навстрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщалъ въ своей духовной Никонъ? Услышавъ, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприказчикомъ и во всемъ на него положился, кроткій царь съ изумленіемъ сказалъ: „если такъ святѣйшій патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ и я его въ забвеніи не положу“. Онъ велѣлъ везти тѣло его въ новый Іерусалимъ.

Новыя затрудненія возникли со стороны патріарха Іоакима при погребеніи Никона, которому не соглашался онъ воздать почестей святительскихъ, какъ лишенному сана вселенскими патріархами. Однакоже государь убѣдилъ Корнилія, митрополита Новгородскаго, дѣйствовать при погребеніи и, самъ участвуя въ трогательномъ обрядѣ, несъ на раменахъ своихъ останки Никона отъ Блеонскаго креста до той могилы подъ Голговою, гдѣ Никонъ приготовилъ себѣ мѣсто для вѣчнаго покоя. По просьбѣ царя Ѳеодора, всѣ патріархи восточные, признавая церковныя заслуги Никона, грамотами своими разрѣшили, чтобъ имя его опять было включено въ священный ликъ патріарховъ, ибо этотъ великій мужъ русской Церкви всегда былъ достоинъ своего высокаго сана, хотя временно испыталъ искушенія и скорби.

Между тѣмъ, какъ царь Ѳеодоръ заботился о восстановленіи святительской чести своего крестнаго отца, ревностный патріархъ Іоакимъ

неутомимо подвизался въ устройствѣ дѣлъ церковныхъ, въ борьбѣ съ расколомъ и въ распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Осудивъ Никона, великій соборъ 1667 года утвердилъ однако всё его церковныя распоряженія, признавъ даже справедливымъ его взглядъ на монастырскій приказъ. Было постановлено, что патріархъ не долженъ носить титула „великаго государя“, долженъ повиноваться верховной власти и не вступаться въ мірскія дѣла; но въ то же время была подтверждена независимость духовенства и всѣхъ людей церковнаго вѣдомства отъ мірскаго суда не только въ гражданскихъ, но даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, несмотря на соборныя постановленія, воеводы и другія мірскія власти постоянно вторгались въ церковныя суды. Само духовенство предпочитало духовному суду свѣтскій, продолжало подавать свои иски на постороннихъ въ разныхъ приказахъ, а также судиться у воеводъ и городскихъ властей; многіе монастыри судились по старому въ приказѣ большого дворца. Такъ было при двухъ слабыхъ престарѣлыхъ преемникахъ Никона; но ревностный первосвятитель Іоакимъ, взявшись твердою рукою за кормило Церкви, не допускалъ мірскаго вмѣшательства въ дѣла церковныя ¹⁶⁾; должности судей и сборщиковъ даней поручалъ онъ лицамъ духовнымъ, строго слѣдилъ, чтобы лица клира не подлежали суду мірскому, кромѣ преступленій уголовныхъ, которыя должна была судить власть свѣтская, и то не иначе, какъ съ вѣдома власти духовной. Между тѣмъ онъ предпринималъ мѣры, которыя должны были увеличить надзоръ духовной власти за дѣлами Церкви. На соборѣ 1675 года онъ опредѣлилъ, чтобы всѣ церкви и монастыри (кромѣ монастырей, приписанныхъ къ патріаршему дому), находившіеся по писцовымъ книгамъ въ той или другой епархіи, были въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея и чтобы никто изъ архіереевъ не имѣлъ въ чужой епархіи подвластныхъ себѣ церквей и монастырей. Этимъ распоряженіемъ уничтожились тѣ страшныя безпорядки, которые въ то время были такъ обыкновенны между духовенствомъ, особенно монашествующимъ, и къ которымъ вели толтъ называемыя „несудимыя грамоты“ и старый обычай, по которому нѣкоторые монастыри и церкви ускользали отъ надзора мѣстнаго архіерея, принадлежа архіерею другой епархіи ¹⁷⁾.

Въ ноябрѣ 1681 года патріархъ Іоакимъ созвалъ соборъ русскихъ святителей для разсужденія о дѣлахъ раскола. Соборъ просилъ благочестиваго царя Θεодора, чтобы „развратники и отступники (раскольники), которые по многомъ церковномъ ученіи и наказаніи, и по архіерейскомъ попеченіи явятся противны и святой церкви непокорны“,

¹⁶⁾ Когда Новгородцы били челомъ патріарху Іоакиму, чтобы духовнымъ лицамъ судиться по гражданскимъ дѣламъ не на митрополичьемъ дворѣ, а въ приказной палатѣ, патріархъ, отстаивая неподсудность духовенства мірскому суду, пригрозилъ имъ за эту участію Корея, Давана и Авирона, (Знаменскій. Руководство къ Русской церк. исторіи, стр. 276).

¹⁷⁾ Акт. истор. V. № 186. Акт. археогр. Эксп. IV. № 201 и 253.

были отсылаемы къ гражданскому суду, гдѣ и получали бы рѣшеніе, какого кто достоинъ, какъ было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ¹⁸⁾, при чемъ воеводы и приказные люди обязаны вполнѣ содѣйствовать церковной власти. По предложенію царя, соборъ положилъ: новоисправленныя книги безденежно выдавать каждому, кто только принесетъ книги прежнихъ изданій. Царь сообщилъ, что самоволіе заводить пустыни съ тѣмъ, чтобъ онѣ служили пристанищемъ раскола; оно же умножаетъ часовни, гдѣ народъ собирается слушать молитвы предъ сомнительными иконами, а оставляетъ святую литургію. Соборъ постановилъ: впредь не дозволять новыхъ подобныхъ пустынь, а живущихъ въ такихъ пустыняхъ, гдѣ вблизи живутъ мірскіе люди, вывести въ монастыри, храмы же обратить въ приходскія церкви; изъ числа же часовень оставить только тѣ, къ которымъ близка стража, прочія же закрыть.

Лучшими мѣрами, безъ сомнѣнія, были тѣ, которыя направлялись противъ самаго корня раскола, противъ народнаго невѣжества, которое предавало массы непросвѣщеннаго народа во власть злонамѣренныхъ расколо-учителей. Такъ смотрѣлъ на корень раскола патріархъ Іоакимъ, и на этомъ взглядѣ основывалась заботливость его о распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Патріаршая Чудовская школа, существовавшая въ Москвѣ, покровительствуемая Никопомъ и руководимая Епифаніемъ Славеницкимъ вмѣстѣ съ другими членами ученаго братства, пережила бурю бѣды Никона ¹⁹⁾. Послѣ паденія Никона ученые труды наставниковъ, возбудивъ толки въ толпѣ невѣждъ, нашли многихъ противниковъ и училищу и ученію: расколо-учители открыто вопіяли противъ книжныхъ исправленій, крѣпко держались за старину и въ свѣтѣ образованія хотѣли видѣть тьму бѣсовскую. Но слѣпое гоненіе на ученіе послужило только къ усиленному сознанію нужды ученія и вмѣсто разрушенія науки повело къ ея возрастанію.

Присутствовавшіе на великомъ соборѣ восточные патріархи Паисій и Макарій въ словѣ, предложенномъ отъ лица ихъ въ день Рождества Христова, убѣждали народъ и царя полюбить мудрость и позаботиться о заведеніи училищъ греческихъ и славянскихъ ²⁰⁾, а пасты-

¹⁸⁾ Въ томъ же году это соборное постановленіе подтверждено указомъ царскимъ, по которому главные расколуучители: Аввакумъ, Лазарь, Феодоръ и Епифаній, были сожжены всенародно, безъ сомнѣнія, въ той надеждѣ, что съ гибелью ихъ погибнетъ и все дѣло ихъ. Но это еще болѣе распалило ненависть раскольниковъ противъ патріарха, котораго они считали главнымъ виновникомъ казней.

¹⁹⁾ Чудовское училище существовало и въ 1666 году. Въ семь году Паисій Лигаридъ писалъ свой отвѣтъ шведскому посланнику о вѣрѣ грековъ и русскихъ относительно Евхаристіи въ училищѣ св. Алексія—in Alexiano Musaeo.

²⁰⁾ «Видишь,—сказано въ семь поученій,—яко во многѣхъ отъ васъ не имѣтъ премудрости мѣста, идѣже главу приклонити. Скитается она якоже Христосъ — Премудрость Божія, въ Видлесемскомъ вертецѣ, и нѣсть въмская ея... Оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ оставили есте и мудрость, и аки оземствовасте (изгнали) ю. Странніи роди и противніи вѣрѣ православной, на западѣ обитающіи, греческій языкъ яко свѣтили-

рямъ вмѣняли въ обязанность содѣйствовать царю доходами съ церковныхъ имѣній²¹⁾.

Тогда же нѣкоторые изъ боголюбивыхъ гражданъ Москвы подали просьбу о дозволеніи открыть училище при церкви св. Іоанна Богослова²²⁾. Оба патріарха восточные и Московскій патріархъ Іоасафъ благословили доброе намѣреніе двумя грамотами²³⁾. Но всѣ воззванія къ щедрости пастырей и настоятелей монастырскихъ остались тщетными. Церковныя и монастырскія отчины уже довольно были истощены частыми сборами на нужды государственныя. Дряхлые старцы-патріархи Іоасафъ и Пителимъ не предпринимали ничего для устройства училищъ. Царь озабоченъ былъ то укрощеніемъ бунтовъ, то вѣшными войнами. Неизвѣстно ничего даже о судьбѣ предполагаемаго училища при церкви Іоанна Богослова.

Станнымъ кажется, какъ не настояль объ учрежденіи училища въ Москвѣ сильный при дворѣ, молодой образованный инокъ, съ пылкою дѣятельностію, ученикъ уважаемаго царемъ архипастыря черниговскаго Лазаря Барановича, учитель царевича Феодора Алексѣевича, Симеонъ Полоцкій. Но, прибывъ въ Москву въ 1664 году, онъ, хотя и принималъ участіе въ ученыхъ трудахъ на пользу Церкви Русской, однако болѣе семи лѣтъ жилъ простымъ инокомъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Около 1672 г. сдѣлался онъ наставникомъ царевича Феодора: съ этой поры сталъ онъ болѣе имѣть силы и вліянія на другихъ. Но, къ несчастію, онъ не знакомъ былъ съ греческимъ языкомъ, а его латинское образованіе отчуждало отъ него строгихъ къ православію иноковъ и іерарховъ.

При патріархѣ Іоакимѣ пришло наконецъ время, когда завѣщенное восточными первосвятителями дѣло должно было исполниться. Въ 1673 году возвратился въ Москву изъ путешествія по востоку нѣкто іеромонахъ Тимофей и принесъ съ собою извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпѣло тогда православіе на востокѣ, особенно въ Іерусалимѣ, отъ латинянъ, домогавшихся не только овладѣть всѣми святыми мѣстами въ Палестинѣ, но и привлечь всѣхъ въ покорность папѣ. Дошло это и до свѣдѣнія юнаго царя. Сожалѣя объ участи христіанъ восточ-

никъ держать, ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Здѣ тоцію лѣности ради зѣло обездѣнися (греческій языкъ)». Изъ рукописи Моск. Дух. Академіи № 68.

²¹⁾ «Не хотимъ же,—говорили патріархи,—да вся тягота и бремя на прекрѣпкій царскій престолъ возложится, яко едва не безконечная имѣющій иждивенія на оборону и утвержденія своя державы. Но токмо хотимъ, да раздѣлится на архіерей и на избраннѣйшія начальныя архимандриты, яко имѣющихъ многія отчины и доходы довольныи» (Изъ той же рукописи).

²²⁾ Въ рук. Синод. библ. подъ № 130, л. 153, есть письмо прихожанъ сей церкви къ неизвѣстному лицу, гдѣ сказано: «Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливше вещь, сирѣчь словенскія грамматики училища сстроеніе учителя и учениковъ пристязжаніе, написахомъ челобитную ко пресвѣтлому царскому величеству, да изволитъ намъ сіе начинаніе къ совершенію возводить».—Слич. Истор. Росс. іерархій, ч. I, стр. 420.

²³⁾ Обѣ грамоты помѣщены въ прибавл. къ Творен. Св. Отцовъ. 1845, стр. 168—171

ныхъ, онъ пожелалъ учредить училище греческое въ Москвѣ, дабы оказать какую-нибудь помощь угнетаемому православію. Патріархъ Іоакимъ охотно согласился съ мыслию государя. Собрано было до 30 учениковъ; избранъ учителемъ проживавшій въ Москвѣ ученый грекъ Мануилъ ²⁴⁾, а послѣ него іеромонахъ Іоакимъ, также изъ грековъ; ректоромъ училища назначенъ самъ Тимоѳей, котораго патріархъ причислилъ къ своему домовому клиру. Училище открыто было при типографіи. „И невозможно изобразить, — пишетъ одинъ изъ учениковъ сего училища, — какъ заботились о немъ самъ благочестивѣйшій государь и святѣйшій патріархъ. Едва не каждую недѣлю приходили они въ типографію и порознь, и вмѣстѣ, и явно, и тайно, чтобъ утѣшаться новымъ и неслышаннымъ дѣломъ, надѣляли учащихся и одеждою и червонцами ²⁵⁾. Не менѣе радовался и патріархъ іерусалимскій Досіеѳей, когда узналъ о благотворномъ предпріятіи на пользу духовнаго просвѣщенія ²⁶⁾. Скоро начатки еллинскаго ученія показались малы для щедротъ государя, и онъ пожелалъ дать школѣ болѣе обширныя размѣры и преобразовать ее въ академію, но, не успѣвъ привести это дѣло въ исполненіе, скончался. Незадолго до ранней кончины онъ обратился къ патріархамъ восточнымъ съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и учености наставниковъ.

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ едва появилась еще заря науки, свѣтъ просвѣщенія колебался и едва не погасалъ на югѣ Руси: Братская коллегія въ Кіевѣ страдала отъ бури мятежей и неустройства, объявившей всю Малороссію. Около 1657 года Кіево-Богоявленскій монастырь, со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями и училищемъ, до-гла былъ истребленъ страшнымъ пожаромъ. Коллегіи въ это тяжкое время уже не существовало, послѣдніе изъ возмужавшихъ питомцевъ ея взяли за оружіе, чтобы отмстить врагамъ отечественнаго спокойствія за гибель и разрушенія, внесенныя ими. Нѣсколько лѣтъ спустя, при ректорѣ Іоанникии Голятовскомъ предпринято возстановленіе разрушенныхъ зданій, но успѣли построить только деревянную Богоявленскую церковь и нѣсколько убогихъ хижинъ для небольшого остатка уцѣлѣвшихъ учениковъ! Въ 1665 году въ самыхъ

²⁴⁾ Вѣроятно, тотъ самый, который похороненъ въ Московскомъ Заиконоспаскомъ монастырѣ, въ 1694 г., по прозванію Левендаговъ, какъ сказано въ надгробной надписи. Др. Вив. ч. XVIII, стр. 201.

²⁵⁾ «Истор. извѣстіе о Московской Академіи», составленное Поликарповымъ. Др. Вивл. XVI, стр. 296.

²⁶⁾ Досіеѳей писалъ къ царю Феодору: «Благодаримъ Господа Бога, яко во дни сятаго вашего царствія благоволи быти въ царствующемъ вашемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостоль; еллини бяху святіи отцы; еллински написанеса дѣяніе святыхъ соборовъ и св. отцовъ списаніе и всѣ святыя церкви книги, и сіе есть Божественное дѣло, еже учити христіанамъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писали суть, и познавати толкованіе ихъ удобно и наипаче, дабы отдалени были отъ латинскихъ, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожества.—Собр. госуд. грам. IV. № 135.

окрестностях Кіева открылись военныя дѣйствія, и коллегія снова подверглась совершенному разрушенію.

Всѣ эти бѣдствія проистекали изъ междоусобій, раздиравшихъ несчастную Украину послѣ кончины доблестнаго гетмана Богдана Хмельницкаго и митрополита Сильвестра. Между тѣмъ какъ война польская продолжалась съ обоюдными успѣхами и неудачами, самая Малороссія едва не отпала отъ державы московской, измѣною гетмана Виговскаго, избраннаго вопреки законныхъ правъ сына Хмѣльницкаго, Юрія. Одинъ только Кіевъ остался неизмѣнно вѣрнымъ царю. Мечтая о совершенной независимости Украины, Виговскій плѣнился ложными обѣщаніями Польши о свободѣ гражданской и духовной и обагрилъ кровію благословенную страну, присоединеніе которой не стоило ни единой капли крови. Поляки и хищные крымцы воспользовались ея неустойчивостію, чтобы грабить подъ видомъ союзниковъ то Виговскаго, то Юрія. Самъ Юрій явился за булавою отца своего, получилъ утвержденіе отъ царя, измѣнилъ ему и кончилъ иночествомъ, во цвѣтъ лѣтъ, странное и бурное свое поприще.

Въ столь же печальномъ разстройствѣ находилась, со времени кончины Сильвестра Коссова, кіевская іерархія, страдавшая внутренними раздорами и слабостію двухъ своихъ первосвятителей. Первый изъ нихъ, Діонисій Балобанъ (1657—1663), прежде избранія въ митрополиты былъ администраторомъ на Волыни отъ имени Сильвестра Коссова и состоялъ въ санѣ епископа луцкаго и острожскаго. Избранный въ кіевскіе первосвятители, Діонисій Балобанъ истребовалъ на это благословіе отъ константинопольскаго патріарха Паренія. Нежеланіе его снестись предварительно о своемъ избраніи съ патріархомъ московскимъ было причиною того, что царь Алексѣй Михайловичъ не призналъ Діонисія митрополитомъ и повелѣлъ посвященному тогда въ Москвѣ изъ кіевлянъ епископу мстиславскому и оршанскому Меодію быть блюстителемъ кіевской митрополіи. Къ стыду православія, Діонисій усердно содѣйствовалъ измѣнѣ Виговскаго и вмѣстѣ съ нимъ присягнулъ въ вѣрномъ исполненіи статей Гадячскаго договора, предававшаго Малороссію во власть Польши. Онъ окончилъ жалкую и многмятежную жизнь свою въ Корсунѣ, не смѣя показаться въ Кіевъ, но удерживая за собою власть святительскую до самой кончины.

Православное духовенство и шляхетство лѣвой стороны Днѣпра избрали въ митрополиты Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго (1663—1676), бывшаго епископа могилевскаго, удалившагося въ Чигиринъ отъ преслѣдованія униатовъ. Приверженцы Польши съ своей стороны избрали въ митрополиты Антонія Вѣнницкаго и убѣдили короля заточить Іосифа въ Маріенбургскую крѣпость ²⁷⁾.

Въ началѣ 1665 года выступилъ на поприще общественной дѣятельности Петръ Дорошенко, простой чигиринскій казакъ, ознаменовавшій послѣдующую жизнь свою смѣлыми подвигами и разными зло-

²⁷⁾ Маркевичъ. Истор. Малор. II, 102.

дѣянiями. Онъ захватилъ въ свои руки власть гетманскую. По просьбѣ его король приказалъ освободить изъ заточенiя митрополита Иосифа и возвратить его на родину. Но Иосифъ не смѣлъ явиться въ Кiевъ какъ потому, что боялся негодованiя царскаго на принятiе митрополiи, безъ вѣдома и согласiя московскаго двора, такъ и потому, что ни кiевское духовенство, ни малороссiйскiе казаки правой стороны Днѣпра, какъ не участвовавшiе въ избранiи Тукальскаго, не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ. Въ Кiевѣ между тѣмъ мѣстоблюститель Меодiй явился возмутителемъ ²⁸⁾ противъ благодѣтеля своего, царя православнаго. Вскорѣ послѣ того Дорошенко поддался Туркамъ, по наущенiю митрополита Иосифа, который, не внимая совѣтамъ лучшихъ людей Украйны ²⁹⁾, чрезъ это постыдное дѣло потерялъ уваженiе народное. Малороссiи предстояло быть союзницею поклонниковъ Магомета, если бы Андрусовскiй договоръ (1667 г.) не остановилъ этого гибельнаго дѣла въ самомъ его началѣ. Россiя заключила перемирие съ Польшею и, взявъ на себя покровительство надъ исповѣдующими вѣру православную, успокоила тѣмъ волненiе въ народѣ, а уступка Кiева со всѣми къ нему принадлежностями и военными снарядами во власть царю на два года послужила первымъ звеномъ, неразрывно связавшимъ юго-западную Россiю съ сѣверо-восточной.

Блюстителемъ престола кiевской митрополiи отъ царя былъ назначенъ черниговскiй архiепископъ Лазарь Барановичъ. Съ перваго же раза онъ благотворно подѣйствовалъ на взволнованныя умы несчастной Украйны и способствовалъ къ возстановленiю въ ней возможной тишины. Въ 1669 году Барановичъ уговорилъ послать въ Москву посольство о принятiи всей Малороссiи въ подданство, о прощении вины ея и о подтвержденiи казацкихъ вольностей. Между прочимъ поручено было членамъ сего посольства настоять на томъ, чтобы

²⁸⁾ Меодiй попался въ руки Дорошенки и отосланъ къ митрополиту Иосифу, который предалъ его суду, лишилъ епископскаго сана и заточилъ въ монастырь Уманскiй. Оттуда бѣжалъ онъ и явился въ Кiевѣ, но, схваченный бояриномъ Шереметевымъ, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь подъ крѣпкою стражею въ монастырѣ Новоспаскомъ.

²⁹⁾ Еще Хмельницкiй говорилъ нѣкогда: «Христiанамъ самопроизвольно отдаться во власть невѣрныхъ, сдружиться и слиться съ ними есть грѣхъ смертельный, поступокъ позорный и предосудительный,—есть почти самоубiйство. Имѣя съ невѣрными неразрывное сообщенiе, невозможно не совратиться съ пути христiанскаго и не заризаться бусурманскими мерзостями. Мы останемся тогда какъ обломанное судно въ простиранномъ морѣ, обуреваемое со всѣхъ сторонъ и не имущее пристанища и надежды къ спасенiю, и будемъ то же, что были послѣ нашествiя Батяя подъ властiю татаръ: невольники, въ богослуженiи отступники и рабы, гибнущiе душою и тѣломъ» (Маркевичъ. Истор. Малор. I, 332). А Лазарь Барановичъ, архiепископъ черниговскiй, писалъ къ Иосифу, склоняя его на подданство Москвѣ: «Подъ бусурманскою рукою стонетъ Греция и по настоящее время, и самихъ патрiарховъ вѣшаютъ: о, невольная вольность! И для чего подъ такое ярмо класть шею? Греки рады бы освободиться отъ него, Русь сама лѣзеть. Я свои овцы черниговскiя поставилъ на путь, и вы, всяя Россiи пастырь, ведите всю Русь къ монарху русскому, а сами летите на престолъ свой, какъ на гнѣздо свое. Знаю, что благодушный монархъ достойно избраннаго на митрополiю пастыря велѣлъ бы принять милостиво» (С. Терновскiй. Изслѣд. о подчиненiи Кiев. митрополiи моск. патрiарху, стр. 50).

не отдавать Полякамъ Кіева,—„сега, какъ сказано въ инструкціи, первопрестольнаго града царства русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возсіяла благодать Божія“. Тогда же состоялись статьи такъ называемаго Глуховскаго договора; Дорошенко отвергнуть, и Демьянъ Многогрѣшный принялъ гетманскіе клейноды и присягнулъ въ вѣрности государю.

Истекаль срокъ Андрусовскому договору; надо было возвратить Кіевъ польской коронѣ. Всегда праводушный и вѣрный слову, царь Алексѣй Михайловичъ, можетъ быть, и исполнилъ бы это; но обстоятельства были сильнѣе его царской воли. Гетманъ Многогрѣшный, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель настоятельно требовали, чтобъ не отдавать священнаго города врагамъ православія, и царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился: въ концѣ 1679 года Кіевъ окончательно присоединенъ къ державѣ русской. Разъ утвердивъ это, царь уже не отступалъ ни предъ какими угрозами и на неоднократныя требованія польскаго правительства твердо отвѣчала одно: „не отдамъ Кіева“. И Кіевъ, колыбель русскаго православія, остался навсегда достояніемъ державы русской³⁰⁾.

Грустно и смутно померкла вечерняя заря многомятежной жизни митрополита кіевского Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго. Онъ скончался въ Чигиринѣ, въ 1676 году. Увлекаемый обстоятельствами и слабымъ характеромъ, тяжкими несчастіями заплатилъ онъ за свои политическія ошибки; но потомство не упрекнетъ его въ измѣнѣ православію и самую привязанность его къ недостойному Дорошенко отнесеть къ движенію благородно-признательной души. Братская коллегія не забыла его посильной благотворительности; не отъ избытковъ онъ жертвовалъ ей, а дѣлился собственнымъ кускомъ хлѣба, ибо отдалъ ей то, что ему самому дано было на пропитаніе³¹⁾. Смуты и нестроенія своей родины, а всего болѣе Церкви, глубоко волновали его добрую, но слишкомъ довѣрчивую душу, а отсутствіе возможности

³⁰⁾ На съѣздѣ бояринъ князь Одоевскій говорилъ уполномоченнымъ польскимъ: «Россія не въ противность договоромъ владѣетъ всею западною Украиною, а слѣдовательно и Кіевомъ. Всѣ эти города и Кіевъ завоеваны Россіею не у Поляковъ, а у Турокъ. Польша не имѣла права безъ совѣщанія съ Россіею отдавать султану задніпровскую Украину, а если ужъ она отдала ее, то не въ правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ владѣла держава христіанская, а не магометане. Впрочемъ, что бы ни говорили противъ этого, а Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не будетъ возвращенъ королевству (Маркевичъ. Истор. Малор. II, 187). Въ память этого радостнаго для всей православной Россіи событія государь принесъ въ даръ Кіево-Печерской лаврѣ ризы серебрянаго глазета съ золотыми цвѣтами; оплечье этихъ ризъ по красному бархату богато унизано жемчугомъ.

³¹⁾ Получивъ отъ Дорошенко «на столовое содержаніе» мѣстечко Стайки, Іосифъ не захотѣлъ пользоваться этимъ даваніемъ и подарилъ его кіево-братской коллегіи. «Хотя я и самъ борзо нищетенъ,—писалъ онъ въ своей грамотѣ,—но отдѣляю ихъ (Стайки), какъ двѣ лепты вдовицы, на поддержаніе того обнищавшаго святаго мѣста» (Памятя. временной ком. въ Кіевѣ. II, 232).

поправить дѣло своей іерархіи сокрушало его безмѣрно. „По беззаконіямъ моимъ,—писаль онъ 9 августа 1670 года къ боярину Ордыну Нащокину, — которымъ нѣтъ числа, не признаю я себя душою, страждущею за благочестіе. Въ горести душа моя. Какъ могу назваться пастыремъ, когда растеряно стадо? О, да соберетъ его Создатель и Искупившій Своею кровію“ ³²⁾).

Таково было бѣдственное положеніе южно-русской митрополи, еще отдѣленной отъ цѣлости отечественной Церкви, подъ недѣйствительною, а только номинальною зависимостью отъ патриарховъ Цареградскихъ.

³²⁾ Филаретъ, архіеп. черниговскій. Истор. Р. Церкви. Періодъ IV, стр.

Г Л А В А VIII.

Уничтоженіе мѣстничества.—Кончина царя Θεодора.—Цари Іоаннъ и Петръ подъ опекою царевны Софіи.—Стрѣлецкій и Раскольникій мятежи въ Москвѣ.—Строгія мѣры противъ раскола.—Усиленіе раскола и раздѣленіе его на толки.—Борьба патріарха съ расколомъ и папизмомъ.—Развитіе устной проповѣди.—Законоспасская академія.—Братья Іоанникій и Софроній Лихуды.—Споры о „пресуществленіи“ въ таинствѣ Евхаристіи.—Подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху.—Виды патріарха Іоакима относительно южныхъ славянъ.

Въ числѣ многихъ заслугъ для отечества бдительнаго и ревностнаго первосвятителя Іоакима нельзя умолчать объ участіи его въ уничтоженіи пагубнаго мѣстничества ¹⁾. Когда, по челобитной выборныхъ людей, представленной царю Θεодору бояриномъ княземъ В. Голицынымъ, созванъ былъ Земскій соборъ (12 января 1682 года), патріархъ произнесъ сильную рѣчь отъ лица духовенства ²⁾: всѣ члены собора пристали къ мнѣнію патріарха, и разрядныя книги были

¹⁾ Устряловъ въ своей Русской Исторіи говоритъ, что «мѣстничество въ нѣкоторомъ смыслѣ стѣсняло даже власть самодержавную, ибо воля государя была священна во всѣхъ случаяхъ, кромѣ расчетовъ объ отечествѣ: подданные безпрекословно исполняли всѣ велѣнія его, не роптали на самыя тяжелыя опалы, отнимавшія у нихъ имущество, свободу, жизнь: но какъ скоро сталкивались права родословныя, обиженный отказывался отъ назначенной ему должности и часто охотнѣе подвергался ссылкѣ въ Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени съ товарищемъ, прапрадѣдъ котораго былъ ниже въ званіи въ сравненіи съ его прапрадѣдомъ. Легко вообразить до какой степени озабочивали государя пустые споры людей самыхъ близкихъ къ престолу, и сколь пагубны были неминуемыя слѣдствія несогласія, поражаемаго мѣстничествомъ, особенно въ военное время. Эти споры погубили Шеина подъ Смоленскомъ, Ромодановскаго подъ Конотопомъ, Шереметева подъ Чудновымъ и Хованскаго въ Литвѣ».

²⁾ Патріархъ сказалъ, между прочимъ, что отъ мѣстничества, «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ вредительная происходила, и благое начинаніе яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точию родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковымъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, тобъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никакой достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе» (Соловьевъ, Исторія Росс., XIII, 320).

сожжены въ присутствіи царя и собора. Такимъ образомъ дѣла государственныя начали приходить въ порядокъ при тихомъ шестилѣтнемъ правленіи царя Ѳеодора: усмирилась Малороссія, и съ Портою заключенъ былъ миръ, также съ другими сосѣдями, Швеціею и Польшею. Благоденствовала и Церковь: патріархъ Іоакимъ старался угашать расколы, распространять просвѣщеніе въ училищахъ духовныхъ и даже для лучшаго надзора за духовенствомъ и паствою хотѣлъ учредить въ расширяющемся царствѣ до пятидесяти кафедръ епископскихъ, мѣстныхъ и викарныхъ. Предпріятіе рушилось съ преждевременною смертію бездѣтнаго царя Ѳеодора (27 апрѣля 1682 года) и государство временно погрузилось въ смуты и волненія, изъ которыхъ исторгла его только мощная десница возмужавшаго Петра.

Неистовый стрѣлецкій бунтъ былъ началомъ золь, когда патріархъ съ благонамѣренными боярами провозгласилъ на царство вмѣсто болѣзненнаго Іоанна ³⁾ десятилѣтняго бодраго Петра, подъ управленіемъ матери его царицы Наталіи и добродѣтельнаго боярина Матвѣева. Честолюбивая царевна Софія, дѣйствуя втайнѣ съ родственными ей Милославскими, взволновала стрѣльцовъ, и жертвами ихъ сдѣлались въ теченіе трехдневнаго бунта Матвѣевъ, Нарышкины и всѣ бывшія опоры царствованія Алексія и Ѳеодора; едва не погибъ самъ патріархъ, устремившійся съ Краснаго крыльца увѣщавать толпу. Вынужденное провозглашеніе Іоанна для соцарствованія Петру и приглашеніе Софіи управлять государствомъ совокупно съ малолѣтними братьями были плодами перваго мятежа стрѣлецкаго, стойваго отечеству столько драгоцѣнной крови.

Спустя нѣсколько дней, смятеніе гражданское приняло личину церковнаго. Когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ кровопролитія, раскольники подговорили стрѣльцовъ Титова полка „постоять за старую вѣру“. Никогда расколъ повидимому не имѣлъ лучшаго времени для выполненія самыхъ безразсудныхъ замысловъ. Начальникомъ стрѣльцовъ былъ князь Хованскій, тайный приверженецъ раскола. Хованскій, не столько желая защищать расколъ, сколько стать первымъ при тронѣ, оказалъ покровительство заговорщикамъ. Они желали доставить себѣ болѣе, чѣмъ полную свободу: они желали получить всю власть въ свои руки и отмстить какъ за Соловецкую осаду, такъ и за казнь Аввакума и его сообщниковъ. Хованскій далъ имъ въ предводители Никиту Пустосвята, уже нѣсколько разъ осужденнаго за расколъ ⁴⁾. Подобные Никитѣ, соловецкій бѣглець Савватій и другіе, нарочно вызваны были въ Москву. Они настаивали немедленно приступить къ перемѣнамъ. Хованскій едва уговорилъ ихъ не спѣ-

³⁾ «Скорбнаго главою», по выраженію современниковъ, и вовсе неспособнаго къ дѣламъ правленія.

⁴⁾ Послѣ своего покаянія на соборѣ 1667 г. Никита опять совратился въ расколъ и успѣлъ приобрести себѣ у раскольниковъ громкую репутацію непобѣдимаго книжника. Самъ Хованскій сказалъ про него, «что онъ всѣмъ заградить уста, что и прежде никто не могъ его перекрывать».

нить, польстивъ ихъ обѣщаніемъ, что предстоящее вѣнчаніе царей (23 іюня) совершится по старымъ книгамъ. Никита и другіе бродяги ходили между народомъ, призывая на защиту стараго благочестія. „Постойте, стойте, православные, за истинную вѣру, не принимайте новой Никоновой“, шумѣлъ Пустосвятъ. Выборные Титова полка ходили съ тѣмъ же по стрѣлецкимъ полкамъ. Волненіе становилось общимъ, хотя большинство стрѣльцовъ (исключая Титова полка) не согласились подписываться подъ челобитную, составленную бродягой монахомъ Сергіемъ.

По настояніямъ Хованскаго, назначенъ день для выслушанія челобитной—5 іюля 1682 года. Въ этотъ день толпы раскольниковъ съ шумомъ ворвались въ кремль. Неся предъ собою аналои, образа, зажженныя свѣчи, а за пазухами каменя, они подошли къ Архангельскому собору и расположились на площади. Сергій взошелъ на скамью и читалъ вслухъ соловецкую челобитную. Возбужденный фанатиками, народъ грозно волновался. Первосвятитель съ соборомъ святителей совершалъ моленіе объ усмирении мятежа. Изъ храма онъ выслалъ протопопа съ напечатаннымъ увѣщаніемъ народу и съ обличеніемъ клятвoprеступному Никитѣ. Раскольники едва не убили посланцаго. Послѣ молебна патріархъ возвратился въ Крестовую палату. Князь Хованскій не разъ присылалъ требовать, чтобы патріархъ вышелъ на площадь; съ тѣмъ же требованіемъ явился онъ и во дворецъ, куда приглашенъ былъ Софіею патріархъ. Софія и патріархъ видѣли памфлетнаго заговорщиковъ; да и страшный опытъ былъ такъ недавно. Софія, царица Наталія, двѣ царевны объявили, что не оставятъ церкви и ея пастырей безъ защиты. Хованскому сказано, что собраніе будетъ въ Грановитой палатѣ въ присутствіи царственныхъ особъ; тамъ выслушана будетъ и челобитная.

Долго заговорщики не хотѣли разстаться съ площадью, однако соборъ открылся въ палатѣ. Близъ правительницы, царицы и царевенъ сидѣли съ патріархомъ 7 митрополитовъ, 5 архіепископовъ, 2 епископа, между ними святитель Митрофанъ. Нѣсколько архимандритовъ и пресвитеровъ, бояре и выборные войска стояли. Раскольники, по знаку Хованскаго, вошли въ палату съ шумомъ, съ образами, аналоями, свѣчами. Они подали челобитную. Софія приказала читать ее.

„Бьютъ челомъ, такъ начиналась челобитная, священнической и иноческой чинъ и вси православніи христіане, oprично тѣхъ, которые Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ“. Патріархъ замѣтилъ: „книгъ старыхъ не хулимъ мы, напротивъ по нимъ и по греческимъ исправляются позднія испорченныя; вы, судіи старой и новой вѣры, еще не касались и грамматики, а принимаете на себѣ судить о вѣрѣ, еще не касались и грамматики, а принимаете на себѣ судить о вѣрѣ, что принадлежитъ пастырямъ“. Дерзкій Никита, несмотря на то, что ему запрещено было говорить, сказалъ съ грубостію: „мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматѣхъ“, и продолжалъ шумѣть въ томъ же тонѣ. Холмогорскій архіепископъ

Аванасій, самъ прежде бывшій въ расколѣ, замѣтилъ Никитѣ дерзость и грубость его. Пьяный разстрига въ порывѣ ярости бросился на архипастыря, хотѣлъ бить его и едва удержанъ былъ однимъ изъ выборныхъ. Далѣе въ челобитной читали: „цари изнемогоша, архіереи падоша; просимъ, чтобы великіе государи взыскали старое правдѣа и дѣда ихъ благочестіе“. Выраженное въ этихъ словахъ сомнѣніе о православіи царей, Алексѣя и Феодора, особенно раздражило пылкую Софію: она вскочила съ мѣста и грозила, что все царское семейство послѣ этого уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы трусили этой угрозы, потому что въ случаѣ ухода царскаго семейства изъ Москвы на нихъ поднялись бы всѣ войска и вся земля; они поспѣшили успокоить гнѣвную правительницу⁵⁾. Патріархъ взялъ въ одну руку Евангеліе св. Алексія, въ другую—соборное установленіе патріаршества. Первое показывалъ, какъ улику упорству, не желающему переменить въ старомъ ни одной буквы. Въ послѣднемъ прочелъ Символь вѣры, гдѣ написанъ онъ безъ прибавленія слова о Святомъ Духѣ: „и истиннаго“, тогда какъ эта прибавка печаталась при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ. По отношенію къ изображенію святаго креста указалъ на сосуды преподобнаго Антонія Римлянина. Сдѣлано было и еще нѣсколько указаній въ древнихъ книгахъ по главнымъ пунктамъ спора.

Чувствуя, что ничего не сдѣлали для себя, невѣжды подняли неистовый крикъ: „вотъ-такъ, вотъ-такъ!“ кричали они, поднявъ двухперстное знаменіе. Мятежникамъ сказано, что рѣшеніе имъ будетъ объявлено. Царственныя особы удалились; за ними вышли патріархъ и прочіе.

Невѣжды возвращались изъ кремля съ крикомъ: „побѣдили!“ На лобномъ мѣстѣ еще разъ поставили аналой и кричали: „вѣруйте пб-нашему, мы переспорили всѣхъ архіереевъ“. За Яузою отзвонили въ колокола.

На утро разстригѣ Никитѣ, выданному стрѣльцами выборными, была отрублена голова на лобномъ мѣстѣ; товарищи Пустосвята разосланы были по дальнимъ монастырямъ, многіе разбѣжались⁶⁾.

Послѣ столь явнаго и столь неистоваго мятежа въ самыхъ палатахъ царскихъ правительство принуждено было прибѣгнуть къ самымъ строгимъ, согласно духу времени, мѣрамъ для усмиренія раскольниковъ: расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, назначено казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за укрывательство раскольниковъ виновныхъ бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество расколь-

⁵⁾ Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ сказали царевнѣ: «цора, государыня, давно вамъ въ монастырь: только-де царствомъ мутить».

⁶⁾ Въ числѣ послѣднихъ былъ и Савва, позднѣе написавшій раскольничью «исторію о вѣрѣ, или сказаніе о соборѣ 1682 года». Отобранная у товарищей Пустосвята при слѣдствіи надъ ними книга показала, какими низкими уловками вовлекали они простыхъ людей въ обманъ. Въ этой старинной книгѣ всѣ слова, которыя говорили противъ раскола, были подскоблены и замѣнены другими, согласно съ мыслями раскола.

никовъ въ отчаяніи бросились за границу ⁷⁾ или укрывались отъ правительства въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣвера и Сибири; самые рьяные изуверы сами стремились на казни, какъ на мученіе за вѣру, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самоожженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ множество послѣдователей.

Между тѣмъ расколъ, отвергнувъ церковный авторитетъ и предоставленный самому себѣ, распался на множество толковъ. Прежде всего, вслѣдствіе отверженія православной іерархіи, между раскольниками возникъ трудный вопросъ: „откуда брать священниковъ?“ Одни стали брать ихъ у Церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая въ нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоставивъ всѣ требоисправленія выборнымъ мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ: „Поповщина“ и „Безпоповщина“, которые въ свою очередь распались на множество великихъ толковъ ⁸⁾, раздѣленныхъ другъ отъ друга или обрядовыми разностями, или степенью отрицательнаго отношенія ихъ къ Церкви и государству. Ничѣмъ необуздываемое отрицаніе часто принимаетъ въ нихъ характеръ уже не раскола, а чистой ереси ⁹⁾. Еретическій характеръ раскольническаго отрицанія главнымъ образомъ выразился въ отверженіи православной іерархіи, отверженіи таинствъ: евхаристіи, священства и брака, или въ ложномъ представленіи о силѣ и способахъ совершенія этихъ и другихъ таинствъ, въ смѣшеніи ихъ съ обрядами, раздаваніи, напр., вмѣсто евхаристіи пасхальнаго хлѣба (артоса) и богоявленской воды. Крайняя степень отрицанія выразилась въ „Нѣтовщинѣ“, которая совершенно отвергнула всѣ таинства и обряды и, отчаянно опустивъ руки, все предоставила Богу: „пусть спасетъ, какъ Самъ вѣдаетъ“.

Послѣ раскольничьяго бунта московскаго правительство приняло особыя настоятельныя мѣры. Неутомимый патріархъ Іоакимъ составилъ пространное опроверженіе челобитной, представленной собору

7) Многія тысячи раскольниковъ, преступая клятву къ вѣрности царю, бѣжали за границу и завели тамъ гнѣздо раскола. Такъ основались въ Лифляндіи извѣстныя поселенія раскольниковъ по берегу Пейпуса. Другіе въ 1683 году перешли за рубежъ польскій и основали долго бывшую въ славѣ у раскольниковъ Вѣтку и столь же славное Стародубе. Иные дѣлали еще хуже: бѣжали въ Крымъ къ татарамъ и оттуда вмѣстѣ съ мусульманами то съ моря, то сухимъ путемъ дѣлали набѣги на Россію, грабили и убивали христіанъ; или скрывались въ гребняхъ Кавказа близъ рѣкъ Терека и Кумы и оттуда дѣлали набѣги на мирныхъ поселенцевъ, по примѣру дикихъ горцевъ.

8) Цѣль и предѣлы нашихъ Разказовъ не дозволяютъ намъ входить въ подробности исторіи раскола и его толковъ.

9) Не говоримъ здѣсь о ересяхъ случайныхъ, не составляющихъ сущности раскола, каковы, напр., мнѣніе Аввакума, что Троица тресущна въ трехъ равныхъ естествахъ, что Христосъ Богъ особый сидитъ на четвертомъ престолѣ, содѣрствуя Троицѣ, что душа человѣка и ангелы плотовидны; или противоположное мнѣніе дьяка Ѳеодора, что Троица несѣкома, одно лицо. Подобныя мнѣнія зависѣли отъ личнаго невѣжества расколоучителей.

1682 года, сочиненіе, достойное христіанскаго пастыря и по духу, и по изложенію, въ которомъ видна обширная ученость, умъ глубокой и основательный. Оно составляетъ какъ бы отчетъ въ поправкахъ богослуженія, на которыя расколъ указывалъ, какъ на отступленіе отъ вѣры истинной. Каждой такой поправкѣ показаны основанія въ подлинной священной древности. „Увѣтъ духовный“ (такъ названо опроверженіе челобитной) разосланъ былъ ко всѣмъ архипастырямъ для чтенія по всѣмъ церквамъ. Сверхъ того патриархъ издалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій противъ раскола ¹⁰⁾ и отправилъ въ разныя мѣста избранныхъ имъ увѣщателей. Такъ архіепископъ холмогорскій Аванасій, возвратившись въ свою епархію, ревностно дѣйствовалъ тамъ противъ „поморянъ“ ¹¹⁾. Онъ собралъ обширную бібліотеку рукописей для вразумленія невѣждъ и написалъ для нихъ: „Щитъ вѣры“. Въ сибирскіе остроги и волости въ 1688 г. посланъ былъ іеродіаконъ Михаилъ „для исправленія церковныхъ догматовъ и духовныхъ дѣлъ“, поставленный послѣ въ игумена Енисейскаго съ тѣмъ же назначеніемъ ¹²⁾. Игнатій Корсаковъ въ 1689 г. въ санѣ Новоспасскаго архимандрита отправленъ былъ въ Кострому и Кинешму для увѣщанія тамошнихъ раскольниковъ. Казанскій митрополитъ Адріанъ написалъ для своей паствы „О крестномъ знаменіи“.

Письменная дѣятельность патриарха Іоакима не ограничивалась обличеніемъ расколо-учителей: онъ долженъ былъ вести борьбу и съ папизмомъ. Польско-латинское вліяніе начало беспокоить русскую іерархію еще при жизни Славеницкаго, вскорѣ по прибытіи въ Москву Симеона Полоцкаго. Между этими представителями двухъ направленій кіевскаго образованія стараго—еллино-славянскаго и новаго—польско-латинскаго, съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Епифанія и старалась его авторитетомъ ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему кроткому и миролюбивому характеру Епифаній не входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ и своего несочувствія къ образу его мыслей, напр., указывалъ на то, что въ основу своего „Вѣнца Вѣры“ Полоцкій принялъ не Никейскій, а мнимо-апостольскій католическій Символь вѣры. Когда Епифанію было поручено исправлять Библию, онъ не принялъ Полоцкаго въ число своихъ сотрудниковъ, какъ человѣка не знающаго греческаго языка, а знающаго лишь одинъ латинскій, и замѣтилъ, что вообще въ послѣднее

¹⁰⁾ Таковы: 1) «Извѣщеніе чудесе, бывшаго въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, о сложеніи трехъ первыхъ перстовъ, имже подобаетъ воображати крестное знаменіе на себѣ всякому православному христіанину, по древнепреданному отъ отцевъ преданію» напечат. 1677 г. 2) «Поученіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ» 1681 г. 3) «Слово благодарственное Господу Богу... за избавленіе Церкви отъ раскольниковъ 5 іюля 7190 г. 4) «Посланіе ко всѣмъ возлюбленнымъ святыя, восточныя, православныя Церкви сынамъ»... 5) Списокъ съ соборнаго опредѣленія о казни Никиты Пустосвята. 1682 г. 6) Клятвенное объявленіе на ругатели св. иконъ послѣ 1684 года.

¹¹⁾ Истор. акты V, № 93.

¹²⁾ Тамъ же, № 160.

время въ Кіевѣ читають однѣ латинскія книги и отъ этого иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія Полоцкій, оставшись безъ соперниковъ, началъ еще рѣзче отъзывать о невѣжествѣ москвитянъ, держалъ себя заносчиво и гордо, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. Патріархъ Іоакимъ былъ сильно раздраженъ противъ гордаго придворнаго монаха, обвинялъ его въ „хлѣбопоклоннической ереси“ (такъ какъ онъ училъ поклоняться хлѣбу въ евхаристіи до времени его дѣйствительнаго пресуществленія), называлъ его орудіемъ іезуитовъ. Но Полоцкій былъ недоступенъ для патріаршей власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку въ царѣ и при Дворѣ¹³⁾.

Симеонъ Полоцкій отличался также, какъ проповѣдникъ. Живая проповѣдь, давно уже замолкшая на сѣверѣ, начала подавать голосъ съ половины XVII вѣка, особенно по примѣру южной Руси. Еще патріархъ Никонъ дозволилъ Епифанію Славеницкому произносить иногда проповѣди, а въ 1667 году восточные патріархи Паисій и Макарій преподали благословеніе прихожанамъ церкви Іоанна Богослова имѣть по ихъ желанію священника-проповѣдника. Однако для русской Церкви нуженъ былъ примѣръ челоуѣка сильнаго, чтобы ослабить предубѣжденіе народное противъ проповѣди. И такимъ явился Симеонъ Полоцкій. Воспитанникъ южныхъ училищъ, даровитый ученикъ просвѣщеннаго и добродѣтельнаго Лазаря Барановича, учитель царскій, увѣренный въ благоволеніи своего вѣнценосца-воспитанника, Симеонъ, съ пылкимъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, съ жаждою дѣятельности, свободно сталъ на кафедрѣ. Успѣхъ проповѣдника былъ блистательный. Произнесенныя имъ поученія на воскресные дни („Обѣдъ душевный“, изданный въ Москвѣ, 1681) и на праздники („Вечеря душевная“ 1683) быстро распространились по Россіи; они стали извѣстны еще прежде, чѣмъ вышли изъ типографіи¹⁴⁾. Однакожь новость Полоцкаго для иныхъ была странностію, а тѣ, которымъ не нравилась власть его при Дворѣ, особенно желали найти въ новомъ что-нибудь худое. Патріархъ Іоакимъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на проповѣдника, но не могъ запретить ему¹⁵⁾. Впрочемъ, къ чести Полоцкаго, нужно сказать, что онъ, не ограничиваясь тонкостями кіевской схоластики, имѣлъ въ виду живыя, практическія цѣли и умѣлъ приспособляться къ потребностямъ и понятіямъ слушателей: онъ сильно

¹³⁾ Симеону Полоцкому особенно покровительствовалъ царь Феодоръ, который учился у него латинскому и польскому языку, такъ что Полоцкій сохранилъ свою силу и вліяніе при Дворѣ до самой своей кончины.

¹⁴⁾ Сильвестръ Медвѣдевъ въ 1676 г. писалъ объ этихъ сочиненіяхъ къ Полоцкому: «Поученія недѣльныя и праздничныя скончалъ еси и оныя началъ еси читать въ перквѣ, имѣюще намѣрене въ книждо недѣлю и во всякій праздникъ народу прочитати».—Слѣдов. тѣ и другія поученія были говорены съ кафедръ.

¹⁵⁾ Патр. Іоакимъ называлъ «Обѣдъ душевный» исполненнымъ душевныхъ бѣдъ. Впрочемъ, уже по смерти Полоцкаго, произнося осужденіе на проповѣди его, патріархъ прибавилъ: «а могло бытъ, сочинитель имѣлъ другія мысли».

укорялъ духовенство за лѣность къ назиданію паствы, обличалъ невѣжество народа, раскола, грязные пороки, суевѣріе, остатки язычества—вѣру въ волшебство, въ нашептываніе, заговоры, встрѣчи, примѣты, ложныя чудеса и святыни, обличалъ народныя игры, праздники Коляды и Купалы, проповѣдывалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ объ умноженіи школъ и учителей.

Примѣръ Полоцкаго не остался безъ подражателей: въ Пермскихъ усолыяхъ умнаго Строганова, поощряемый его покровительствомъ, неизвѣстный по имени, приходскій священникъ городка Орла, написалъ книгу: „Статирь“ или поученія воскресныя и праздничныя, подражая, какъ самъ онъ говорилъ, поученіямъ святыхъ отцовъ,—премудраго Кирилла Транквилона и „трудолюбиваго, разумаго отца Симеона Полоцкаго“. Сей неученый, но съ здравымъ смысломъ проповѣдникъ умно разсуждалъ о нуждѣ живой проповѣди. Но ему не легко обходилась проповѣдь его; невѣжи прихожане кричали: „здѣсь бывали у насъ священники добрые, но не дѣлали того, а жили попросту; откуда же этотъ вводитъ странности? Въ предисловіи къ „Статирю“ проповѣдникъ излагаетъ обстоятельства жизни своей въ любопытномъ разсказѣ, по которому можно судить о степени образованія нашего духовенства въ концѣ XVII вѣка.

Послѣднимъ трудомъ Полоцкаго была грамота для новой академіи ¹⁷⁾. Мы видѣли, что царь Теодоръ, не желая ограничиться одними начатками еллинскаго ученія, захотѣлъ устроить высшее училище—академію. Намѣреніе царя сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ Европы, и ученые стали являться изъ Польши съ намѣреніемъ занять мѣста наставниковъ въ будущей академіи. Въ 1681 году прибылъ въ Москву съ этою цѣлью нѣкто Янъ Бѣлободскій, бывший кальвинскимъ проповѣдникомъ въ Слуцкѣ. Симоновскій архимандритъ Гавріилъ Домецкій и Павелъ Негребецкій, выходецъ изъ Польши, вскорѣ изъ бе-

¹⁶⁾ Статирь или поученія воскресныя и другія числомъ 156, сочиненныя въ 1684 году неизвѣстнымъ приходскимъ священникомъ Пермской епархіи въ городѣ Орлѣ. (Рукопись Румянцев. Музея № 411).—Въ предисловіи авторъ говоритъ о самомъ себѣ: «Азъ поселянинъ сынъ и навозогребъ, сущій невѣжа, отца имамъ усмаря, дѣда мортягу, прадѣда скотопаса... къ дровосѣчеству немощенъ, къ земледѣланію лѣниавъ, къ куплѣ несмысленъ, въ просительство стыжуся и отъ послѣдней грубости поступихъ несмысленнѣ, воспріяхъ санъ діакона: не яко Богу служити, но тунежительства ради... И препроводихъ лѣтъ пятерицу во обители Пыскорскаго монастыря и ту покусихся отъ части святыхъ книгъ чтанія и воспріяхъ мало вѣдѣнія о законѣ Божіи... Воспріяхъ же и санъ священства, служихъ два лѣта во градѣ Соли-Камской... По сихъ возвѣсти Божія благодаръ о мнѣ недостойнѣмъ благородному и великоименитому господину Григорію Дмитріевичу Строганову».—Далѣе повѣствуетъ, что Строгановъ перевелъ его къ церкви Похвалы Богородицы въ вотчинѣ своей на Орлѣ городѣ. «Убѣди же мя, невѣжду сушаго, въ церкви Божіи люди учити, зѣло бо онъ любляше поученія Божественнаго закона слушати».

¹⁷⁾ Въ превосходномъ сочиненіи г. профессора Моск. Дух. Академіи, доктора богословія, С. К. Смирнова: «Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи» (стр. 15 и 16), приведены доказательства того, что сочинителемъ грамоты нельзя признать никого другаго, кромѣ Симеона Полоцкаго, какъ представителя въ то время западнаго образованія въ Москвѣ и имѣвшаго большую силу при Дворѣ.

сѣдъ съ нимъ открыли его неправомысліе ¹⁸⁾. Бѣлободскій обличень былъ самимъ патріархомъ въ неправомысліи и не допущень въ училище. Осторожный царь не хотѣлъ поручить академію даже ученымъ изъ югозападныхъ областей русскихъ, которыхъ представлялъ ему Негребецкій, какъ мужей отлично образованныхъ и твердыхъ въ православіи. Русскій посланникъ въ Царь-градѣ Возницынъ, по волѣ царя, въ 1682 году обратился къ патріархамъ: цареградскому, антиохійскому и александрійскому съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и учении наставниковъ, и патріархъ Іоакимъ писалъ о томъ же къ патріарху іерусалимскому Досіею ¹⁹⁾.

Написанная Полоцкимъ грамота замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Академіи предназначалось быть верховнымъ училищемъ всѣхъ свободныхъ наукъ, храмомъ мудрости духовной и гражданской, со всѣми правами самостоятельнаго ученаго корпуса, какими пользовались въ то время европейскіе университеты: она должна была управляться совѣтомъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ избираемаго изъ среды изъ ихъ блюстителя или ректора, подлежала только собственному своему суду во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, могла пріобрѣтать всякаго рода имущество въ полную безотчетную собственность. Учащіеся изъ низшихъ сословій народа только чрезъ нее получали право на высшія степени государственной службы по части гражданской; для благородныхъ академическій аттестатъ облегчалъ и сокращалъ производство, давая немедленно чины, соотвѣтственные успѣхамъ. Сверхъ того академіи принадлежало право завѣдыванія всею системой народнаго образованія и воспитанія: безъ разрѣшенія академіи не дозволялось нигдѣ заводить училищъ, ни даже имѣть домашнихъ наставниковъ и учителей. Иностранные ученые, пріѣзжающіе въ Россію, должны были подвергаться испытанію въ академіи и только на основаніи полученныхъ отъ нея свидѣтельствъ допускались къ свободному пребыванію въ государствѣ. Наконецъ, сообразно съ духомъ времени, академическая конференція облечена была грозною властью верховнаго судилища по дѣламъ вѣры и благочестія надъ людьми всякаго чина и званія. Ректору же и учителямъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мірянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ, и чтобы неучившіеся свободнымъ наукамъ не вступали въ состязанія о вѣрѣ.

Общія понятія о важности и цѣляхъ христіанскаго просвѣщенія изложены въ первомъ пунктѣ грамоты ²⁰⁾. Далѣе исчисляются предметы преподаванія: грамматика, шитика, реторика, діалектика, фило-

¹⁸⁾ Рукопись Моск. Дум. Акад. № 68.

¹⁹⁾ Исторія Слав. Гр. Лат. Академіи, стр. 11.

²⁰⁾ «Мудростію слава Божія умножается, православная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ чѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богознаніемъ просвѣщаются, иновѣрная царствія къ боговѣрью обращаются, правовѣрныя же ко извѣстнѣйшему познанію догматовъ вѣры достигаютъ и очищенія совѣсти хранити научаются».

софія разумительная (умозрительная), естественная (физика), богословіе созерцательное (учащее вещей божественныхъ) и дѣятельное (учащее совѣсти очищенія), право церковное и гражданское (ученіе правосудія духовнаго и мірскаго) и прочія свободныя науки.

Отъ блюстителя и учителей требовалась присяга въ твердомъ сохраненіи православія. Если кто изъ учителей пожелаетъ опредѣлиться на царскую службу, то не иначе можетъ быть принятъ, какъ съ свидѣтельствомъ ректора и прочихъ учителей. А за продолжительную усердную службу при академіи, засвидѣствованную ректоромъ, учителю обѣщается особая пенсія отъ щедротъ царскихъ.

Помѣститъ академію предназначалось въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ для сего обѣщано построить до Неглинныхъ воротъ зданіе на казенный счетъ. На содержаніе училища, учителей и учениковъ приписывались къ Заиконоспасскому монастырю еще семь монастырей съ ихъ вотчинами. Сверхъ того царь прибавлялъ еще на содержаніе академіи свою дворцовую вышегородскую волость въ Верейскомъ уѣздѣ со всѣми угодьями и мельницами и нѣсколько пустошей. Наконецъ, чтобы обезпечить академію со стороны учебныхъ пособій, царь обѣщаль предоставить академіи царскую бібліотеку ²¹⁾.

Послѣ кончины Θεодора, не успѣвшаго привести въ исполненіе задуманнаго имъ великаго дѣла, бунтъ стрѣлецкій и волненія, поднятые раскольниками, отвлекли на время правительство отъ устройства академіи; впрочемъ ученіе въ типографской школѣ продолжалось. По укрощеніи мятежей, когда бразды правленія приняла царица Софія, заботы о начатомъ дѣлѣ образованія возобновились, и два ученые инока представили царевнѣ просьбы въ стихахъ о водвореніи наукъ въ столицѣ, по плану Θεодора. Первымъ былъ чудовскій іеродіаконъ Каріонъ Истоминоу, который въ ноябрѣ 1682 года поднесъ царевнѣ просьбу въ стихахъ: въ ней оиъ изображаетъ высокое значеніе мудрости, восхваляетъ умъ Софіи, напоминаетъ ей заботы отца ея и брата о просвѣщеніи своихъ поданныхъ и просить, чтобъ она умолила братьевъ своихъ Іоанна и Петра утвердить въ Москвѣ полный курсъ образованія ²²⁾. Другой былъ настоятель Заиконоспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго; въ январѣ 1685 года оиъ представилъ царевнѣ грамоту царя Θεодора объ учрежденіи академіи и вмѣстѣ съ нею также свое стихотворное посланіе ²³⁾. Но вѣроятно вслѣдствіе вліянія патріарха Іоакима, который неблагопріятно смотрѣлъ на Медвѣдева, какъ поборника латинства, опасался видѣть его блюстителемъ будущей академіи, —

²¹⁾ Впрочемъ эту грамоту нельзя принимать за уставъ Академіи: въ ней же Царь неоднократно обѣщается выдать уставъ, напр. въ пунктѣ четвертомъ «блюстителю училищъ и учителемъ творити крестное цѣлованіе по чину, иже отъ Насъ В. Государя во уставъ Академическомъ». Тутъ самая грамота называется привилегією: «аще кто явится противность сему привилегію каковую привносай» и проч.

²²⁾ Ист. Слав. Грек. Лат. Академіи, стр. 396—400.

²³⁾ Древн. Росс. Вивлію., ч. VI.

привилегіи академіи не были утверждены руками царей. Въ это время въ Москву уже ожидали учителей греческихъ, за которыми посылали къ восточнымъ патріархамъ.

Въ мартѣ 1685 года прибыли въ Москву, послѣ многотруднаго и продолжительнаго путешествія, два родные брата—іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды ²⁴⁾. Они представили въ Посольскомъ приказѣ двѣ грамоты: одну отъ восточныхъ патріарховъ, свидѣтельствующую о ихъ православіи и учености, а другую отъ гетмана Самойловича, обласкавшаго путниковъ при проѣздѣ черезъ Малороссію. Цари и царевна приняли милостиво ученыхъ восточныхъ наставниковъ; для нихъ построены были особыя деревянные кельи въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Здѣсь начались труды Лихудовъ ²⁵⁾. Между тѣмъ приступлено къ постройкѣ обширнаго зданія для академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, чему всема много содѣйствовалъ и деньгами и распоряженіями сильный въ то время при дворѣ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго Лихуды называли своимъ „заступникомъ, защителемъ, помощникомъ, покровомъ и прибѣжищемъ“. Зданіе было окончено въ 1686 году: самъ патріархъ съ соборомъ духовенства присутствовалъ при открытіи его, и благословилъ перейти туда Лихудамъ съ учениками изъ Богоявленскаго монастыря. Открылся полный, но постепенный курсъ ученія на двухъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ. Грамматику и піитику Лихуды преподавали на греческомъ, а реторику, логику и физику на обоихъ языкахъ. Успѣхи учениковъ такъ были блистательны, что они въ три года изучили означенныя науки, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ.

Но едва только первыя сѣмена науки начали приносить плоды, какъ учителя подверглись тяжкимъ искушеніямъ. Еще до пріѣзда

²⁴⁾ Фамилія Лихудовъ замѣчательна и древностію, и знатностію. Еще въ XI вѣкѣ князья Лихуды занимали высшія мѣста въ Греческой имперіи. Потомки ихъ, по разореніи Царьграда Турками, переселились на островъ Кефалонію. Здѣсь отъ одного изъ Лихудовъ, Марка, родились Іоаннъ и Спиридонъ, послѣ въ монашествѣ—Іоанникій и Софроній. Начатки ученія сообщилъ юнымъ Лихудамъ одинъ священникъ кефалонійскій; потомъ они учились богословію и философіи въ Венеціи и въ падуанской Академіи, гдѣ и получили докторскіе дипломы. Въ 1670 году возвратились въ Кефалонію, приняли постриженіе, посвящены въ іерейскій санъ, учили и проповѣдывали. Въ 1683 году въ мартѣ мѣсяцѣ оба брата отправились на венеціанскомъ кораблѣ въ Константинополь и здѣсь, выдержавъ испытаніе въ ученіи и православіи, по порученію патріарха Діонисія, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ неоднократно говорили поученія въ кафедральной церкви въ присутствіи всѣхъ духовныхъ властей. По предложенію патріарховъ, они охотно согласились ѣхать въ Россію.

²⁵⁾ На первый разъ перевели къ нимъ для обученія греческому языку пять учениковъ изъ типографской школы, а именно: Алексѣя Варсова, Николая Семенова-Головина, Ѳедора Паликарпова, Ѳедота Агѣева и Іосифа Аванасьева; къ нимъ присоединились чудовскій монахъ Іовъ и іеродіаконъ Богоявленскаго монастыря Палладій Роговъ. По переведеніи Академіи въ Заиконоспасскій монастырь къ нимъ присоединены всѣ ученики типографской школы, и вновь принято до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ.

Лихудовъ въ Москву начали распространяться въ народѣ неправильные толки о таинствѣ Евхаристіи, принесенные съ запада: нѣкоторые держались мнѣнія лютеранъ о значеніи хлѣба и вина въ Евхаристіи; другіе принимали ученіе римскихъ католиковъ о времени пресуществленія хлѣба въ Тѣло, и Кровь Христову. Въ девятый день по приѣздѣ Лихуды уже имѣли споръ о святой Евхаристіи съ Полякомъ Бѣлободскимъ въ присутствіи царей и придворныхъ. Бѣлободскій не могъ устоять въ спорѣ съ православными докторами богословія и наконецъ сознался, что онъ „непричастенъ богословія“. Но такое благоприятное окончаніе спора было только началомъ продолжительныхъ состязаній. Въ главѣ приверженцевъ римско-католическаго ученія о Евхаристіи стоялъ строитель Заиконоспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по отзывамъ современниковъ „чернецъ великаго ума и остроты ученой“²⁶⁾. Онъ представилъ свои мысли въ сочиненіи, подъ названіемъ „Манна“, усиливаясь въ немъ доказывать, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христовы при произнесеніи словъ Спасителя, выражающихъ установленіе таинства: „примите, ядите, сіе есть тѣло Мое; пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя“,—и не считалъ важными послѣдующія слова молитвы церковной, которою призывается на освящаемые Дары благодать Св. Духа. Для опроверженія сего мнѣнія Лихуды написали: „Акосъ или врачеваніе, противопологаемое ядовитымъ угрызениямъ змиевымъ“,—и на основаніи многихъ свидѣтельствъ, взятыхъ изъ преданій апостольскихъ и писаній св. отецъ, изложили православное ученіе о времени пресуществленія. Противъ „акоса“ Сильвестръ написалъ: „тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ“, на которую Лихуды отвѣчали „диалогами грека учителя къ нѣкому іесуиту“. Споръ зашелъ такъ далеко, что о высокиихъ предметахъ святѣйшаго Таинства даже простой народъ сталъ толковать на торжищахъ. Для пресѣченія соблазна, патриархъ Іоакимъ вступилъ въ сношенія съ восточными патриархами, которые и прислали цѣлое собраніе церковныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ православное ученіе о св. Евхаристіи²⁷⁾. Сверхъ того онъ съ особенною пастырскою строгостію писалъ посланія къ духовнымъ властямъ кievскимъ, подозрѣвая, что ложныя мнѣнія первоначально возникли на югѣ Россіи, и получилъ отъ нихъ удостовѣрительныя листы, которыми они соглашались съ православнымъ ученіемъ и отвергали заблужденіе папистовъ²⁸⁾.

²⁶⁾ Въ то время еще сильна была партія сторонниковъ западнаго образованія—учениковъ незадолго передъ тѣмъ умершаго Симеона Полоцкаго. Во главѣ ея стоялъ Сильвестръ, враждебно расположенный къ Лихудамъ съ самаго ихъ приѣзда въ Москву. Потерявъ надежду быть главою академіи, онъ сталъ жаловаться, что Лихуды захватили подъ школы землю, принадлежащую его монастырю, что они посябаютъ въ ученикахъ плевелы ересей, и подобными клеветами успѣлъ при Дворѣ охладить расположеніе къ Лихудамъ.

²⁷⁾ Вся исторія этихъ споровъ подробно изложена въ статьѣ покойнаго А. И. Сміловскаго: «Братья Лихуды», въ журн. Мин. Нар. Просв. 1845 года.

²⁸⁾ По окончаніи указанныхъ сношеній, въ 1689 году, открытъ былъ въ Москвѣ соборъ, который предалъ анаемѣ поборниковъ папистическаго мнѣнія объ Евхаристіи и

Въ это время первосвятитель московскій могъ имѣть властное вліяніе на южнорусскую православную Церковь: кievская митрополія была уже подчинена патріарху московскому и всея Россіи.

При гетманѣ Самойловичѣ настало самое удобное время для соединенія Кіева съ Москвою въ церковномъ отношеніи. Мы видѣли, что это дѣло было близко къ успѣху при Богданѣ Хмѣльницкомъ и патріархѣ Никонѣ, но удаленіе послѣдняго и, наконецъ, низверженіе его отсрочило успѣхъ соединенія надолго. Теперь гетманъ Самойловичъ также сознавалъ необходимость быть вѣрнымъ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Хмѣльницкому, все въ Малороссіи старался подчинить своей власти, отъ всѣхъ требовалъ къ себѣ полнѣйшаго повиновенія; а патріархъ Іоакимъ, еще болѣе Никона, способенъ былъ устроить это дѣло, потому что онъ лучше Никона зналъ состояніе малороссійскаго духовенства, такъ какъ въ юности своей много лѣтъ провелъ въ Малороссіи ²⁹⁾.

Переписка между патріархомъ Іоакимомъ и гетманомъ Самойловичемъ относительно поставленія въ Кіевъ митрополита начинается съ 1683 года. Въ письмѣ къ Самойловичу (отъ 4 сентября 1683 г.) патріархъ высказываетъ глубочайшее сожалѣніе о томъ, что, по дошедшимъ къ нему слухамъ, кievская митрополія безъ начальнаго пастыря, кievскаго митрополита, всякаго благочинія лишилась. Дѣйствительно, положеніе іерархіи въ кievской митрополіи могло подать поводъ патріарху къ сожалѣнію и къ вмѣшательству въ дѣла митрополіи. Іерархія тогда совсѣмъ пала. Вмѣсто настоящихъ архіереевъ въ кievской митрополіи ходило много греческихъ и сербскихъ архіереевъ, изгнанныхъ патріархами и даже лишенныхъ сана, которые тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ въ Малороссіи настоящихъ архіереевъ, совершали всякія священнодѣйствія и рукоположенія. Но еще болѣе сильное побужденіе заботиться объ избраніи въ Кіевъ митрополита имѣлъ московскій патріархъ потому, что въ то же время могло выста-

опредѣлить предать сожженію ихъ сочиненія, въ томъ числѣ и «Манну» Медвѣдева; самъ онъ назначенъ въ заточеніе. Но, узнавъ о рѣшеніи собора, онъ бѣжалъ, былъ пойманъ, лишенъ иноческаго сана и, подъ именемъ разстриги Семена Медвѣдева, сосланъ на покаяніе въ Троицко-Сергіеву лавру. Здѣсь въ декабрѣ того же года онъ написалъ покаянное исповѣданіе, каляся о томъ гетману, зная, что отъ него главнымъ образомъ зависитъ устройство дѣла. Въ 1683 году, по случаю избранія въ архимандриты Печерской лавры Варлаама Ясинскаго, гетманъ испросилъ благословеніе избранному отъ московскаго патріарха, а позднѣе самъ Варлаамъ, опасаясь, чтобы уніаты не завладѣли лаврою или по крайней мѣрѣ мѣстностями ея въ польскихъ владѣніяхъ, исходатайствовалъ себѣ у Іоакима утвердительную грамоту.

²⁹⁾ Патріархъ Іоакимъ имѣлъ постоянное сношеніе съ Малороссією. Съ 1676 года игумень Кіево-Межигорскаго монастыря ежегодно присылалъ своихъ монаховъ съ посланіями къ патріарху. Съ этими лицами, пріѣзжавшими изъ Малороссіи въ Москву, Іоакимъ могъ очень часто бесѣдовать о поставленіи въ Кіевъ новаго митрополита. Но особенно часто разговаривалъ объ этомъ патріархъ съ пріѣзжавшими въ Москву людьми гетмана и неоднократно писалъ о томъ гетману, зная, что отъ него главнымъ образомъ зависитъ устройство дѣла. Въ 1683 году, по случаю избранія въ архимандриты Печерской лавры Варлаама Ясинскаго, гетманъ испросилъ благословеніе избранному отъ московскаго патріарха, а позднѣе самъ Варлаамъ, опасаясь, чтобы уніаты не завладѣли лаврою или по крайней мѣрѣ мѣстностями ея въ польскихъ владѣніяхъ, исходатайствовалъ себѣ у Іоакима утвердительную грамоту.

вить претендента на ту же митрополию польское правительство, которое возобновило попытку привлечь въ унию представителей южно-русской іерархіи—епископовъ тѣхъ областей, которыя находились еще подъ польскимъ обладаніемъ. Одинъ изъ нихъ Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій, охотно согласился принять унию. Снискавъ себѣ такимъ образомъ расположеніе польскаго правительства, онъ началъ незаконно титуловаться администраторомъ кievской митрополіи и старался возбудить въ Малороссіи мятежъ противъ Москвы.

Вслѣдъ затѣмъ (въ 1684 г.), когда гетманъ Самойловичъ заботился о присканіи достойнаго лица для занятія престола кievской митрополіи, прибылъ въ Батуринь епископъ луцкій и острожскій Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, знаменитый происхожденіемъ и страданіями за вѣру православную ³⁰⁾. На съѣздѣ въ Кіевѣ онъ былъ избранъ на митрополию и тогда же изъявилъ неперемѣнное свое желаніе принять жезлъ архипастырскій не отъ кого другого, какъ отъ первосвятителя всероссійскаго въ Москвѣ. Послѣ продолжительной переписки о правахъ и преимуществахъ будущаго архипастыря кievскаго, цари и царевна изъявили полное согласіе на присоединеніе южной митрополіи; а патриархъ Іоакимъ съ великою радостію отвѣчалъ Самойловичу, что онъ согласенъ избраннаго архипастыря на престолъ кievской епархіи возвести и благословеніемъ его утвердить, во-первыхъ, потому что съ самаго начала распространенія христіанской вѣры въ Россіи митрополія была одна и повсюду Россіяне были въ повиновеніи и послушаніи всероссійскому престолу; во-вторыхъ, потому что когда соборомъ всѣхъ святѣйшихъ восточной Церкви патриарховъ устроился въ царствующемъ градѣ Москвѣ патриаршій престолъ, то на соборѣ повелѣно было всѣмъ россійскихъ престоловъ архіереямъ повиноваться патриаршему престолу московскому. Въ особомъ письмѣ къ Четвертинскому Іоакимъ приглашалъ его въ Москву для посвященія.

Прибывъ въ Москву съ многолюдною свитою духовныхъ и мірскихъ лицъ, Гедеонъ былъ посвященъ въ санъ митрополита кievскаго 8-го ноября 1685 г., при торжественномъ служеніи патриарха въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и въ присутствіи царей. Стоя предъ патриархомъ среди церкви на орлецѣ и произнося обыкновенную архіерейскую присягу, Гедеонъ давалъ обѣщаніе, что во всемъ будетъ

³⁰⁾ Онъ происходилъ изъ древнѣйшей княжеской фамиліи, ведшей свой родъ отъ Святополка-Михаила, внука Ярослава 1-го, отчего составилось и двойное имя Четвертинскаго: «Гедеонъ-Святополкъ, князь Четвертинскій». Онъ уже 25 лѣтъ носилъ санъ епископа луцкаго и острожскаго, бывъ посвященъ въ этотъ санъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ. Изгнанный изъ Луцка отступникомъ Шумлянскимъ, онъ рѣшился бѣжать изъ польскихъ владѣній, тѣмъ болѣе, что король и королева лично объявили ему, что если онъ не сдѣлается униатомъ, то будетъ сосланъ на вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Тогда, писалъ Четвертинскій, «немошь челоувѣческую имый, устрашился абіе, соглядая сіе, яко не точю азъ имѣхъ быти въ толикомъ лишеніи, но и овцамъ словеснаго стада не возмогль быхъ помощи ни въ чемъ же, сего ради оставити престолъ мой и вся свои понужденъ есмь».

повиноваться московскому патриарху ³¹⁾. Послѣ посвященія, онъ получилъ драгоценныя дары отъ щедроты царской ³²⁾ и двѣ утвердительныя грамоты: одну отъ царей, другую отъ патриарха. Въ первой изъ нихъ подтверждены всѣ привилегіи, о которыхъ просилъ гетманъ ³³⁾, за исключеніемъ одной—права называться экзархомъ константинопольскаго патриархата. Въ грамотѣ, данной отъ патриарха, замѣтно стремленіе съ его стороны поставить Гедеона на такое же положеніе, въ какомъ были и другіе митрополиты, подчиненные московскому патриарху. Такъ онъ титулуетъ новопоставленнаго митрополита „митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ и малыя Россіи“, но ни разу не называетъ

³¹⁾ Вотъ слова присяги: «аще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдать... и послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда отцу моему, великому господину, святѣйшему киръ Іоакиму, патриарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и аще случится и по немъ благословеніемъ Божиимъ будущему святѣйшему патриарху московскому и всея Россіи и всему пресвященному собору.—Аще же, еже обѣщано здѣ мною что преступлю, и отцу моему, святѣйшему киръ Іоакиму, патриарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и по немъ будущимъ святѣйшимъ московскимъ и всея Россіи патриархамъ, и всему священному собору явлюся непослушень, или противень, или отъ него во особность восхошу отступити и епархію, мнѣ врученную, каковымъ либо образомъ ему, отцу моему, святѣйшему патриарху и святому собору въ чемъ непослушно сотворю, и тогда абіе лишень буду сана своего и власти, безъ всякаго извѣта и слова».

³²⁾ Гедеонъ получилъ отъ царей для обветшавшаго и оскудѣвшаго Софійскаго собора: 1) богослужебныя сосуды золотыя съ финифтяными рисунками; 2) кованную изъ чистаго золота митру, украшенную драгоценными камнями, между которыми особенно замѣчательнъ большой превосходный сапфиръ; 3) полное облаченіе изъ персидской золотой парчи, обнизанной жемчугомъ. Эти утвари хранятся донныя въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора.—Лично Гедеону цари подарили множество соболей, великолѣпную карету, обитую бархатомъ, и шестерикъ лошадей. Всѣ лица свиты его были щедро одарены.

³³⁾ Въ письмахъ къ царю и патриарху гетманъ отъ своего имени и отъ имени духовенства просилъ, чтобы послано было изъ Москвы посольство въ Константинополь къ патриарху съ большою посылкою и просьбою, чтобы константинопольскій патриархъ прислалъ свое согласіе на подчиненіе кievской митрополи московскому патриарху. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ просилъ, чтобы соблюдены были права и преимущества кievской митрополи, чтобы оставлено было митрополиту прежнее облаченіе: митра съ крестомъ и предподношеніе креста; просилъ, чтобы избраніе кievскаго митрополита попрежнему совершалось вольными голосами, чтобы попрежнему дозволено было имѣть въ кievской митрополіи типографію и заводить школы, и о томъ наконецъ, чтобы патриархъ московскій совершалъ только посвященіе митрополита кievскаго, но въ суды и распоряженія его не вступался. Нельзя было просить только объ одной привилегіи кievскаго митрополита изъ указанныхъ духовенствомъ, именно—чтобы онъ назывался попрежнему митрополитомъ всея Россіи. Вмѣсто того гетманъ просилъ отъ своего имени, чтобы дозволено было кievскому митрополиту именоваться попрежнему «экзархомъ константинопольскаго трона», считая это названіе необходимымъ для того, чтобы православные епископы въ польскихъ владѣніяхъ не избрали особаго митрополита съ титуломъ экзарха, что можетъ заставить весь народъ преклониться къ этому новому митрополиту. Въ царской грамотѣ утверждено за митрополитомъ право невозбранно печатанія книгъ, а также «и ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ: въ дѣлахъ же, приключаящихся Малой Россіи, какъ въ военныхъ, такъ и въ расправныхъ, кievскимъ митрополитомъ воля быти не имѣть и вступатися не довѣтъ». Запрещено имѣть какія-либо сношенія съ духовными особами державы польской безъ вѣдома и совѣта гетмановъ и потому всякая переписка «изъ странъ польскихъ и литовскихъ и иныхъ» должна быть объявляема гетману, а чрезъ него всероссійскому престолу.

его митрополитомъ всея Россіи, какъ назывались до того времени кievскіе митрополиты. Дозволяя Гедеону носить митру съ крестомъ и пошеніе креста предъ нимъ въ его епархіи, патріархъ, „ради единчества“ съ прочими російскими митрополитами, повелѣваетъ носить бѣлый клобукъ, что до сихъ поръ не было въ обыкновеніи у кievскихъ митрополитовъ, по примѣру святителей восточныхъ. О неподсудности митрополита патріарху по дѣламъ администраціи (чего особенно добивался гетманъ) въ патріаршей грамотѣ не упоминалось ³⁴).

Послѣ того какъ Гедеонъ Четвертинскій принялъ посвященіе въ санъ митрополита кievскаго въ Москвѣ отъ московскаго патріарха и торжественно обѣщаль повиноваться ему во всемъ, подчиненіе кievской митрополіи московскому патріархату уже совершилось на дѣлѣ. Но, пока константинопольскій патріархъ не изъявилъ своего согласія, присоединеніе не могло еще считаться совершенно законнымъ. При томъ гетманъ и Четвертинскій считали необходимымъ, чтобы константинопольскій патріархъ зналъ о совершающемся подчиненіи кievской митрополіи московскому патріархату и далъ на это свое согласіе: они опасались, чтобы вселенскій патріархъ не поразилъ ихъ своимъ проклятіемъ, чему уже бывали примѣры ³⁵). Немедленно послѣ посвященія Гедеона отправлено было посольство въ Константинополь и чрезъ годъ получены грамоты отъ патріарха константинопольскаго Діонисія и іерусалимскаго Досея, разрѣшающія подчиненіе южно-русской церкви московскому патріарху ³⁶).

Такимъ образомъ благоразумный и дѣятельный патріархъ Іоакимъ блистательно довершилъ то, чего не успѣли въ свое время сдѣлать великій патріархъ Никонъ и незабвенный гетманъ Богданъ Хмѣльницкій ³⁷). Присоединеніе кievской митрополіи къ Москвѣ имѣло весьма важное значеніе для современной церковной и государственной жизни. Съ одной стороны оно давало московскому первосвятителю возможность слѣдить за ученіемъ православной вѣры на югѣ, не допуская лжеученій, притекающихъ съ запада. Съ другой — предотвра-

³⁴) Подчиненные митрополіи киевской каедрѣ настояною царскою грамотою архіепископъ черниговскій и архимандритъ киевпечерскій не захотѣли оставаться въ вѣдомствѣ митрополита и представили отъ себя грамоты, утверждавшія независимость ихъ ни отъ кого, кромѣ патріарховъ. Вслѣдствіе сего новыми царскими и патріаршими грамотами черниговская епархія и киевпечерская лавра исключены изъ-подъ вѣдомства Гедеона и подчинены непосредственно московскому патріаршему престолу, при чемъ Черниговъ объявленъ первою архіепископіею, а лавра—первою ставропигіею всеросійскихъ патріарховъ.

³⁵) Такъ патріархомъ Паисіемъ былъ проклятъ гетманъ Брюховецкій, патріархомъ Меодіемъ—гетманъ Многогрѣшный. Это проклятіе патріарховъ много смущало гетмановъ, потому что подрывало народное къ нимъ довѣріе, и оба, подвергшіеся проклятію, гетманы усердно просили московское правительство, чтобы оно ходатайствовало за нихъ предъ патріархами.

³⁶) Обѣ эти патріаршія грамоты напечатаны въ приложеніяхъ къ «описанію Кіево-Софійскаго собора» митроп. Евгенія.

³⁷) Въ изложеніи дѣла о церковномъ подчиненіи Кіева Москвѣ мы преимущественно пользовались весьма подробнымъ и основательнымъ сочиненіемъ г. С. Тарновскаго: «Исслѣдованіе о подчиненіи кievской митрополіи моск. патріарху». Кіевъ 1872.

щалась возможность участія духовныхъ властей въ смутахъ, возбуждаемыхъ честолюбцами, которые постоянно находили поддержку въ мѣстномъ духовенствѣ ³⁸⁾. Наконецъ, самое соединеніе политическое, совершенное Богданомъ, оставалось непрочнымъ безъ единства религіознаго, которое одно могло связать неразрывными узами малороссійскій югъ и великороссійскій сѣверъ въ одну обширную Россію, посредствомъ единства Церкви.

Совершивъ великое дѣло соединенія, Іоакимъ явилъ себя самымъ глубокимъ политикомъ XVII вѣка, тѣмъ болѣе, что свѣтлый умъ его прозрѣвалъ еще далѣе для блага и силы Россіи. Въ немъ созрѣла обширная мысль: соединить подъ властію патріаршаго престола всея Руси, какъ основаннаго первозваннымъ апостоломъ, всѣхъ православныхъ нашихъ единоплеменниковъ на югъ Европы. Эту мысль подтвердилъ сербскій митрополитъ Савва II Бранковичъ, пріѣзжавшій въ Россію для сбора въ пользу своей каведры, разоренной междоусобіями ³⁹⁾. Выѣхавшій изъ Болгаріи въ Москву князь Ростиславъ Страшиміровичъ еще болѣе утвердилъ Іоакима въ его намѣреніяхъ: обласканный патріархомъ, онъ обѣщаль склонить къ церковному соединенію не только своихъ единосемцевъ, между которыми имѣлъ много приверженцевъ, какъ единственный потомокъ государей Болгарскихъ ⁴⁰⁾, но даже и Сербовъ съ Черногорцами и Молдаванъ съ Волохами. Іоакимъ надѣялся преклонить вселенскаго патріарха къ отказу отъ духовной власти надъ этими странами, какъ достигъ той же цѣли относительно Малороссіи; но племянникъ его Дубровскій, посланный имъ въ Царьградъ для предварительныхъ переговоровъ съ греческимъ духовенствомъ и турецкимъ правительствомъ объ этомъ дѣлѣ, едва спасся отъ разъяренной черни, когда въ Константинополѣ получено извѣстіе, что въ Москвѣ подписанъ (26 апрѣля 1686 г.) наступательный и оборонительный союзъ съ Польшею противъ Крыма и Турціи ⁴¹⁾. Эта неудачная попытка завоеванія Крыма, предпринятая по

³⁸⁾ Вспомнимъ, что приближалось время Мазепы и что онъ уже не встрѣтилъ приверженцевъ среди духовенства (какъ прежде Дорошенко). Проникнутый чувствомъ церковнаго единства, Малороссійскій народъ заклеилъ вѣчнымъ позоромъ самое имя измѣнника. Церковь дала Петру средства сохранить Малороссію и побѣдить непобѣдимаго дотогѣ короля шведскаго.

³⁹⁾ Русск. Вѣстникъ 1865. № 5. Статья професс. Н. А. Попова: Сербы въ Австріи.

⁴⁰⁾ Онъ происходилъ отъ князя Страшиміра Александровича, сына одного изъ достопамятныхъ королей Болгарскихъ, проникавшаго даже до Адрианополя, при византійскомъ императорѣ Андроникѣ, и побѣдившаго потомъ Іоанна Кантакузена (Исторіографія початія имени, славы и расширенія народа славянскаго, собранная изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ г. Мавроурбина, архимандрита Рагужскаго. Перев. съ итальянскаго (Спб. 1722, стр. 332—334).

⁴¹⁾ Страшиміровичъ и Дубровскій приняли потомъ участіе въ возмущеніи Болгаръ противъ султана и едва успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Здѣсь поселился Страшиміровичъ, женившись на сестрѣ Дубровскаго, и оставилъ послѣ себя сына Савелья, родоначальника дворянъ Савельевыхъ-Ростиславичей. Всѣ свѣдѣнія о намѣреніяхъ патріарха Іоакима относительно Болгаръ заимствованы нами изъ статьи г. Н. Е—на: «Патріархъ Іоакимъ и заслуги его отечеству въ гражданскомъ, политическомъ и религіозномъ отно-

внушенію славолюбиваго князя В. Голицына, вопреки желанію патріарха Іоакима, вопреки убѣдительному моленію цареградскаго патріарха ⁴²⁾ и настояніямъ умнаго гетмана Самойловича ⁴³⁾—послужила препятствіемъ къ тому великому дѣлу, которое и доннѣ еще не вполнѣ совершилось: мы разумѣемъ здѣсь освобожденіе православныхъ Славянъ, и въ особенности многострадальнаго народа Болгарскаго, отъ греческой іерархіи и возвращеніе имъ права имѣть своихъ единоплеменныхъ архипастырей и возносить свои молитвы предъ престоломъ Божиимъ на своемъ родномъ языкѣ.

шеніяхъ» (Сѣвер. Пчела 1847. № 133—136). Въ этой статьѣ г. Е—нъ ссылается на какой-то «Хронографъ, собранный новелѣніемъ патріарха Іоакима», и на грамоты, пожалованныя царями Дубровскому и Страшиміровичу. Этого хронографа и грамотъ намъ не удалось отыскать.

⁴²⁾ Патріархъ Діонисій умолялъ царей не начинать войны съ Турками, «зане дадутъ вину потребитися всѣмъ христіанамъ, которіи подъ симъ царствомъ безвинно» (Непереплетенный сборникъ Синод. бібліотеки подъ № IV. Переводы съ грамотъ л. 3).

⁴³⁾ «Пусть будетъ, какъ угодно великимъ государямъ,—говорилъ гетманъ,—а мнѣ кажется, нѣтъ причины съ султаномъ и ханомъ миръ нарушать. Этотъ миръ послѣ великой и страшной войны заключилъ блаженной памяти великій государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ безпрестаннымъ, премудрымъ промысломъ и усерднымъ стараніемъ, да и моя служба и радѣнье въ томъ были. А теперь этотъ миръ разорвать мнѣ кажется неприлично и не для чего. И въ мысли нельзя держать не только намъ, но и дѣтямъ нашимъ, что Поляки когда-нибудь перестанутъ къ намъ враждовать. Мнѣ кажется, что лучше держать миръ, а на Поляковъ оглядываться, съ Турками и Татарами поступать разумно» (Соловьевъ. Исторія Россіи XIV, 38).

Г Л А В А XI.

Послѣдній патріархъ Адріанъ. — Характеръ и дѣятельность царя Петра. — Отношенія его къ дѣламъ церковнымъ, къ духовенству великороссійскому и малорусскому и къ монашеству. — Монастырскій приказъ. — Святители: Іовъ новгородскій, св. Митрофанъ воронежскій, Стефанъ рязанскій, св. Димитрій ростовскій, Филоеей тобольскій, св. Иннокентій иркутскій, Теофанъ Прокоповичъ. — Взглядъ Петра на монастыри. — Положеніе монашества и бѣлаго духовенства. — Мѣры противъ раскола; дѣйствія Питирима. — Состояніе духовнаго просвѣщенія въ Кіевѣ и Москвѣ. — Церковные суды. — Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе св. синода.

Преемникомъ просвѣщеннаго и ревностнаго первосвятителя Іоакима былъ митрополитъ казанскій Адріанъ, послѣдній въ числѣ десяти патріарховъ московскихъ и всея Россіи. При выборѣ патріарха, высшія власти указывали на Маркелла, митрополита псковскаго, — чело-вѣка ученаго и образованнаго ¹⁾; но низшее духовенство было противъ Маркелла и указывало на Адріана. Царь Петръ присталъ къ архіереямъ и хотѣлъ Маркелла; но царица Наталья Кирилловна съ архимандритами, игуменами и низшимъ духовенствомъ стояла за Адріана. Врагамъ Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патріархъ будетъ благопріятствовать ино-вѣрцамъ. Враги Маркелла пересилили, и Адріанъ былъ возведенъ на патріаршество ²⁾.

Новый патріархъ крѣпко стоялъ за старыя обычаи: онъ преда-валъ анаемѣ брадобритіе ³⁾ и вооружался противъ употребленія та-

¹⁾ «Исторія Россіи» проф. Соловьева XIV. 154. Маркеллъ, родомъ изъ южныхъ сла-вянъ, служилъ прежде въ посольскомъ Приказѣ переводчикомъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, польскаго и татарскаго языковъ; по постриженіи въ монашество былъ въ па-тріаршемъ дворѣ судьей въ тѣнскаго палатѣ; потомъ архимандритомъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря; въ 1680 году посвященъ въ санъ архіепископа Суздальскаго; 6 сентября 1682 г. назначенъ митрополитомъ въ Псковъ, а 8 сентября 1691 года переведенъ въ Ка-зань («Святцыи и древности Пскова», стр. 13).

²⁾ Гордонъ II. 309—311.

³⁾ Въ сильномъ посланіи противъ брадобритія «еретическаго безобразія, уподобляю-щаго челоуѣка котамъ и псамъ», патріархъ страшалъ русскихъ людей вопросомъ: «если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ: съ праведниками ли, украшен-ными брадоу, или съ обрѣтыми еретиками?» Устряловъ III, 193.

бака столько же, какъ и противъ лжеумствованій лютеранскихъ ⁴⁾. При немъ усилилось противодѣйствіе южно-русскому образованію; одинъ несчастный случай еще болѣе утвердилъ іерарховъ въ подозрительности къ западнымъ ученымъ ⁵⁾.

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, риторику, логику и физику. Всѣ эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженному методу; вмѣсто Аристотеля ученые греки выдвинули напередъ отцевъ Церкви, вмѣсто латыни—греческій языкъ. Но для возбужденія подозрѣній насчетъ ихъ православія теперь довольно было и того, что они съ греческимъ языкомъ не оставляли и латинскаго. Главнымъ обвинителемъ ихъ явился іерусалимскій патріархъ Досиѳей, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кievскихъ ученыхъ. Отправляясь въ Россію, Лихуды дали ему обѣщаніе учить москвичей только по-гречески. Узнавши, что они не сдержали своего обѣщанія, Досиѳей (1693 г.) отправилъ въ Москву три посланія — къ царямъ, патріарху и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латыни; Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики и философіи и не подготовили ни одного учителя, и грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи, предоставивъ имъ преподавать итальянскій языкъ на печатномъ дворѣ; но Досиѳей не былъ доволенъ и этимъ: онъ требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, обвинялъ ихъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ костромской Ипатьевскій монастырь ⁶⁾. Мѣсто ихъ въ академіи заняли ихъ

⁴⁾ Въ одной проповѣди патр. Адрианъ жаловался на то, что многіе «отъ пипокъ табакскихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ въ этомъ пользы, человекъ это выдумалъ... Едва только св. книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учить архіереевъ и священниковъ, монастыри править, устроить чинъ церковный». Патріархъ требовалъ, чтобы всѣ по старому учились у своихъ духовныхъ отцовъ.

⁵⁾ При Адрианѣ попался въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій дьяконъ, Петръ Артемьевъ, который ѣздилъ учиться въ Венецію; этотъ болѣзненный и нервный человекъ попалъ тамъ въ руки іезуитовъ и былъ доведенъ ими до такого фанатизма, что по возвращеніи въ Россію началъ горячо отстаивать и проповѣдывать свои латинскія убѣжденія даже съ церковной кафедрой. Въ 1698 г. онъ былъ разстриженъ и сосланъ въ крѣпкое заточеніе на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые отрекались на Западѣ отъ православія, писали противъ него сочиненія на ученыхъ етешини, и какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, укрывательству своихъ убѣжденій, должнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этого въ Москвѣ не стали вѣрить заграничнымъ воспитанникамъ даже и въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили присоединенія къ Церкви.

⁶⁾ Впрочемъ Адрианъ въ письмѣ къ Досиѳею старался защищать Лихудовъ, ссылаясь на прежнія похвалы имъ самого Досиѳея. Досиѳей отвѣчалъ ему: «говорятъ, что я прежде хвалилъ ихъ (Лихудовъ), зачѣмъ же теперь порицаю ихъ? Но говорить такъ не Толстаго. — *Исторія Русск. Церкви.*

ученики, при которыхъ латинскій языкъ уже совершенно былъ изгнанъ изъ академіи.

Все это происходило въ началѣ царствованія Петра, когда юный царь, сначала подъ опекою Софїи, потомъ подъ вліяніемъ матери, далеко несвободной отъ предразсудковъ старины ⁷⁾, наконецъ, въ соправительствѣ старшаго брата ⁸⁾, не пользовался полнотою самодержавной власти. Но освободившись отъ всѣхъ препонъ, связывающихъ его руки, Петръ явился геніальнымъ преобразователемъ своего государства.

И прежніе цари изъ дома Романовыхъ предпринимали преобразования, но по характеру своей церемоніальной, неподвижной, дворцовой жизни и своего исключительно церковнаго образованія, они только могли писать грамоты изъ дворца, обличать нестроенія, выставлять новыя требованія на бумагѣ, направленныя не столько къ нововведеніямъ, сколько къ охраненію старыхъ обычаевъ при новыхъ порядкахъ. Новый царь явился человѣкомъ отрѣшеннымъ и отъ дворцоваго этикета, связывавшаго дѣятельность его предшественниковъ, и отъ древняго быта. Религіознаго воспитанія онъ не получилъ ни въ правилахъ кievской схоластики, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія: отсюда готовность у него къ воспріятію новыхъ понятій въ религіозной сферѣ и свѣтскій характеръ его реформы. Онъ учился безъ руководителей и даже безъ книгъ, на ходу, среди потѣхъ, и прежде всего, разумѣется, бросался на то, что его поражало очевидной пользой: его заняли не кievская элоквенція съ діалектикой, а корабли, пушки, крѣпостныя работы, ремесла,—то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россією, для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иностранцевъ, несмотря на свою религіозную замкнутость; это былъ уже не ученикъ реторики, какъ братъ его царь Θεодоръ, а корабельный плотникъ, бомбардиръ, шкиперъ, человѣкъ совершенно реальнаго направленія. Это направленіе сблизило его съ Нѣмецкой слободой, безъ которой онъ не находилъ удовлетворенія своей любознательности. Для его предшественниковъ, для большинства русскихъ людей знаться съ еретиками было страшно, для Петра, не воспитаннаго въ старинныхъ понятіяхъ, этого страха не существовало, и онъ безъ всякаго стѣсненія протянулъ къ иноземцамъ свою руку, какъ къ друзьямъ и учителямъ.

благоразумно. Христось Сердцевѣдецъ избралъ Іуду и сдѣлалъ его апостоломъ, какъ добро, а когда онъ сталъ злымъ, отринулъ его. Такъ и намъ учителя показались на видъ смиренными, и мы думали, что у нихъ сердце доброе, а они оказались послѣ злыми и лукавыми, и мы писали о ихъ злобѣ и лукавствѣ, которыя вы и сами видѣли; и не было нужды писать объ этомъ много грамотъ, но слѣдовало бы вамъ послѣ первой же грамоты сослать ихъ куда-нибудь дальше, чтобы они не оставались въ Москвѣ и не писали, что имъ вздумается; они смиряться не умѣютъ и пишутъ сюда всякую ложь, отъ чего можетъ произойти зло» (Ист. Моск. Академіи, С. К. Смирнова, стр. 70 и 71). Впрочемъ Лихуды были сосланы въ Кострому уже въ 1701 г. по кончинѣ патр. Адріана.

7) Царица Наталья Кирилловна такъ ненавидѣла иностранцевъ, что никогда не допускала ихъ пѣловать ея руку.

8) Царь Іоаннъ, «скорбный главою», умеръ незамѣтно, какъ и жилъ, 29 января 1696 года.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, Милославскихъ, царевенъ-тетокъ и царевенъ-сестеръ, подъ страшными впечатлѣніями стрѣлецкихъ бунтовъ, впечатлѣніями вѣчныхъ жалобъ матери, постоянно раздражаемый указаціями окружающихъ на отнятую у него власть, на его заброшенность въ Преображенскомъ, на торжество нелюбимой родни. Еще въ XVI вѣкѣ былъ у насъ царь, воспитанный подъ такими же впечатлѣніями; изъ него вышелъ Іоаннъ Грозный. Изъ Петра выработывался царь такой же грозный, съ такою же ревностію къ своей власти, съ болѣзненной ненавистью къ религіозному суевѣрію и религіозной исключительности. Но отъ кровожаднаго мучительства Іоаннова спасла его высокая задача, которую онъ поставилъ цѣлью всей своей жизни и для которой трудился, напрягая всѣ силы духовныя и тѣлесныя, силы исполинскія въ сравненіи съ обыкновенными силами человѣческими ⁹⁾. Задачей его было образовать русскій народъ и посредствомъ образованія довести его до возможно высшей степени политическаго могущества и экономическаго благосостоянія. Съ давнихъ поръ и донинѣ противъ Петра слышится упрекъ въ увлеченіи иноземцами, въ поклоненіи Западу, въ пренебреженіи русской народностію. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого упрека. Россія въ ея идеальномъ видѣ была для Петра—все на землѣ; за нее онъ готовъ былъ жертвовать жизнью ¹⁰⁾. Западъ же для Петра былъ только орудіемъ,—орудіемъ цѣннымъ, пока цѣль еще не достигнута ¹¹⁾.

Къ несчацію, еще въ началѣ Петръ встрѣтилъ страшные бунты мнимыхъ старовѣровъ, волненіе невѣжественныхъ массъ, подъ личною вѣрой и во имя древняго православія, потомъ заговоръ на жизнь его и мятежное возстаніе стрѣльцовъ. На это возстаніе царь отвѣчаетъ страшнымъ стрѣлецкимъ розыскомъ съ пытками и жестокостями, какихъ исторія не видала со временъ Грознаго; это былъ актъ не правосудія, а ожесточенной ярости царя, который въ это время, по словамъ современниковъ, былъ какъ левъ рыкающій ¹²⁾. Странные застѣнки Преображенскаго постоянно наполнялись новыми жертвами царскаго гнѣва; среди пытокъ и казней, орудіе крутой воли Петра—суровый князь-кесарь Ромодановскій непрестанно, по собственнымъ словамъ его, „кровьми омывался“. Такъ съ самаго начала Петровская реформа

⁹⁾ Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ великихъ дѣлахъ Петра; мы постараемся ограничиться взглядомъ на отношеніи его къ Церкви и духовенствѣ, пользуясь съ благодарностью превосходною рѣчью г. профессора Кіев. Дух. Ак. Ф. А. Терновскаго (Труды Кіев. Дух. Акад. 1874 г., октябрь).

¹⁰⁾ «А о Петрѣ вѣдайте, говорилъ онъ передъ Полтавскою битвою, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія во славу и благоденствію».

¹¹⁾ «Европа, писалъ Петръ, нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ».

¹²⁾ Ярость царя не пощадила и его семейства: царевны Софья и Марѳа, мутившія стрѣльцовъ, и супруга царя, Евдокія Лопухина, державшаяся старинной партіи, были пострижены, послѣдняя въ томъ самомъ Покровскомъ-Суздальскомъ монастырѣ, который принялъ нѣкогда въ свои стѣны другую невольную постриженницу, великую княгиню Соломолю, супругу Василя Іоанновича.

получила крутой и даже фанатическій характеръ и стала вводиться насильственными и жестокими средствами.

Но, несмотря на ненависть къ суевѣрью, напрасно обвиняють Петра въ недостаткѣ вѣры. Въ виду громадности предстоящихъ работъ, Петръ считалъ первымъ долгомъ какъ для себя, такъ и для своихъ подданныхъ „безустанный трудъ“, физическій и умственный, ремесленный и военный. И въ этой любви къ труду мы видимъ первую черту религіознаго характера Петрова. „Молись и трудись“,—говаривалъ онъ, а также: „аще кто не хочеть дѣлати, ниже да ясть“. „Мы,—писалъ царь изъ Голландіи патр. Адріану,—послѣдую слову Божію, бывшему ко праотцу Адаму, въ потѣ лица трудимся“. „Мы,—писалъ царь въ другой разъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ боярину Стрѣшнему,—по заповѣди Божіей къ праотцу Адаму, въ потѣ лица своего хлѣбъ ѣдимъ“. Какъ человѣкъ умный и много искушавшій, Петръ не могъ не замѣтить, что часто самые усиленные труды ни къ чему не ведутъ, что для успѣха нужно еще что-то. Что же именно? „Благословеніе Божіе“,—рѣшилъ Петръ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ себѣ. „Быть трудолюбивымъ и честнымъ,—разсуждалъ Петръ, вотъ лучшая политика человѣка, власть имущаго; приносить она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе“. Эта идея о волѣ Божіей, всѣмъ управляющей, о необходимости помощи Божіей, Божьяго благословенія для успѣшнаго труда, проникаеть всю общественную дѣятельность Петра и даетъ ей христіанскій отбѣнокъ. Обращеніе царя къ Промыслу Божію оживало съ особенною силою при радостныхъ или торжественныхъ событіяхъ ¹³⁾. Воззваніе къ промыслу Божію не было чуждо Петру и при неудачахъ ¹⁴⁾.

Въ трудныхъ для совѣсти случаяхъ, которые, впрочемъ, при опредѣленности возрѣній Петра, были у него очень рѣдки, онъ считалъ для себя непремѣннымъ долгомъ обращаться къ свѣту закона Божія и освѣщать имъ путь свой. Таково было дѣло царевича Алексѣя. Петръ призывалъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ принять участіе въ разбирательствѣ этого труднаго для его совѣсти дѣла ¹⁵⁾.

¹³⁾ По случаю взятія Азова царь писалъ Шереметеву: «письмо ваше о пресчастливой побѣдѣ съ превеликою радостію приняли и Господу Богу сердечно благодарили; ибо таковые слухи Ему Единому приписывать достойтъ». При извѣстіи о заключеніи мира со Шведами царь писалъ: «николи наша Россія такого полезнаго мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались. За еже все да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, выну хвала».

¹⁴⁾ Послѣ неудачи на берегахъ Прута Петръ писалъ въ Сенатъ: «Такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе допустили... Но мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать».

¹⁵⁾ Духовнымъ лицамъ царь между прочимъ писалъ слѣдующее: «Хотя довольно власти надъ сыномъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, однакожь боюсь Бога, дабы не погрѣшить. Ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи, хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ сію болѣзнь свою вручаю вамъ, прося лѣченія оной, бояся вѣчныя смерти. Да взыщите и

Нельзя сказать, чтобы религиозное сознание, внушавшее Петру во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ благоговѣніе къ закону Божію, было всегда безошибочно. Строгость перевѣшивала въ немъ милосердіе, и, казня преступниковъ, Петръ почти всегда забывалъ изреченіе Апостола: „и хвалится милость на судъ“. Въ этомъ отношеніи любопытна одна сцена изъ эпохи стрѣлецкихъ казней. Патріархъ Адріанъ, вспоминая старинную обязанность святителя печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери и молилъ царя о пощадѣ преступниковъ. „Зачѣмъ ты здѣсь?—вскричалъ Петръ,—развѣ тебя зоветъ сюда твоя обязанность? Скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто;—знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долгъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели“. „Я думаю,—сказалъ даже царь,—что для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь беззаконниковъ“. Но въ другомъ подобномъ случаѣ, Петръ поступилъ иначе: когда онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ для казни стрѣльцовъ, и преступники уже были подведены къ плахѣ, вдругъ изъ толпы народа бросается къ ногамъ раздраженнаго государя игуменья Смоленскаго дѣвичьяго монастыря Марѳа, съ громкимъ воплемъ о помилованіи. Это неожиданное зрѣлище такъ поразило царя, что онъ подалъ знакъ остановить казнь, и вскорѣ милость восторжествовала надъ справедливымъ гнѣвомъ; Петръ почувствовалъ сладость прощенія и, въ благодарность Марѣѣ, приказалъ, чтобъ она требовала отъ него, чего пожелаетъ, что онъ все готовъ исполнить. Тогда благочестивая старица просила построить въ обители ея каменную церковь, вмѣсто деревянной, и просьба ея была исполнена¹⁶⁾.

Какъ человѣкъ искренно вѣрующій, Петръ естественно долженъ былъ молиться. Къ внѣшнему богочтенію Петръ относился довольно свободно. По праздникамъ Петръ ходилъ въ церковь, при чемъ, по живости характера, любилъ принимать участіе въ богослуженіи: пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостоль, но богомольемъ особеннымъ не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долги земные поклоны, возжиганіе многихъ свѣчей предъ образами, любовь къ добродушнымъ колоколамъ и проч. были не въ духѣ царя. Тѣмъ не менѣе были въ многотрудной жизни Петра такія минуты, когда онъ молился съ полною горячностью и искренностью. Такъ, послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, приставъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря, Петръ съ усердною благодарственною молитвою поставилъ крестъ въ память о своемъ чудномъ спасеніи. Такъ, на поляхъ Полтавскихъ, надъ могилою убитыхъ воиновъ, Петръ, конечно волнуемый

покажете отъ св. писанія истинное наставленіе и разсужденіе... дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семь дѣлъ имѣли». Свѣтскимъ лицамъ увѣщаніе отъ царя было въ томъ же родѣ: «Не флатируя, сирѣчь похлебствуя мнѣ и несмотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія».

¹⁶⁾ Отеч. Записки Свиньина № 76 (Августъ 1826), стр. 271 и 272.

самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущениями, во-
друзилъ собственноручно крестъ съ надписью: „воины благочестивые,
за благочестіе кровію вѣпчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Сло-
ва 1709“. Такъ во время пребыванія въ Карлсбадѣ, Петръ часто уда-
лялся на близъ лежащую гору для уединенныхъ молитвъ. И доселѣ
деревянный крестъ обозначаетъ тамъ мѣсто царской молитвы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, въ виду осмѣянія суевѣрій и старыхъ
обычаевъ, позволялъ себѣ грубыя и кощунственныя забавы ¹⁷⁾, соблаз-
нявшія вѣрующихъ людей. Брадобритіе, нѣмецкое платье, праздни-
ваніе Новаго года 1 января (вмѣсто 1 сентября) и другія нововведе-
нія возстановляли читателей старины противъ царя преобразователя.
А преслѣдуемые Петромъ изувѣры раскольники принимали его за
антихриста.

Патріархъ Адріанъ сначала было рѣзко высказался въ старомъ
духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ
былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Мо-
сквы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ мона-
стырѣ ¹⁸⁾. Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было ма-
ло, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ: безучастное
положеніе первосвятителя было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ поряд-
ковъ, только безмолвнымъ. Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нрав-
ственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого
взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было
какихъ-нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана, достаточно
было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде;
теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ
такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно,
могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ времена патріарха Нико-
на. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался, и возникъ трудный во-
просъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочув-
ствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было
выбрать даже такого патріарха который давалъ право надѣяться на
одно только безмолвіе съ своей стороны? Петръ рѣшился повременить
избраніемъ патріарха. Управление церковію на время поручено было
„мѣстоблюстителю патріаршаго престола“. Съ этого времени идетъ не-
прерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ Русской церкви.

Патріаршій домъ, дома архіерейскіе и монастырскія дѣла пове-
лѣно вѣдать боярину Ив. Алекс. Мусину-Пушкину: „сидѣть на патрі-

¹⁷⁾ Таково, напр., учрежденіе «всепугѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», во главѣ ко-
торого былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывшій учитель царя, съ титуломъ Іоани-
кита, патріарха презбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ
этомъ соборѣ разныя должности—эклезіарховъ, діаконовъ и проч.; самъ царь принялъ на
себя должность протодіакона. Кромѣ того былъ еще князь-папа, съ своей коллегией карди-
наловъ, и князь-игумень.

¹⁸⁾ Въ народѣ говорили: «какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантию
да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ».

аршемъ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ“. Велѣно переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе; сколько монаховъ и монахинь переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ неисходно. Монахи въ кельяхъ наединѣ не должны ничего писать, чернилъ и бумаги не держать, писать должны въ трапезѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ позволенія начальника, по преданію древнихъ отецъ. Ни въ мужскихъ, ни въ женскихъ монастыряхъ нельзя было никого постричь вновь безъ царскаго указа. Эти распоряженія объяснялись цѣлымъ рядомъ жалобъ предшествовавшаго времени на ослабленіе нравственности въ монастыряхъ и на кочевую жизнь монаховъ и монахинь, производящихъ соблазнъ своимъ поведеніемъ. Затѣмъ послѣдовала хозяйственная реформа: въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ велѣно дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи, которыя отданы были на оброкъ до урочныхъ лѣтъ, и если новые откупщики станутъ давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ. Посельскіе старцы въ вотчинахъ отставлены; вмѣсто нихъ опредѣлены приказчики изъ мірянъ. Наконецъ знаменитый указъ 1702 года опредѣлилъ назначить монашествующимъ опредѣленное (весьма ограниченное) количество денегъ и хлѣба, а затѣмъ всѣ остатки назначены на пропитаніе нищихъ въ богадѣльняхъ и въ бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ.

Понятно, что такія распоряженія не могли не быть неприятными для высшаго духовенства. Можетъ быть, въ этомъ заключалась одна изъ сильнѣйшихъ причинъ, почему Петръ встрѣчалъ въ немъ постоянное противодѣйствіе всѣмъ своимъ преобразованіямъ, особенно въ духовенствѣ великорусскомъ, какъ болѣе обиженномъ притѣсненіями монастырскаго приказа и не имѣвшемъ достаточного для цѣлей реформы образованія. Въ этомъ сопротивленіи видамъ Петра, доходившемъ иногда до преступленія, оказывались виновными не только священники и монахи, но даже и архіереи ¹⁹⁾. Большая часть іерарховъ великорусскаго происхожденія подражала безмолвію патріарха; и только весьма немногіе выражали дѣлами свое сочувствіе Петру, какъ Аѳанасій холмогорскій и Тихонъ казанскій. Первый былъ лично извѣстенъ царю своимъ образованіемъ и ласковымъ обращеніемъ съ иностранцами, которые пріѣзжали къ архангельскому порту; послѣдній доставлялъ значительныя пожертвованія на содержаніе войска.

Въ особенности пользовались уваженіемъ царя Петра два совре-

¹⁹⁾ Такъ по дѣлу царевича и царицы пострадали и духовники ихъ, Яковъ Игнатьевъ и Ѳеодоръ Пустынный (оба казнены), многіе монахи и монахини. Доснеев, епископъ ровоскій (по разстриженіи Демидъ Глѣбовъ), за пророчество о скорой смерти царя и за ложныя видѣнія, которыми онъ дѣйствовалъ на царицу Евдокію, колесованъ. Липены сана: Исаія, митрополитъ нижегородскій, за то, что потворствовалъ раскольникамъ и видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и Игнатій епископъ тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу Талицкому и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ—антихристъ.

менныхъ ему святителя: Іовъ, митрополитъ новгородскій, и св. Митрофанъ, первый епископъ воронежскій.

Іовъ, постриженникъ и впослѣдствіи архимандритъ Сергіевой лавры, митрополитъ новгородскій съ 1697 года, завелъ въ своей епархіи училища для образованія достойныхъ священниковъ. Главными сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были греки братья Іоанникій и Софроній Лихуды, заточенные, какъ мы уже видѣли, въ костромской Ипатіевскій монастырь. Іовъ выпросилъ ихъ у царя Петра и, съ помощію ихъ, въ 1706 г. учредилъ при домѣ своемъ два училища—греко-латинское и словенское. Для помѣщенія ихъ онъ построилъ, подлѣ своего архіерейскаго дома, обширное двухъэтажное зданіе, до сихъ поръ извѣстное подъ именемъ „Лихудіевскаго училища“. Въ шесть лѣтъ они довели своихъ учениковъ до реторики и логики, обучивъ ихъ сверхъ того греческому и латинскому языкамъ. Черезъ учениковъ, получившихъ образованіе въ этихъ училищахъ, митрополитъ завелъ потомъ до четырнадцати русскихъ школъ по уѣзднымъ городамъ и монастырямъ обширной своей епархіи.

Кромѣ занятій по училищу, Лихуды трудились надъ сочиненіями и переводами книгъ съ греческаго и латинскаго на русскій языкъ. Для пособія имъ митрополитъ Іовъ вызвалъ изъ Москвы нѣкоторыхъ прежнихъ учениковъ ихъ (іеродіакона Каріона Истомина, Николая Семенова и другихъ) и такимъ образомъ учредилъ при своемъ домѣ „общество переводчиковъ ²⁰⁾“. Кромѣ этихъ учрежденій, клонившихся къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, митрополитъ Іовъ достопамятенъ еще другими заботами, дѣлающими честь его человѣколюбію. Онъ съ 1706 г., на иждивеніе своихъ вотчинныхъ доходовъ, завелъ въ Новгородѣ три больницы, страннопріимницу и домъ для незаконнорожденныхъ и подкидышей. Этотъ воспитательный домъ былъ устроенъ въ приписанномъ къ архіерейской каѳедрѣ упраздненномъ монастырѣ Колмовѣ, на берегу Волхова, близъ Новгорода. Іовъ живалъ здѣсь лѣтомъ и самъ наблюдалъ за своими „найденышками“. Государь, узнавъ объ этихъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ, въ 1712 и 1713 гг., повелѣлъ на содержаніе ихъ приписать къ новгородскому архіерейскому дому половину монастырскихъ вотчинъ въ Олонецкомъ уѣздѣ и Галилейскую пустынь въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Деревской пятинѣ, бывшую до того времени за Воскресенскимъ монастыремъ; въ 1714 году обратилъ въ воспитательный домъ для пріема несчастнорожденныхъ и всякихъ младенцевъ богадѣльню сестры своей, царевны Наталіи ²¹⁾.

²⁰⁾ Изъ сочиненій, составленныхъ Лихудами въ Новгородѣ, извѣстны: 1) обличеніе ересямъ Лютера и Кальвина; 2) противъ гадателей Библии; 3) слово о Софіи—Премудрости Божіей, соч. 1708 г. (Рук. Румян. Муз. № 244); 4) похвальное слово св. Варлааму Хутынскому и житіе преподобнаго (Рук. Хутынск. монастыря). Кромѣ того, переведены съ греческаго и исправлены канонъ и стихиры Софіи Премудрости Божіей.

²¹⁾ Голиковъ, изд. 2-е, г. V, стр. 226. Въ 1715 году царь повелѣлъ указомъ во всѣхъ городахъ имперіи, у церквей при оградахъ, сдѣлать госпитали, «по примѣру учрежденныхъ въ Новгородѣ Іовомъ митрополитомъ».

Достигнувъ глубокой старости, Іовъ нѣсколько разъ просился на покой въ Троицкій монастырь, въ которомъ принялъ постриженіе, или въ Колмовъ, гдѣ завелъ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ; но государь удерживалъ полезнаго дѣятеля на его мѣстѣ. Досточтимый святитель скончался 3 февраля 1716 г. ²²⁾.

Св. Митрофанъ знаменитъ не школьною ученостію, но святостію жизни и содѣйствіемъ Петру въ усердномъ радѣніи о благѣ родной земли.

Михаиль (мірское имя св. Митрофана) происходилъ изъ духовнаго званія и провелъ большую часть жизни въ быту семейномъ. Овдовѣвъ ²³⁾, онъ на 40 году постригся въ Золотниковской обители, недалеко отъ Суздаля. Тамъ же и послѣ въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ былъ онъ настоятелемъ.

Въ 1682 г., когда нужно было избрать перваго епископа воронежскаго царь Феодоръ, благоговѣвшій къ препод. Макарію, избралъ „ученика и намѣстника его, игумена Митрофана, мужа истинно праведнаго и святаго“, какъ говоритъ современная монастырская записка ²⁴⁾. Новыя епархіи, въ томъ числѣ и воронежская, открыты были тогда съ тою цѣлію, чтобы ближайшій надзоръ святителей могъ во время видѣть замыслы лжеучителей, принимать мѣры для противодѣйствія расколу. Митрофанъ посвященъ во епископа воронежскаго 2 апрѣля 1682 г. патриархомъ Іоакимомъ съ 16 архипастырями. Здѣсь же въ Москвѣ пришлось ему убѣдиться въ значеніи раскола для церкви и государства: онъ былъ свидѣтелемъ кроваваго неистовства стрѣльцовъ противъ ненавистныхъ имъ бояръ и буйства Никиты Пустосвята съ его шайкой въ Грановитой Палатѣ. Нельзя было не удержать до гроба въ душѣ этихъ страшныхъ сценъ. И святитель Митрофанъ до гроба былъ столько же твердымъ обличителемъ своеволій невѣжественнаго раскола, сколько ревностнымъ попечителемъ о благѣ государственномъ.

Проникнутый духомъ ученія Христова, святитель былъ искреннимъ чтителемъ власти царской и усерднымъ попечителемъ о благѣ православнаго царства. Царь Петръ Великій готовился тогда къ войнѣ съ магометанскимъ царствомъ и для осады Азова съ моря строилъ на воронежской верфи корабли разныхъ размѣровъ. Святитель Божій старался помогать царю и молитвою и словомъ увѣщанія. Онъ объяснялъ при каждомъ случаѣ, какъ благодѣтельны намѣренія госуда-

²²⁾ Митр. Іовъ ревностно и съ успѣхомъ подвизался противъ раскола. Послѣ него остались сочиненія: противъ раскольниковъ, о рожденіи антихриста; письмо къ Черкашеву о крещеніи (у Толстаго, IV № 59); три книги писемъ его въ новгородской софійской библ.; духовное завѣщаніе его въ III ч. Описанія Соловец. мон., стр. 257—263. При немъ составлена третья новгородская лѣтопись, лѣтопись преимущественно о храмахъ (Собр. лѣт. III, 205—279).

²³⁾ Въ одномъ изъ писемъ своихъ святитель упоминаетъ о сынѣ своемъ Иванѣ Михайловичѣ, служившемъ въ званіи подьячаго.

²⁴⁾ Описаніе Макаріева Унженскаго монастыря стр. 17 и 21.

ря для церкви и отечества, столько лѣтъ страждущихъ отъ дикаго магометанства. Когда же строеніе кораблей встрѣтило себѣ затрудненіе, вопреки стараніямъ царя, въ недостатокѣ денегъ, святитель поспѣшилъ отвратить это препятствіе. Собравъ всѣ деньги, какія были у него при каедрѣ, онъ принесъ ихъ государю и сказалъ: „всякій сынъ отечества долженъ отъ своего достатка помогать нуждѣ государственной; прими же, государь, отъ моихъ издержекъ оставшіяся деньги и употреби ихъ противъ невѣрныхъ“. Тронутый Петръ принялъ это пособіе изъ рукъ святителя, какъ залогъ благоволенія Божія къ его предпріятію. И въ послѣдующее время св. Митрофанъ жертвовалъ достояніе свое на нужды государства. Во время шведской войны расходы военные истощали казну до крайности. Въ 1700 г. св. Митрофанъ послалъ отъ себя 4000 руб. на остановившееся строеніе кораблей въ воронежскомъ адмиралтействѣ. Въ слѣдующемъ году онъ пожертвовалъ 3000 руб. на жалованье воинамъ.

Съ своей стороны, царь-преобразователь глубоко чтилъ и любилъ св. Митрофана: не уступая никогда никому и ни для чего изъ своихъ нововведеній, онъ сдѣлалъ однажды уступку только для святителя воронежскаго, по слѣдующему случаю: человѣкъ Божій, благоговѣя къ помазаннику Божію, твердо хранилъ въ душѣ, что св. воля Божія выше всего и что спасеніе душъ христіанскихъ, врученныхъ сею волею христіанскому пастырю, должно быть предметомъ ревности пастырской, и не боялся говорить правду царю, въ виду опасностей грознаго царскаго гнѣва. Петръ проживалъ по нѣскольку недѣль въ Воронежѣ для надзора за постройкою военнаго флота. Вблизи адмиралтейства стоялъ дворецъ его. По обычаю иноземному зданіе царское было украшено изваяніями языческихъ боговъ. Разъ царь пригласилъ къ себѣ святителя. Старецъ перешелъ уже мостъ и вступилъ на островъ р. Воронежа, гдѣ находилось адмиралтейство, какъ взоръ его встрѣтилъ изваянія языческія у воротъ дворца. Цѣломудренный взоръ святителя оскорбился и благоговѣніе его къ христіанству, замѣняемо-му здѣсь памятниками язычества, возмутилось. Святитель не пошелъ далѣе, а воротился въ свои кельи. Государь, которому сказали, что архіерей былъ у дворца и ушелъ, оскорбился поступкомъ архипастыря и послалъ опять звать его къ себѣ. Святитель отвѣчалъ посланному: „пока государь не повелитъ низвергнуть идоловъ, которые соблазняютъ народъ, не могу явиться во дворецъ предъ царскія очи“. Услышавъ столь рѣшительный отвѣтъ, Петръ пришелъ въ негодованіе. Какъ смѣетъ онъ не слушаться царской власти?—говорилъ гнѣвный Петръ. Царь послалъ сказать, что если не явится сейчасъ же, какъ преступникъ царской воли подвергнется казни. „Жизнь моя во власти царя,—отвѣчалъ святитель посланному:—но для меня лучше умереть, чѣмъ нарушить долгъ святительскаго сана моего. Лучше умереть, чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческіе болваны и тѣмъ соблазнять простыя сердца народа“. Гнѣвъ Петра

между тѣмъ нѣсколько остылъ, и когда передали ему слова святителя, онъ терпѣливо выслушалъ ихъ. Съ своей стороны свят. Митрофанъ, хорошо зная строгость Петра, спѣшилъ приготовить душу свою къ вѣчности. Онъ распорядился, чтобы благовѣстили къ всеобщему бдѣнію въ большой колоколь. Государь, услышавъ благовѣсть, спросилъ: „что за праздникъ завтра?“ Ему отвѣчали, что нѣтъ никакого. Онъ послалъ спросить о причинѣ благовѣста къ архіерею. Святитель отвѣчалъ посланному: „мнѣ, какъ преступнику, словомъ царскимъ назначена смерть; готовясь къ смерти, хочу я совершить соборное моленіе съ церковью о прощеніи грѣховъ моихъ, чтобы Господь явилъ надо мною милость Свою“. Петръ изумился рѣшимости святителя умереть по ревности къ дѣлу Божію. Онъ немедленно посладеъ успокоить его милостивымъ словомъ своимъ и просилъ не тревожить народа необычайнымъ звономъ. Затѣмъ немедля велѣлъ снять статуи, оскорбившія пастыря. Услышавъ о послѣднемъ, святитель на другой день пришелъ къ царю и смиренно благодарилъ его за уничтоженіе изваяній, соблазнительныхъ для народа. Такъ пастырь Божій совершилъ исповѣдническій подвигъ. Государь видѣлъ по этому опыту величіе духа въ святителѣ и еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ уважать его. Святитель Митрофанъ и во всякое другое время близко къ душѣ держалъ мысль о смерти. Доказательствомъ тому служить синодикъ его, въ которомъ видимъ, какъ любвеобильное сердце святителя обнимало и овецъ паствы своей и людей, вѣрно служившихъ отчизнѣ православной ²⁵⁾. Домъ его былъ отдыхомъ для всѣхъ утомленныхъ жизнью, въ немъ находили помощь себѣ всѣ бѣдныя, вдовы и сирые. Онъ былъ простъ въ обхожденіи: къ нему открытъ былъ доступъ для каждаго, богатаго и бѣднаго, знатнаго и безызвѣстнаго.

Двадцать лѣтъ св. Митрофанъ управлялъ воронежскою паствою, достигъ глубокой старости и мирно преставился 23 ноября 1703 года ²⁶⁾. По волѣ Божіей случилось, что въ тотъ самый день прибылъ въ Воронежъ государь. По обычаю своему поспѣшилъ онъ посѣтить добраго архипастыря, но уже засталъ его при послѣднемъ издыханіи; царь поцѣловалъ его руку и остался ждать кончины, которая не замедлила. Государь самъ закрылъ глаза его и велѣлъ приготовить все нужное для погребенія почетнаго. Когда священники подошли, чтобы поднять тѣло для выноса, государь, обратясь къ чинамъ морскимъ сказалъ: „намъ стыдно будетъ, если не засвидѣтельствуемъ признательности пашей сему благодѣтельному пастырю отданіемъ послѣдней почести; мы сами вынесемъ тѣло его“. И съ этими словами государь

²⁵⁾ Въ синодикѣ святителя поминаются воины изъ полка боярина Алексѣя Семеновича Шеина, скончавшіеся на пути къ Азову и убитые подъ стѣнами сего города, также воины изъ полка боярина Бориса Петровича Шереметева, убіенные въ сраженіи и умершіе въ плѣну.

²⁶⁾ Предчувствуя близкое исшествіе изъ міра земнаго, приготовилъ онъ духовное завѣщаніе, весьма поучительное и назидательное. Оно напечатано при «Описаніи житія и чудесъ святителя».

поднялъ гробъ святителя и съ старшими военачальниками понесъ въ соборъ; потомъ самъ же несъ тѣло въ усыпальницу и опустилъ въ могилу. „Не осталось у меня такого святаго старца,—буди ему вѣчная память!“—сказалъ царь благодарный ²⁷⁾.

Между архипастырями своего времени, воспитанными среди стараго, немногосложнаго быта, гдѣ важнѣйшимъ церковнымъ вопросомъ была забота о благолѣпіи обрядовъ и о строгой дисциплинѣ церковной, Петръ нашелъ слишкомъ мало святителей, подобныхъ Іову и Митрофану, и встрѣтилъ слишкомъ мало сочувствія и содѣйствія своимъ предначертаніямъ, а потому естественно долженъ былъ обратить взоръ на духовенство южной Россіи, какъ болѣе просвѣщенное и болѣе способное къ тѣмъ реформамъ, которыя казались ему необходимыми. Недовѣріе къ православію кievскихъ ученыхъ, сильно укоренившееся въ Москвѣ, и обличенія восточныхъ патріарховъ ²⁸⁾ не могли задержать исполненія твердой воли царя. Еще при жизни патріарха Адріана, Петръ положилъ начало поставленію архіереевъ изъ малороссовъ—воспитанниковъ кievскихъ, и первый выборъ палъ на того, кому впослѣдствіи ввѣрено было управление всею Русскою Церковью по кончинѣ послѣдняго патріарха.

Стефанъ (въ мірѣ Симеонъ) Яворскій родился въ Волянскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ. Родители его, принадлежавшіе къ дворянскому сословію, какъ и всѣ дворяне тогдашняго времени, обращали на себя особенное вниманіе папистовъ и униатовъ. Отъ ихъ злобныхъ преслѣдованій Яворскіе принуждены были покинуть родину, удалились въ Малороссію и поселились со всѣмъ своимъ семействомъ въ Нѣжинѣ. Юный Симеонъ съ дѣтскихъ лѣтъ показывалъ необыкновенныя способности и склонность къ наукамъ. Но такъ какъ въ Нѣжинѣ въ то время не было никакого училища, то родители поручили его на воспитаніе Варлааму Ясинскому, бывшему тогда іеромонахомъ и проповѣдникомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Когда, въ званіи ректора и возобновителя Кіево-могилянскои коллегіи, Ясинскій перешелъ игуменомъ въ Братскій монастырь, то взялъ съ собою Яворскаго и опредѣлилъ его во вновь открытыя школы, имѣя самъ непосредственное надъ нимъ наблюденіе. Дорожа счастливыми способностями своего воспитанника, Ясинскій, независимо отъ школьныхъ уроковъ, самъ преподавалъ ему поэзію и риторіку, читалъ и объяснялъ ему латинскихъ авторовъ, искренно радуясь понятливости и успѣхамъ своего юнаго питомца,

²⁷⁾ Нелѣпіе мощей святителя Митрофана извѣстно было со времени перенесенія ихъ въ другой храмъ, при многократныхъ поправкахъ въ соборѣ, гдѣ онѣ были погребены. Многочисленныя чудеса испѣленія притекающихъ съ вѣрою ко гробу угодника Божія побудили къ освѣдѣтельствуванію мощей. Наконецъ, 7 августа 1837 года св. мощи новопрославленнаго святителя Христова были открыты и повелѣно праздновать повсемѣстно память св. Митрофана въ день его преставленія.

²⁸⁾ Іерусалимскій патріархъ Досіеѳъ въ 1702 г. прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ (малороссовъ), а оставить однихъ природныхъ москвитянъ, «аще и немудріи суть».

и, наконецъ, отправилъ его въ галицкія и польскія училища, славившіяся тогда отличными наставниками-іезуитами ²⁹⁾. Возвратившись оттуда съ званіемъ „учителя словесныхъ наукъ и философіи и полно-го богослова“ ³⁰⁾, Яворскій посвятилъ труды свои на служеніе родному училищу. Постриженный въ Кіевской лаврѣ въ 1690 году, учитель, проповѣдникъ, игумень Кіево-Николаевского пустынного монастыря, онъ былъ присланъ (въ началѣ 1700 года) отъ благодѣтеля своего Варлаама Ясинскаго (тогда уже митрополита Кіевского) въ Москву, съ просьбою къ патриарху Адриану о посвященіи его на вновь учрежденную южно-Переяславскую епархію. Выслушавъ слово ³¹⁾, произнесенное Стефаномъ надъ гробомъ боярина Шеина, Петръ захотѣлъ видѣть проповѣдника на одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Несмотря на то, что въ Москвѣ приняли Стефана не ласковѣ, осыпали его бранью и клеветами, и даже самъ Стефанъ упорно отказывался отъ архіерейства ³²⁾, царь повелѣлъ патриарху Адриану посвятить Кіевского игумена прямо въ санъ митрополита Рязанскаго, а по кончѣ патриарха назначилъ его „екзархомъ святѣйшаго патриаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ“.

Однимъ изъ главныхъ дѣлъ Стефана въ новомъ его званіи была борьба съ расколомъ и протестантствомъ. Онъ засталъ въ Москвѣ разсѣваемое раскольниками мнѣніе, что будто бы близко пришествіе антихриста, что Москва—Вавилонъ, а жители ея—вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію этихъ слуховъ были преобразованія Петра, дурно понятыя

²⁹⁾ По всей вѣроятности, обучаясь въ іезуитскихъ школахъ, онъ долженъ былъ на время отступить отъ православія. На одной книгѣ его (въ библ. Харьковской семинаріи) собственноручная надпись: *ex libris Stanislai Simonis Jaworscy* (два имени и притомъ одно—папистское). Филарета Черниговскаго Обзоръ 1, 382.

³⁰⁾ *Artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus*. Такъ подписался онъ на панегирикѣ Echo. Тамъ же.

³¹⁾ Стефанъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ слова. Даже сочинитель лютеранскаго пасквиля на «Камень Вѣры» говоритъ о Стефанѣ, что онъ имѣлъ удивительный даръ слова и «едва подобныя ему въ учительствѣ обрѣстись могли. Мнѣ случалось, продолжаясь тотъ же сочинитель, видѣть въ церкви, что онъ могъ, уча слушателей, заставить ихъ по произволу плакать или смѣяться». Въ проповѣдяхъ его есть сила мысли, есть искусство въ расположеніи частей рѣчи, есть одушевленіе чувства искренняго, есть наконецъ и ясность въ словѣ; но имъ довольно вредить встрѣчающаяся по мѣстамъ искусственность того времени, позволявшая выставлять картины и обороты рѣчей обиходной жизни, съ большою примѣсью иностранныхъ словъ.

³²⁾ Стефанъ писалъ царю: «Вины, для которыхъ я ушелъ отъ посвященія: 1) Писалъ ко мнѣ преосвящ. митрополитъ Кіевскій, чтобъ я возвращался въ Кіевъ и его во время старости не оставлялъ при его немощахъ и недугахъ. 2) Епархія Рязанская, на которую меня хотѣли посвятить, имѣетъ еще въ живыхъ своего архіерея, а правила св. отецъ не повелѣваютъ живу сущу архіерею иному касатися епархій—духовное прелюбодѣянiе (!). 3) Изощренный завистію языкъ многія досады и поклепы на меня горывилъ: иные рекли, будто я купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонныхъ золотыхъ; иные именовали меня еретикомъ, ляшенкомъ, обливаникомъ. 4) Не дано мнѣ сроку, чтобъ я могъ приготовиться на такую высокую архіерейства степень очищеніемъ совѣсти своея и чтеніемъ книгъ богодуховенныхъ».

невѣждами. Они брались за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и сообразно съ такимъ вычисленіемъ рыли могилы, дѣлали гробы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа. Яворскій рѣшился обличить и образумить грубыхъ лжеучителей и для этого написалъ сочиненіе, въ которомъ, обличивъ суевѣрныя мнѣнія раскольниковъ, показалъ, на основаніи св. Писанія, истинныя знаменія пришествія антихристова.

Въ то время открыта въ Москвѣ секта самыхъ изступленныхъ кальвинистовъ. Стрѣлецкій полковой лѣкарь Димитрій Евдокимовъ Тверитиновъ-Дерюшкинъ, живя при одномъ неправославномъ врачѣ и набравшись отъ него кальвинскихъ мыслей, началъ разсѣвать дерзкія хулы на св. иконы, крестъ, мощи, Евхаристію, призываніе святыхъ, поминовленіе усопшихъ, литургію, посты, значеніе добрыхъ дѣлъ и другія преданія православной Церкви. Эта зараза распространилась между стрѣльцами и мастеровыми. Цирюльникъ Ѳома Ивановъ дошелъ до такой дерзости, что публично произносилъ въ Чудовѣ монастырѣ хулу на св. Алексія митрополита и разрубилъ ножомъ его икону. Стефанъ немедленно приступилъ сначала къ тайному разслѣдованію относительно этого общества и, нашедши главныхъ виновниковъ, въ 1714 г. предалъ нераскаянныхъ анаѳемѣ, а Ѳома Ивановъ подвергнуть былъ смертной казни по суду гражданскому ³³⁾. Чтобы навсегда предохранить некрѣпкихъ вѣрою отъ подобныхъ заблужденій, Яворскій написалъ знаменитое свое сочиненіе „Камень Вѣры“, которое впрочемъ не было напечатано при жизни автора.

Митрополитъ Стефанъ Яворскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ревнителей православія. Смѣлый, благородный и откровенный онъ говорилъ правду самому Петру, окруженному протестантами. Это не мѣшало однакожь правдолюбивому монарху уважать святителя; зато иностранцы-лютеране смотрѣли на него, какъ на непримиримаго и опаснаго своего врага. И не они одни, но и всѣ враги Церкви православной боялись сильныхъ, прямыхъ и непобѣдимыхъ его обличеній. По его внушенію царь въ 1719 году издалъ указъ не иначе дозволять бракъ лютеранина съ православнымъ лицомъ, какъ подъ условіемъ воспитанія дѣтей въ православіи.

Другой, современный Стефану, великій святитель и искренній другъ послѣдняго отъ юности, былъ св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій.

Не вдалекѣ отъ Кіева, въ городкѣ Макаровѣ, у малороссійскаго сотника Саввы Григорьевича Туптало въ 1651 году родился сынъ, нареченный при крещеніи Даниломъ. Воспитанный съ младенчества благочестивыми родителями въ страхъ Божию, юный Даниилъ былъ

³³⁾ Тогда же нѣкоторые изъ увлеченныхъ въ ересь разосланы были по монастырямъ. Въ архивѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря случилось мнѣ видѣть грамоту (митроп. Стефана), при которой былъ присланъ «еретикъ Артюшка монахъ, соумышленникъ Ѳомки цирюльника», для заключенія въ «каменный мѣшокъ», тѣсную тюрьму въ одной изъ монастырскихъ башенъ.

отданъ въ Кіево-могилевскую коллегію и началъ проходить по порядку классы, только что открытыя Іоанникіемъ Галятовскимъ³⁴⁾. Томимый жаждою познаній, онъ быстро окончилъ ученіе въ начальныхъ школахъ и въ двѣтъ юношескихъ лѣтъ достигъ классовъ поэзіи и реторики. Здѣсь-то раскрылся передъ нимъ тотъ рудникъ слова, который потомъ разработалъ онъ самъ своимъ гениальнымъ умомъ. Подъ руководствомъ знаменитаго полемическаго богослова Галятовскаго, Туптало изучилъ тѣ приемы и обороты рѣчи, которые невольно поражаютъ въ его поученіяхъ и бесѣдахъ самаго обыкновеннаго читателя; у него занялъ онъ ту энергію и непобѣдимую силу убѣжденія, которыя явились впоследствии въ борьбѣ его съ раскольниками. И потому благодарить надо Провидѣніе, что оно допустило будущаго святителя слушать уроки въ кіевской коллегіи. Къ сожалѣнію, онъ не могъ идти далѣе реторики: ибо кромѣ того, что другихъ классовъ не было тогда въ коллегіи, даже сама она въ то время едва не подверглась полному разрушенію.

Окончивъ ученіе въ коллегіи, семнадцатилѣтній юноша не захотѣлъ оставаться въ мірѣ и испросилъ у своихъ родителей благословеніе вступить въ монашество; 9 іюля 1668 г. въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ Даніилъ принялъ иноческое постриженіе и прославленное имъ потомъ имя Димитрія. Слѣдуя такимъ образомъ вышнему призванію, юный инокъ весь погрузился въ подвижничество: строгое уединеніе и богомысліе, отреченіе отъ всего, что имѣетъ міръ въ себѣ привлекательнаго, необыкновенная кротость, смиреніе и послушаніе, неутомимое усердіе къ Церкви Божіей и непрестанная молитва отличали его даже между старѣйшими братьями обители. Такой свѣтильникъ не могъ долго оставаться подъ спудомъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого блюститель кіевской митрополіи архіепископъ Лазарь Барановичъ вызвалъ его въ Черниговъ, облекъ въ санъ іеромонаха и опредѣлилъ проповѣдникомъ при соборѣ. Два года проповѣдническаго служенія въ Черниговѣ столько прославили молодого витію, что имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Упрощенный братією Слуцкаго православнаго монастыря, онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многія обители предлагали св. Димитрію принять начальство надъ ними: но онъ уклонялся отъ этихъ приглашеній и продолжалъ жить въ Слуцкѣ, не имѣя силъ разстаться съ любимцемъ души своей Іоанномъ Скоткевичемъ, строителемъ того монастыря. Лазарь Барановичъ и гетманъ Са-

³⁴⁾ Іоанникій Галятовскій, учитель реторики въ Кіевской коллегіи и настоятель Купятискаго монастыря на Волини, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ составительныхъ богослововъ своего вѣка; многочисленныя его сочиненія свидѣтельствуютъ о той ревности, съ какою во всю жизнь свою преслѣдовалъ онъ всякое ученіе, враждебное духу православнаго христіанства. Іезуиты еще не встрѣчали между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника, какъ Галятовскій,—и не одни іезуиты,—даже уніаты, евреи и магометане были поражены несокрушаемымъ словомъ этого великаго поборника православія. И далеко пронесла молва славное имя Галятовскаго.

мойловичъ упрасивали его воротиться въ Малороссію, и св. Димитрій, дождавшись кончины своего друга и почтивъ память его надгробнымъ словомъ, въ 1679 году прибылъ на родину. Гетманъ принялъ его весьма милостиво и благодѣтельствовалъ ему; но добродѣтельный и смиренный инокъ не захотѣлъ употреблять въ свою пользу расположенія сильнаго человѣка и удалился въ Батуринскій Николаевскій монастырь, гдѣ усугубилъ свое подвижничество, проводя время въ постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. Писанія и проповѣданіи слова Божія. Вскорѣ братія Кіево-Кирилловскаго монастыря обратилась къ св. Димитрію съ убѣдительнонѣйшими просьбами о принятіи начальства надъ ними, извѣщая, что они единогласно избрали его своимъ игуменомъ. Они просили и гетмана ходатайствовать о томъ же; но св. Димитрій отправилъ представителя ихъ съ благодарственнымъ письмомъ; убѣжденія Самойловича также не подѣйствовали. Черезъ годъ послѣ того явились къ нему два старца Максаковской Преображенской обители съ предложеніемъ игуменства. Долго отговаривался св. Димитрій; наконецъ, неотступныя просьбы преодолѣли его глубокое смиреніе,—потому болѣе, что Максаковскій монастырь, по своему уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ строгой отшельнической его жизни. Не долго однакожъ онъ управлялъ этою обителью: 1 марта 1682 года его перевели въ томъ же званіи въ Батуринскій Крутицкій монастырь; но и здѣсь начальствовалъ онъ съ небольшимъ полтора года и потомъ самъ отказался отъ настоятельства и возобновилъ строгую келейную жизнь въ томъ же монастырѣ. Такъ будущій великій святитель готовился въ тиши уединенія къ будущимъ великимъ подвигамъ!

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-Печерскій, Варлаамъ Ясинскій, вызвалъ св. Димитрія въ лавру и предложилъ ему собрать и исправить „Житія святыхъ“. Огромный трудъ утратилъ Димитрія; но убѣжденія архимандрита и соборныхъ старцевъ вынудили его согласіе, и онъ приступилъ къ занятіямъ. Дѣйствительно, работы было много; попытки предшественниковъ Димитрія въ этомъ дѣлѣ были далеко несовершенны, руководствоваться ими и думать было нечего: слѣдовало начинать сначала. Димитрій обложилъ себя книгами Метафраста, писателями восточной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаніями святыхъ, собранными Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, подъ названіемъ Четихъ-Миней. Два года провелъ св. Димитрій въ Кіево-Печерской лаврѣ, весь преданный своему занятію⁸⁵⁾; а въ 1686 году, подвигнутый неотступными убѣжденіями гетмана Самойловича и батуринскаго духовенства, снова принялъ начальство надъ Круцицкимъ монастыремъ. Здѣсь онъ докончилъ первую четверть своихъ Четь-Миней, содержащую въ себѣ жизнеописа-

⁸⁵⁾ Въ великой церкви Кіево-Печерской лавры показываютъ мѣсто, гдѣ св. Димитрій всегда становился при богослуженіи. Оно находится съ лѣвой стороны отъ входа, близъ памятника князя Константина Острожскаго; тамъ теперь поставлена икона святителя богатоукрашенная серебряною вызолоченною ризою.

пія святыхъ, память которыхъ празднуеть православная Церковь въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ. Трудъ этотъ, разсмотрѣнный и одобренный архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и всѣмъ лаврскимъ соборомъ, немедленно былъ напечатанъ въ печерской типографіи и въ 1689 году представленъ царскому Двору. Патріархъ Іоакимъ разгнѣвался было, что книга напечатана безъ его разсмотрѣнія, но, сдѣлавъ замѣчаніе митрополиту Варлааму, одобрилъ благочестивое усердіе сочинителя ³⁶⁾.

Въ томъ же году гетманъ Мазепа, питая уваженіе къ Дмитрію и желая представить его ко Двору, взялъ съ собою въ Москву, гдѣ онъ и пробылъ около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, при чемъ представился царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, а также и царю Петру Алексѣевичу въ Троицкомъ монастырѣ. Въ Москвѣ Дмитрій часто посѣщалъ патріарха Іоакима, который, продолжая одобрять его занятія, благословилъ его иконою. Возвратившись изъ Москвы, св. Дмитрій еще съ большею ревностію принялся за работу. Чтобъ не имѣть никакого развлеченія, онъ построилъ для себя въ своемъ Батуриномъ монастырѣ ³⁷⁾ особую келью, которую въ запискахъ своихъ называетъ „скитомъ“ ³⁸⁾ и, отказавшись отъ управленія вѣрною ему обителью, совершенно заключилъ себя въ своемъ скитѣ и въ 1693 году окончилъ вторую четверть своего творенія, въ ко-

³⁶⁾ Подлинная грамота Іоакима къ Варлааму, съ указаніемъ ошибокъ въ Минеехъ, хранится въ Моск. Синод. бібліотекѣ (непереплетен. Сборникъ № IV). Изъ числа этихъ важна была только одна: «Напечатасте въ книгѣ своей описъ, яко Пречистая Богородица зачата и рождена безъ первороднаго грѣха, отъ Адама происходящаго;—толко видимъ таковое мудрованіе въ книгахъ латинумудрствующихъ, но и ти о семь великія при и раздоры межъ собою имуть». Святитель Дмитрій впоследствии, приготавливая свою Минею ко второму изданію, тщательно заботился, какъ показываютъ письма его къ Теологу, объ исправленіи ошибокъ и недостатковъ перваго изданія. И мысли о рожденіи Богоматери безъ грѣха первороднаго уже нѣтъ въ послѣдующихъ изданіяхъ Миней.

³⁷⁾ Въ этомъ монастырѣ при управленіи св. Дмитрія, вѣроятно въ 1691 году, скончался Адамъ Зерниковъ, достойный полнаго уваженія, но въ свое время едва замѣченный. Рожденный въ лютеранствѣ, Адамъ самъ по себѣ почувствовалъ недовольство ученіемъ Лютера. Чтеніе книги Критопула: «Исповѣданіе церкви греческой», обратило мысли его къ православной Церкви. Главный предметъ спора православія съ Римомъ—исхожденіе Св. Духа—обратилъ на себя все его вниманіе. Онъ посѣтилъ бібліотеки Оксфорда, Кембриджа, Парижа и Рима, чтобы въ древнихъ и лучшихъ спискахъ отеческихъ сочиненій видѣть ученіе отцовъ о семь предметѣ. Слѣдствіемъ этого труда была полная увѣренность въ правотѣ Церкви православной. Онъ прибылъ къ Лазарю, архіеп. Черниговскому, и объявилъ ему свое желаніе соединиться съ православною Церковію. Вмѣстѣ устнаго отреченія отъ лютеранства онъ представилъ на бумагѣ «опроверженіе лютеранской вѣры». Затѣмъ гетманъ принялъ его съ честію въ Батуринѣ, какъ хорошаго инженера: но онъ, принявъ иночество, занялся собраніемъ розысканій своихъ по бібліотекамъ. Около 1682 г. окончилъ онъ свой обширный трактатъ «объ исхожденіи Духа Св. отъ единого Отца». Это было сочиненіе образцовое, какого доселѣ не было и на Востокѣ. Оно писано на латинскомъ языкѣ и издано въ двухъ частяхъ архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ въ Кенигсбергѣ, 1774 и 1776 года.

³⁸⁾ Это малое изданіе впоследствии общественное и проданное Батуринскому помѣщику, покойнику П. И. Прокоповичу, существуетъ и теперь при учрежденной имъ школѣ пчеловодства и служить для сбереженія воска и меда.

торой помѣстилъ жизнеописанія святыхъ, празднуемыхъ въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Въ слѣдующемъ году св. Димитрій былъ переведенъ игуменомъ въ Глуховской Петропавловскій монастырь, гдѣ также продолжалъ многополезныя свои занятія. Черезъ три года потомъ онъ былъ перемѣщенъ въ званіи настоятеля въ Кіево-Кирилловскій монастырь, куда двадцать девять лѣтъ передъ симъ вступилъ бѣльцомъ, а вышелъ оттуда инокомъ. Здѣсь однакожь св. Димитрій начальствовалъ недолго, ибо того же года наименованъ архимандритомъ Чорниговскаго Успенскаго Елецкаго монастыря, а въ 1699 году переведенъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскую Спасскую обитель. Тутъ онъ окончилъ и третью четверть своихъ Миней: мартъ, апрѣль и май мѣсяцы. Послѣдняя четверть совершена св. Димитріемъ въ 1705 году уже въ Ростовѣ. Такимъ образомъ слишкомъ двадцать лѣтъ трудился святитель надъ этимъ образцовымъ сочиненіемъ, которое и въ свое время имѣло и донинѣ сохранило духовновоспитательное вліяніе на православный русскій народъ. Св. Димитрій желалъ доставить благочестію чтеніе и пріятное и полезное и доставилъ лучшее для всѣхъ состояній. Краснорѣчіе жизнеописателя — живое и увлекательное, языкъ — образецъ славянской чистоты и изящества.

Въ томъ же 1700 году, когда Стефанъ Яворскій былъ неволею поставленъ въ митрополиты Рязанскіе, Петръ поручилъ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому „поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ или другихъ иноковъ добраго и ученаго и благодѣтельнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, и могъ бы Божіею милостію исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ и долгослуженія и другихъ невѣжествіяхъ законнѣльчыхъ человекъ приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живого Бога“. По этому требованію былъ прислать Димитрій и весною 1701 года посвященъ въ митрополиты Сибирскіе; но и это назначеніе было невольное: Димитрій заболѣлъ съ горя; онъ чувствовалъ, что здоровье его не могло бороться съ суровымъ климатомъ Сибири, да и трудъ, на который онъ положилъ всѣ свои силы, остался бы неоконченнымъ. Посему царь Петръ, посѣтивъ его больного, позволилъ ему остаться въ Москвѣ для проповѣди слова Божія, и святитель проповѣдывалъ здѣсь около года. Въ 1702 г. опредѣленъ онъ на кафедрѣ Ростовскую.

Ревностный святитель нашелъ свою епархію въ печальномъ положеніи, въ какомъ находились тогда почти всѣ епархіи великороссійскія и изъ котораго хотѣлъ ихъ извлечь Петръ посредствомъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство было невѣжественное, учить своихъ духовныхъ дѣтей не могло, и духовныя дѣти тѣмъ легче увлекались проповѣдью какого-нибудь раскольничьяго старца, который кричалъ противъ духовенства, отступившаго отъ правой старой вѣры³⁹⁾. Грустно и больно было образованному и ученому сыну юго-

³⁹⁾ «Окаянное наше время! говорилъ св. Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей: окаянное время, въ которое такъ пренебрежно сѣяніе слова Божія, и не знаю, кого прежде

западной Руси встрѣтитъ такое невѣжество въ новой своей паствѣ; св. Димитрій рѣшилъ просвѣтитъ и исправить сперва церковныхъ учителей, и для этого написалъ и разослалъ имъ два окружныхъ наказа съ изъясненіемъ ихъ обязанностей какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и къ вѣренной имъ паствѣ. А дабы на будущее время приготовить для Церкви способнѣйшихъ священнослужителей, онъ основалъ въ Ростовѣ семинарію и, раздѣливъ ее на три класса, самъ надзиралъ за ходомъ ученія, а иногда, за неимѣніемъ учителей, самъ обучалъ дѣтей. Кромѣ этого способнѣйшимъ изъ воспитанниковъ онъ толковалъ въ свободное время свящ. писаніе, желая восполнить этимъ недостатокъ богословскаго класса ⁴⁰).

Но св. Димитрію предлежалъ еще другой, важнѣйшій подвигъ въ Ростовской паствѣ. Тамъ было въ то время множество раскольниковъ, главные учителя которыхъ, укрываясь въ брянскихъ лѣсахъ, чрезъ потаенныхъ своихъ проповѣдниковъ всюду разсѣвали свое зловерное ученіе. Крайне прискорбно это было просвѣщенному защитнику вѣры Христовой. Онъ рѣшилъ объѣзжать по пѣскольку разъ свою епархію и проживалъ въ Ярославлѣ не малое время для того, чтобы словомъ обличать законѣлое невѣжество отступниковъ Церкви православной. Однажды при выходѣ изъ храма нечаянно спросили его незнакомые ему чтители брады: „намъ велятъ брить бороды, а мы готовы положить и головы свои за бороду. Какъ повелишь намъ, владыко?“ Святитель, вовсе не ожидая подобнаго вопроса, нашелся однако дать отвѣтъ и вѣрный и остроумный: „Какъ вы думаете,—сказалъ святитель,—отростетъ ли голова, если у васъ снимутъ ее?“ Нѣтъ,—отвѣчали тѣ. „А брада?“ Брада отростетъ. „Пусть же вамъ отрѣжутъ

надобно винить—святелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Святель не сбежъ, а земля не принимаетъ, іереи не брегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны, іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются, іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста: мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались? и они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О окаянныя іереи, нерадѣяте о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящія?»

⁴⁰) Къ сожалѣнію, средства епархіи, ограничиваемыя до крайности монастырскимъ Приказомъ, лишили святителя возможности содержать училища. До насъ дошло слѣдующее письмо св. Димитрія къ Іову новгородскому: «уподобляешься Господу своему, когда, желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ въ паствѣ своей, собралъ не малое число учениковъ и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т.-е. еллино-греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распространились по всѣмъ народамъ. Я, грѣшный, пришедшій на престолъ Ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разумѣть ведурно; но поущеніемъ Божиимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе: питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣчныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sat sapient! (разумѣющему довольно).

бороду, дождетесь другой“. Послѣ того святитель узналъ, что въ паствѣ его много людей, которые сомнѣваются въ спасеніи души изъза того, что по указу царя обрили бороду, думая, что вмѣстѣ съ тѣмъ лишились образа Божія. Святитель въ 1705 году разослалъ по епархіи сочиненіе: „О образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“. А царь Петръ повелѣлъ какъ можно чаще печатать это сочиненіе. Между тѣмъ святитель готовилъ обширное сочиненіе: „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, сочиненіе превосходное въ томъ отношеніи, что раскрываетъ самый духъ раскола, показывая въ немъ недостатокъ евангельскаго смысла и любви. Въ первой части онъ оканчиваетъ изслѣдованіе тою мыслію, что вѣра раскольниковъ не права, а во второй—тѣмъ, что ученіе ихъ душевредно; въ третьей тѣмъ, что дѣла ихъ не богоугодны. Ненависть, возбужденная въ раскольникахъ всѣхъ толковъ этимъ сочиненіемъ къ угоднику Божію, лучше всего свидѣтельствуешь о томъ, какъ сильно и непріязненно имъ было оружіе слова Димитрія. Передъ очами всего міра стали они съ своей вѣрой неправой, своимъ вреднымъ ученіемъ и съ дѣлами, приводящими въ ужасъ и омерзеніе всякаго испытателя судебъ человѣчества ⁴¹).

Изъ ученыхъ сочиненій святителя Ростовскаго особенно замѣчательна „Лѣтопись“, названная самимъ сочинителемъ, по скромности, „келейною“, т.-е. написанною для домашняго употребленія; но изъ собственнаго письма св. Димитрія къ другу его, Стефану Яворскому, открывается и другая, важнѣйшая цѣль этого сочиненія. „Въ нашей Малороссійской странѣ трудно найти біблію славянскую... и рѣдко кто знаетъ порядокъ исторій библейскихъ... И для того хотѣлъ вкратцѣ библейскую исторію преподать таковымъ для вѣданія“. Особенно любопытно здѣсь его изслѣдованіе „о несогласномъ лѣтосчисленіи“. Вообще, лѣтопись эта была бы единственною въ нашей литературѣ, еслибъ была окончена; но, къ сожалѣнію, св. Димитрій успѣлъ довести ее только до 3600 года отъ сотворенія міра.

Такія многочисленныя и разнообразныя занятія, увеличивавшіяся съ году на годъ, по мѣрѣ возвышенія св. Димитрія по степенямъ церковной іерархіи, ни мало не погасили въ немъ проповѣдническаго жара. Будучи уже митрополитомъ, онъ все оставался тѣмъ же ревностнымъ органомъ слова Божія, какимъ былъ и въ ту пору, когда едва лишь переступилъ границу юношескаго возраста, какимъ являлся и въ Кіевѣ и въ Черниговѣ, и во всѣхъ монастыряхъ, куда приводимъ былъ, ко благу святой Церкви, вышнимъ Промысломъ. Въ санѣ іерарха онъ рѣдко совершалъ литургію безъ слова поучительнаго. Проповѣдуемая имъ истины христіанства, такъ сродныя его уму, были жизнiю его сердца, и оттого, изливаясь прямо изъ души, являлись

⁴¹) 1766 г. шайка раскольниковъ рѣшилась было украсть и сечь мощи святителя, но не успѣла въ покушеніи отъ того, что святитель самъ извѣстилъ во снѣ архимандрита о замыслѣ злодѣевъ (описаніе Ростовскаго Іаковлевскаго монастыря, Москва, 1850 года, стр. 60—62).

всегда живыми, дѣйственными: и не въ тѣсныхъ предѣлахъ школьной реторики, не въ напыщенныхъ формахъ классическаго ораторства того времени изрекалъ онъ высокіе догматы и святѣя правила жизни христіанской, а въ простой бесѣдѣ отца съ дѣтьми, учителя съ учениками. Искусно пользуясь всѣмъ, что имѣетъ въ себѣ наука, св. Дмитрій, при необыкновенной силѣ выраженій и живости оборотовъ, умѣетъ держать въ постоянномъ напряженіи вниманіе слушателя, не позволяя ему ни на одну минуту скучать сухимъ изложеніемъ догматическихъ или нравственныхъ истинъ. Самый тонъ обличенія у него не грозный и потрясающій, а тихій, отечески-укорительный, выражающійся иногда въ повѣтствованіи нѣсколько сатирическомъ. И доселѣ вся православная Россія питается вдохновенными бесѣдами святителя Ростовскаго ⁴²⁾.

Но духъ бодръ, а плоть немощна. Изнемогая въ силахъ св. Дмитрій все еще не прекращалъ своихъ занятій и за два дня до своей кончины (26 октября 1709 г.), больной и разслабленный, едва еовершилъ божественную литургію. На другой день онъ позвалъ къ себѣ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть имъ же самимъ сочиненныя духовныя пѣсни. Что происходило тогда въ душѣ праведника, тихо волнуемой воспоминаніями, поражаемыми этой мелодіей, которую сложилъ онъ въ первой порѣ свѣжести и крѣпости силъ!.. 28 октября служители, взошедшіе въ келью митрополита, увидѣли его стоящимъ на колѣняхъ и уже предавшимъ духъ свой Богу. Такъ скончался праведникъ на 59 году отъ рожденія!

Тѣло святителя оставалось непогребеннымъ до прибытія друга его Стефана Яворскаго ⁴³⁾, который вторично отпѣлъ его 25 ноября и предалъ землѣ въ Іаковлевскомъ монастырѣ, въ юго-западномъ углу Зачатейской церкви, по желанію почившаго ⁴⁴⁾.

Оставшаяся многочисленная библіотека его отослана тогда же

⁴²⁾ Сочиненія св. Дмитрія весьма многочисленны. Довольно подробный списокъ ихъ помѣщенъ въ словарь писателей митр. Евгенія и въ Обзоръ русск. Дух. Литературы Филарета, архіеп. Черниговскаго.

⁴³⁾ Св. Дмитрій и Стефанъ Яворскій условились между собою, чтобы тотъ, кто первый изъ нихъ умретъ, былъ погребенъ другимъ. Рязанскій митропол. сдержалъ свое слово: онъ явился въ Ростовъ на погребеніе своего друга, оросилъ слезами священные останки его, провизнь усопшему надгробное слово и соч. надгробную надпись въ стихахъ. Словарь достоп. людей Рус. Земли, ч. I, стр. 532.

⁴⁴⁾ Въ завѣщаніи своемъ св. Дмитрій говоритъ: «никтоже да трудится по смерти моей испытѹя или взыскѹя каковаго-либо келейнаго моего собранія: ибо ниже на погребеніе что оставляю, ни на поминовеніе, да нищета иноческаѹя наипаче на кончинѣ явится Богу. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Ему будетъ, аще ни едина цапа по мнѣ не останется, неже егда бы многое собраніе было раздаваемо. И аще мене тако нища никто же восхоцетъ обычному предати погребенію, молю убо тѣхъ, иже свою смерть памятствуютъ, да отвлекнутъ мое грѣшное тѣло во убогій домъ и тамо между трупіями да повергнутъ е. Аще жъ владычествующихъ изволеніе повелитъ мя умерша погребсти по обычаю, то молю христіолобивыхъ погребателей, да погребутъ мя въ монастырѣ святаго Іакова, епископа Ростовскаго, во углѣ церковномъ, идѣже мѣсто ми назнаменованъ: о семь челомъ бѹю».

въ Москву въ патриаршую бібліотеку, а черновья его рукописи положены, согласно завѣщанію, въ гробъ, вмѣсто возглавіи и подстилки. Кромѣ бібліотеки не найдено никакого имѣнія, потому что онъ, кромѣ книгъ, ничего не собиралъ, а все раздавалъ бѣднымъ, нуждающимся, больнымъ и сирымъ, не оставивъ ничего даже на погребеніе ⁴⁵⁾.

Мы видѣли, что слабость здоровья и труды въ составленіи Четихъ-Миней отвекли св. Димитрія отъ апостольскаго подвига въ пустыняхъ Сибири. Промыслъ Божій предназначилъ этотъ подвигъ другому, неутомимому и ревностному труженику: имя просвѣтителя Сибири принадлежитъ преимущественно блаж. митрополиту Филоею, въ схимѣ Теодору.

Филоею Лещинскій родился 1650 года и по выходѣ изъ кievской коллегіи женился и былъ священникомъ; но лишившись супруги, принялъ монашество и въ скоромъ времени произведенъ въ намѣстники Братскаго монастыря. Мѣстоблюститель патриаршаго престола Стефанъ Яворскій, соученикъ Лещинскаго, имѣлъ счастье въ непродолжительномъ времени, согласно державной волѣ Петра I, рукоположить Филоею въ санъ митрополита сибирскаго и тобольскаго, на мѣсто св. Димитрія, перемѣщеннаго въ Ростовъ. При самомъ посвященіи онъ получилъ порученіе стараться о распространеніи христіанства между разными язычниками Сибири, въ духѣ евангельскомъ; личная ревность и внутреннее призваніе еще болѣе требовали того же отъ Филоею. Помощниками святому дѣлу были взяты имъ изъ Кіева ученые иноки и благочестивые молодые люди. Филоею, какъ видно, глубоко сожалѣлъ о потерѣ восточной Дауріи, уступленной Китаю въ 1689 г. Онъ отправилъ миссіонеровъ къ пограничнымъ сибирскимъ Монголамъ и старался обратить къ святой вѣрѣ самого калмыцкаго кутухту (первосвященника), который столько уважалъ его, что не усомнился въ грамотахъ своихъ называть святителя „Великимъ ламоу“ и „надъ ламами ламоу“. Святитель Филоею простиралъ ре-

⁴⁵⁾ По блаженной кончинѣ св. Димитрія протекло 42 года, и Господь Богъ благоизволилъ прославить угодника Своего. Несмотря на то, что мощи св. Димитрія лежали въ сыромъ мѣстѣ, не покрытомъ сводами, тлѣніе не прикоснулось къ священнымъ останкамъ праведника; даже одежда святителя, его митра, шелковыя четки вишневаго цвѣта сохранились въ прежнемъ видѣ, тогда какъ дубовый гробъ совершенно сгнилъ. Чудесныя исцѣленія, источаемыя вѣрующимъ молитвою и ходатайствомъ угодника Божія, предвозвѣстили прославленіе его у Господа. По освидѣтельствованіи мощей и повѣркѣ чудесъ, св. Синодъ манифестомъ 22 апрѣля 1757 года причислялъ Димитрія къ лику святыхъ и назначилъ повсемѣстное празднованіе памяти его 21 сентября—въ день открытія мощей, и 28 октября—въ день преставленія. Нетлѣнныя мощи поставлены открыто на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде почивали онъ въ могилѣ. Благочестіемъ дочери Петра I, императрицы Елизаветы устроена изъ перваго серебра, открытаго въ ея царствованіе, великолѣпная, кованныя, серебряная рака святителю Димитрію, въ которую нетлѣнныя мощи его переложены 23 мая 1763 года, въ присутствіи императрицы Екатерины II. Длина раки 3 арш. 7 вершк., выш. 2 арш. 6 вершк., шир. въ тумбѣ 3 арш., на крышѣ раки литые атрибуты архіерейскаго достоинства.

вность свою и на Пекинъ ⁴⁶⁾; узнавъ, что нѣкоторые изъ пекинскихъ поселенцевъ, подъ тяжестію языческаго мрака, начинаютъ ослабѣвать въ святой вѣрѣ, онъ послалъ въ Пекинъ (въ 1711 г.) обличительную грамоту и успѣлъ поддержать слабыхъ въ любви ко Христу. Одушевленный наставленіями его, купецъ Осколковъ въ 1713 году просилъ манжурскую палату внѣшнихъ сношеній о дозволеніи присылать въ Пекинъ русскихъ священниковъ. Хотя предъ тѣмъ такая же просьба русскаго правительства была отвергнута, но Осколову дѣло удалось. Императоръ дозволилъ прибыть русской миссіи. И въ 1714 году отправлены были изъ Tobольска архимандритъ Иларіонъ Лежайскій, іеромонахъ Лаврентій и іеродіаконъ Филимонъ съ причетниками. Въ 1715 г. они приняты были въ Пекинѣ съ отличнымъ вниманіемъ; императоръ велѣлъ отвезти имъ квартиры и выдавать содержаніе; они служили въ той же каменной церкви, которая устроена была для русской роты, и ихъ труды не оставались безъ пользы для Русскихъ и для Китайцевъ ⁴⁷⁾.

Заболѣвъ тяжкою болѣзнію, неутомимый труженикъ отказался отъ кафедры и принялъ схиму въ тюменскомъ монастырѣ съ именемъ Θεодора; ревность его къ распространенію вѣры получила теперь еще болѣе свободы. Сибирскій воевода, князь Гагаринъ, предложилъ ему внѣшнія пособія для проповѣди; Θεодоръ отправился съ нѣсколькими священниками внизъ по Иртышу къ Остякамъ. Первый годъ службы вѣрѣ немного принесъ видимыхъ плодовъ; послѣ долгихъ убѣжденій Θεодоръ успѣлъ склонить въ Самарѣ народъ къ тому, что тотъ самъ сжегъ идола своего; то же сдѣлано въ шорванскихъ юртахъ; но здѣсь смятеніе едва могло быть успокоено убѣжденіями въ безсиліи неумѣвшаго защитити себя идола. Въ Конди крещены нѣкоторые отцы семействъ. Въ 1713 г. Θεодоръ во второй разъ поплылъ по Иртышу. Въ алтынскихъ юртахъ слово вѣры одержало побѣду надъ самыми закоренѣлыми идолослужителями. Θεодоръ крестилъ 3500 человекъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей прежде крещенныхъ Остяковъ. Въ слѣдующемъ году отправился онъ изъ Тюмени въ Пелымъ и крестилъ 400 вогуловъ, а миссіонеръ помощникъ его еще 300. Въ Березовѣ, по устроенію Промысла, собрались Остяки изъ дальнихъ кочевьевъ. Θεодоръ крестилъ ихъ и оставилъ имъ священника. Въ 1715 г. онъ плавалъ внизъ по Кондѣ и въ здѣшнихъ Остякахъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе, даже покушеніе на жизнь его. Но надежда на Господа,

⁴⁶⁾ Въ 1684 г., по волѣ китайскаго императора, разорены были русскія селенія на рѣкѣ Амурѣ; нѣсколько плѣнниковъ, жители Албазина, съ священникомъ ихъ отведены были въ Китай и поселены въ сѣверовосточномъ углу Пекина особенною слободою подъ именемъ «русской роты». Императоръ приказалъ дать имъ готовое буддійское капище для устроенія церкви, которая и была устроена во имя Софіи, премудрости Божіей. Въ 1695 году Tobольскій митропол. Игнатій отправилъ къ нимъ съ сверхотурскимъ священникомъ Григоріемъ и съ Tobольскимъ діаконъ Лаврентіемъ антиминосъ, миро, богослужебныя книги и утварь.

⁴⁷⁾ Спасскаго, Сиб. Вѣстн. 1822 г., стр. 177—192.

искренность убѣжденія и чистота души, одушевлявшія богоугоднаго старца, одержали побѣду надъ упорнымъ заблужденіемъ. Въ томъ же году онъ снова вызванъ на митрополию и продолжать заботу о распространеніи вѣры. Въ 1716 г. посланные имъ миссіонеры обратили чуждымскихъ татаръ и болѣе половины Кистимцовъ, жившихъ на рѣкѣ Томѣ. Въ 1718 и 1719 годахъ святитель, несмотря на дряхлость лѣтъ опять самъ путешествовалъ съ проповѣдію святой вѣры, былъ въ Иркутскѣ и оттуда дважды за Байкаломъ, плавалъ по рѣкамъ Ангара, Тунгускѣ и Кеши. Феодоръ былъ отцомъ обращенныхъ имъ, доставлялъ имъ пособія жизни, свободу отъ подушнаго оклада и рабства. Апостольскими своими подвигами онъ успѣлъ обрѣсти для Христа до 40,000 остяковъ, вогуловъ, татаръ, тунгусовъ и другихъ инородцевъ и поставилъ для нихъ 37 церквей.

Удалясь въ Троицкую тюменскую обитель, онъ провелъ пять лѣтъ въ труженичествѣ и молитвенныхъ подвигахъ. Добрый пастырь, не щадившій себя для паствы своей, скончался 31 мая 1726 г., завѣщавъ похоронить себя у самаго входа въ храмъ Троицкій, дабы, по его собственному выраженію, „мимоходящіе попирали прахъ его ногами“ ⁴⁸⁾.

Въ первые годы служенія митрополита Филоея открыта была епархія Иркутская,—викарная сибирской митрополіи, гдѣ прежде того были уже обители иноковъ—ревнителѣй вѣры ⁴⁹⁾. Первымъ епископомъ Иркутскимъ былъ Варлаамъ Косовскій, изъ воспитанниковъ кievскихъ. По перемѣщеніи его въ Тверь на мѣсто его, нѣсколько лѣтъ остававшееся празднымъ, поступилъ св. Иннокентій, уроженецъ малороссійскій, изъ древней дворянской фамиліи Кульчицкихъ. По окончаніи полнаго курса наукъ въ кievской академіи онъ былъ постриженъ въ монашество въ Печерской лаврѣ и отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими въ Москву къ должности учителя въ тамошнюю славено-греко-латинскую академію. Четыре года несъ онъ училищную службу и, достигнувъ званія префекта, былъ переведенъ въ Петербургъ въ Александрo-Невскую лавру, гдѣ вскорѣ занялъ должность намѣстника. Когда Петръ I вознамѣрился учредить въ Китаѣ епископію, наравнѣ съ римско-католическою миссіей, Иннокентій 5 марта 1721 года хиротонисанъ былъ въ санъ епископа и отправленъ къ посланнику Измайлову въ Пекинъ на мѣсто бывшаго тамъ архимандрита. О прибытіи его послана была къ китайскому правительству предувѣдомительная грамота. Къ несчастію, она не застала уже въ Пекинѣ Измайлова, пользовавшагося большимъ уваженіемъ Богдыхана, и, по интригамъ миссіонеровъ-іезуитовъ, была возвращена селенгинскому начальнику съ такимъ изъясненіемъ, что „по указу богдыханскому, господина Иннокентія Кульчицкаго въ Пекинъ пропускать не велѣно, для того, что отъ сибирскаго губернатора никакого объ немъ письма нѣтъ и знаку

⁴⁸⁾ Словарь достопамятныхъ людей русск. земли, Бантышъ-Каменскаго, III, 219.

⁴⁹⁾ Спасская въ Якутскѣ съ 1660 года, Троицкая въ Киренскѣ съ 1663 г. и Вознесенская въ Иркутскѣ съ 1672 г.

печати, каковыя даны Измайлову, не приложено“. Иннокентію повелѣно было до времени оставаться въ Селенгинскѣ, гдѣ онъ и пребылъ до 1725 года, а затѣмъ, по указу Синода, выѣхалъ въ Иркутскъ на житье въ тамошнемъ Вознесенскомъ монастырѣ; два года спустя онъ назначенъ былъ викаріемъ тобольскаго митрополита въ Иркутскѣ, съ подчиненіемъ ему Вознесенскаго монастыря; и такимъ образомъ уроженецъ юга поставленъ былъ Промысломъ благовѣстити Евангеліе сынамъ суровой Сибири. Высшее помазаніе, щедро изліянное въ душу и сердце угодника Божія, не являлось тщетнымъ: полудикіе обитатели дальняго сѣвера убѣждались вдохновенною его проповѣдью и толпами стекались къ купели крещенія. Чтобъ упрочить дѣло обращенія идолопоклонниковъ, Иннокентій открылъ при Вознесенскомъ монастырѣ училище для дѣтей всякаго званія, гдѣ преподавали имъ русскій букварь, чтеніе и пѣніе, толковали заповѣди, учили читать, писать и переводить по-монгольски; но съ кончиною святителя эта школа упала и совсѣмъ уничтожилась. Св. Иннокентій мирно кончилъ благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года и въ простой монашеской мантии погребенъ былъ въ склепѣ подъ соборною церковію Вознесенскаго монастыря ⁵⁰⁾.

Таковы были святители, избранные Великимъ Петромъ на служеніе церкви православной въ трудную эпоху иреобразования Россіи. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ въ высшей степени даровитомъ, ученомъ монахѣ, который сдѣлался ближайшимъ и усерднѣйшимъ сотрудникомъ Царя-преобразователя и по кончинѣ его сталъ во главѣ церковнаго управленія.

Феофанъ Прокоповичъ родился въ 1681 году. Онъ былъ сынъ кievскаго мѣщанина и при крещеніи нареченъ былъ Елеазаромъ. Въ дѣтствѣ лишившись родителя, онъ поступилъ на воспитаніе къ родному своему дядѣ, іеромонаху Феофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ коллегіи. Елеазару было всего три года; но съ каждымъ мѣсяцемъ появлялись въ немъ новые отблески того могучаго ума и несокрушимой воли, которыми впослѣдствіи изумлялъ онъ всѣхъ своихъ

⁵⁰⁾ Въ царствованіе императора Павла I сенаторы Ржевскій и Левашевъ, ревизовавшіе Иркутскую губернію, донесли государю о нетлѣннй мощей святителя Иннокентія, а въ 1800 году Амвросій, митропол. новгородскій, объявилъ Св. Синоду Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣннй всѣхъ обстоятельствъ, изъясненныхъ въ рапортѣ сенаторовъ, и приложенныхъ при немъ свѣдѣннй отъ тогдашняго иркутскаго епископа Веніамина съ краткой выпиской о чудесахъ, происходившихъ при гробѣ святителя. По слѣдствію оказалось, что мощи и самая одежда въ Бозѣ почившаго пребыли совершенно нетлѣнными, а чудеса, бываемыя отъ нихъ, не подвержены никакому сомнѣнію. Черезъ два года послѣ сего снова произведено разслѣдованіе, и какъ бы во свидѣтельство несомнѣннаго прославленія угодника Божія, въ томъ же году, когда сторѣлъ весь монастырь, уцѣлѣла одна лишь деревянная церковь, подъ которою почивали мощи св. Иннокентія. Въ 1804 г. указомъ Св. Синода отъ 1 декабря установлено праздновать память свят. Иннокентія 26 ноября. Въ 1805 г., 9 февраля, по облаченіи мощей въ святительскія ризы, онѣ были перенесены въ соборную Успенскую церковь, гдѣ и нынѣ открыто почиваютъ въ серебряной позолоченной ракѣ, источая всѣмъ вѣрующимъ исплѣненія.

современниковъ. Достигнувъ отрочества, онъ поступилъ въ низшіе классы училища и еще разъ остался сиротой, лишившись на восьмомъ году своего возраста благодѣтеля-дяди. Какой-то кievскій мѣщанинъ, имя котораго остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, взялъ мальчика къ себѣ на воспитаніе и далъ ему возможность продолжать начатое ученіе. Семнадцати лѣтъ отъ роду Елеазаръ Прокоповичъ уже окончилъ полный курсъ академическихъ наукъ; но жажда къ познаніямъ только что разгорѣлась въ немъ. Въ 1698 году онъ поѣхалъ въ Литву и, встрѣтивъ препятствіе въ исповѣдуюмой имъ православной вѣрѣ, назвалъ уніатомъ и даже вступилъ въ братство витебскаго базилианскаго монастыря подъ именемъ Елисея,—все это для того, чтобъ имѣть возможность еще разъ выслушать курсъ высшихъ наукъ. Настоятель отправилъ его въ волынское владимірское училище, находившееся при каедральномъ монастырѣ уніатскаго епископа. Блестательные успѣхи въ наукахъ скоро обратили на него вниманіе всего училищнаго начальства, и Елисей скоро изъ ученика сдѣлался учителемъ поэзіи и реторики. Черезъ нѣсколько времени провинціалъ базилианскаго ордена отправилъ Прокоповича вмѣстѣ съ другими канониками въ римскую академію для изученія философскихъ и богословскихъ наукъ. Три года пробылъ онъ тамъ, исполняя всѣ обязанности, сопряженныя съ принятымъ имъ званіемъ; но пылкость характера Прокоповича была причиною того, что тайна его обнаружилась и мнимый Елисей долженъ былъ бѣжать черезъ Венецію и Австрію въ Польшу. Прибывъ въ православный Почаевскій монастырь, онъ принялъ монашество съ переименованіемъ въ Самуила. Спустя нѣсколько времени Прокоповичъ былъ приглашенъ въ Кіевъ митрополитомъ Варлаамомъ, который лично зналъ необыкновенныя его способности и 1704 года опредѣлилъ его въ академію учителемъ піитики. Въ слѣдующемъ году Прокоповичъ принялъ имя Теофана, въ память своего покойнаго дяди, и съ тѣмъ уже остался до самой смерти.

Словомъ привѣтственнымъ на пріѣздъ въ Кіевъ Петра I, произнесеннымъ въ Софійской церкви іюля 5-го 1706 года, открывается великолѣпный рядъ торжественныхъ и похвальныхъ словъ Теофана. Это слово замѣчательно, какъ памятникъ первой встрѣчи его съ Петромъ. Несмотря на многіе недостатки, нельзя не признать въ немъ искренняго выраженія радости. Очень кстати Теофанъ окружилъ себя воспоминаніями старины и связалъ древнюю славу Россіи съ настоящею. Въ годъ Полтавской битвы, въ проѣздъ Петра Великаго черезъ Кіевъ, Теофанъ Прокоповичъ произнесъ длинное похвальное слово или „Панигирикось о православной надъ войсками Свейскими побѣдѣ“. Въ этомъ словѣ, довершившемъ возвышеніе Теофана, онъ — первый изъ современныхъ ему ораторовъ сталъ изображать живую современность, не переводя ее въ символы и аллегоріи.

Въ 1716 г. Теофанъ, ужь ректоръ академіи, былъ вызванъ въ Петербургъ и тамъ постоянно говорилъ проповѣди, въ которыхъ вы-

яснялъ слушателямъ политическія событія и планы Петра. Въ 1718 г. во время розысковъ, когда русское духовенство уличалось въ связяхъ съ царевичемъ и отринутой царицей, когда Петръ заподозрилъ въ этомъ даже и Стефана Яворскаго ⁵¹⁾, Теофанъ говорилъ слово о власти царской съ ясными намеками на современниковъ; тутъ говорилось о богословствующихъ невѣждахъ, которые хотятъ летать, но какъ „прузи, имѣя малыя крыльца, а чревище великое“, сейчасъ же падаютъ на землю,—о мудрецахъ, какимъ-то бѣсомъ льстимыхъ или меланхоліею омраченныхъ, которые считаютъ грѣшнымъ, что ни увидятъ чуднаго, славнаго, веселаго,—о видящихъ сонія и гласы слышащихъ; доказывалось, что и священныи чинъ обязанъ повиноваться государю, ибо этотъ чинъ не есть иное государство.

Теофанъ положилъ основаніе новой школѣ проповѣдниковъ, заключавшей въ себѣ возможность уклоненія въ протестантскую одно-сторонность: онъ допускалъ совершенно свободное изъясненіе текстовъ св. Писанія безъ авторитета отцевъ Церкви. ⁵²⁾ Отъ проповѣди онъ требовалъ обличенія предрасудковъ и суевѣрій и преподаваніе основныхъ догматовъ христіанства, всѣмъ доступнаго, яснаго и подкрѣпленнаго текстами. Онъ особенно предостерегалъ противъ произвольныхъ, натянутыхъ толкованій, противъ обычая—мимо прямого смысла искалъ аллегорій и символовъ, и предписывалъ строго держаться буквальнаго смысла. Какъ основатель новой школы въ богословской наукѣ, Теофанъ сильно возсталъ противъ вліянія католическихъ преданій, вкравшихся въ нашу Церковь, и ревностно трудился надъ ихъ искорененіемъ. Въ этомъ критическомъ трудѣ онъ руководствовался однимъ Писаніемъ и личнымъ разумомъ. Понятно, что при такомъ образѣ мыслей Теофанъ, непримиримый врагъ римскаго католицизма, въ своихъ воззрѣніяхъ на предметы вѣры и церковное устройство естественно долженъ былъ уклоняться на сторону протестанства и въ этомъ отношеніи значительно расходился съ Яворскимъ и другими кievскими учеными, которые отыскивали въ его богословскихъ лекціяхъ

⁵¹⁾ Петръ заподозрилъ святителя Стефана въ расположеніи къ царевичу, бывшему тогда за границею, по слѣдующему мѣсту изъ проповѣди на 17 марта (день памяти святаго человѣка Божія и именинъ царевича): «О, угодниче Божій! не забуду и тезоименника твоего, и особеннога заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такжеже по чужимъ домамъ скитается; ты удалился отъ родителей: онъ такжеже; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знакомыхъ: онъ такжеже; ты человѣкъ Божій: онъ такжеже рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій! покрый своего тезоименника, нашу едину надежду». Въ той же проповѣди были слова, которыя Петръ могъ примѣнить къ себѣ: «море свирѣное, море — человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть—во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть, во еже хранить благочестіе, посты, а наипаче четьредесятницу; берегъ есть почитати иконы».

⁵²⁾ Теофанъ положилъ въ основаніе слѣдующее правило: «испытывали бѣ (проповѣдники) сами отъ священнаго писанія, что есть воля Божія, и тобъ говорили».—(«Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ исповѣдники». Разсужденіе, писанное на степень магистра Ю. О. Самаринымъ, М. 1844, стр. 132).

протестантскія понятія о первородномъ грѣхѣ, оправданіи вѣрою, о церковной внѣшности и т. п. Сверхъ того, мѣстоблюстителю Стефану, строгому въ жизни и твердому въ правдѣ, не могла нравиться гибкость Теофановой совѣсти и свободное участіе его въ пиршествахъ вмѣстѣ съ иностранцами ⁵³), такъ что когда царь захотѣлъ возвести Теофана въ санъ святительскій, Стефанъ счелъ за нужное противиться его постановленію ⁵⁴). Но воля Петра была исполнена, и Теофанъ въ 1718 г. сдѣлался епископомъ псковскимъ съ правомъ носить саккосъ, что тогда почиталось особеннымъ монаршимъ благоволеніемъ, ибо епископы облачались въ фелонь съ омофоромъ. Съ этой поры Прокоповичъ становится правою рукою Петра въ дѣлахъ церковныхъ, болѣе министромъ, чѣмъ святителемъ Церкви.

По кончинѣ Петра и особенно при Биронѣ Теофанъ стоялъ во главѣ церковнаго правленія и дѣйствовалъ самовластно, нисколько не обуздывая страстей своихъ и мстительности противъ тѣхъ, которые прежде служили ему препоною. Хитрый и дальновидный, онъ умѣлъ устоять и удержать все вліяніе въ ту страшную эпоху, когда знатнѣйшіе дѣятели на поприщѣ политическомъ кончали жизнь свою въ снѣгахъ Сибири, когда отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній не избавляли ни личныя достоинства, ни высокой санъ. Но пришелъ конецъ и его многмятежной жизни (8 сентября 1736 г.); въ устрашающихъ образахъ проходили предъ нимъ минувшія событія, и, готовясь предстать суду Божию, онъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу, произнесъ: „о, главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?“ ⁵⁵),

Церковныя преобразованія Петра коснулись и состоянія духовенства какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго. Взглядъ Петра на монашество, выраженный еще при учрежденіи монастырскаго Приказа, проходить по всему его законодательству о монастыряхъ. Руководясь своими матеріальными понятіями о служеніи обществу и раздраженный тѣми подметными письмами противъ реформы, которыя изъ монастырскихъ келлій распространялись въ народѣ, онъ смотрѣлъ на мо-

⁵³) По доносу на дурную жизнь Теофана царь, любившій повѣрять лично всѣ доносы, самъ заѣхалъ къ Теофану въ полночь и засталъ его среди веселой пирушки съ друзьями. Теофанъ не смутился, заплѣлъ, съ кубкомъ въ рукѣ, навстрѣчу царя: «се женья грядеть въ полунощи», и провозгласилъ тостъ за его здоровье. Государю это понравилось, и онъ охотно самъ присоединился къ пирующимъ.

⁵⁴) Стефанъ написалъ и послалъ обличеніе на богословскую систему Прокоповича къ епископамъ Алексію сарскому и Варлааму тверскому, вызваннымъ въ Петербургъ для посвященія Теофана въ санъ епископа псковскаго, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ государю и формально потребовали бы отъ Теофана, предъ посвященіемъ, отреченія отъ указанныхъ пунктовъ и публичнаго оглашенія, что лекціи его были неправильны; въ случаѣ же отказа Теофанова Яворскій требовалъ, чтобы обличеніе его было представлено Вселенскимъ патріархамъ. Но протестъ этотъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, въ нѣкоторыхъ статьяхъ дѣйствительно привязчивый, не былъ уваженъ и, къ сожалѣнію, послужилъ лишь поводомъ къ распрѣ между сими двумя іерархами (Словарь Истор. ч. II, стр. 261).

⁵⁵) Тѣло Теофана, съ 1726 года, архіепископа Новгородскаго, погребено въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ Мартиріевской паперти.

наховъ, какъ на людей, которые „пождаютъ чуждые труды“ и отъ которыхъ кромѣ того являются „забобоны, ереси и суетвѣрія“. Несмотря на значительныя суммы денегъ, заимствованныя Петромъ изъ богатыхъ обитателей ⁵⁶⁾, первую заботою его было сокращеніе числа монастырей и монаховъ. Еще съ 1701 года монастырской Приказъ началъ перепись монастырей для составленія опредѣленнаго штата монашествующихъ. Штаты не были составлены, но принято было общимъ правиломъ число монаховъ и монахинь противъ переписи не увеличивать, постригать желающихъ только на свободныя мѣста. Съ теченіемъ времени и то число монашествующихъ, какое найдено по переписи, стало уменьшаться; вмѣсто убылыхъ монаховъ въ монастыряхъ помѣщались больные, нищіе, сумасшедшіе и особенно отставные солдаты. Впрочемъ, вскорѣ по основаніи новой столицы на берегахъ Невы Петръ устроилъ тамъ новую обитель въ честь св. великаго князя Александра Невскаго, въ которую перенесъ и мощи его изъ Владиміра ⁵⁷⁾. Здѣсь монахи были преимущественно ученые, по выбору самого царя, который ясно понималъ пользу, приносимую Церкви ученымъ монашествомъ, и указомъ предписалъ: „во всѣхъ Россійскія Имперіи монастыряхъ, переписавъ молодыхъ ниже 30 лѣтъ монаховъ, для ученія, кого какихъ наукъ возможно, въ славянолатинскія школы собрать“. Въ 1727 году императоръ Петръ II повторилъ тотъ же указъ; въ немъ замѣчено между прочимъ, что цѣлю такого распоряженія поставляется то, чтобъ былъ отъ ученыхъ иноковъ „плодъ Божіей Церкви“.

Бѣлое духовенство требовало еще болѣе попеченій, нежели монашествующее; реформа застала его въ самомъ жалкомъ положеніи, матеріальномъ ⁵⁸⁾ и нравственномъ ⁵⁹⁾. Для улучшенія матеріальныхъ

⁵⁶⁾ Такъ изъ Сергіевой лавры Петръ взялъ въ разное время «на ратное дѣло» и въ разные Приказы 402,000 серебряныхъ рублей, 200 золотыхъ червонныхъ и 1000 ефимковъ. Кромѣ того отъ лавры было отписано на Олонецкія верфи и на Невскій монастырь 4412 дворовъ.

⁵⁷⁾ Святотроицкая Александровская лавра основана въ 1710 году при устьи рѣчки Черной, на мѣстѣ, прославленномъ побѣдами св. князя Александра Невскаго надъ Шведами. Мощи св. князя, почивавшія открыто во владимірскомъ Рождественскомъ монастырѣ, перевезены въ 1724 году до Новгорода и тамъ поставлены на яхту. Царь съ своею свитой встрѣтилъ 30 августа св. мощи при устьи рѣки Ижоры, снялъ ихъ съ яхты на свою галеру и самъ управлялъ рулемъ до монастыря, гдѣ св. мощи положены въ бывшей тогда деревянной церкви подъ спудомъ. Тогда же установленъ праздникъ 30 августа. Серебряная рака пожертвована въ 1752 году дочерью Петра, Елисаветою, изъ перваго серебра, добытаго въ ея царствованіе.

⁵⁸⁾ Священники, по словамъ публициста Петровскаго времени, крестьянина Посошкова, были «ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху—и попъ за соху; мужикъ за косу—и попъ за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить, гдѣ было обѣдную служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить, а паства духовная остается въ сторонѣ».

⁵⁹⁾ Велѣно наблюдать за священниками, чтобы они не шумѣли пьяные по улицамъ, не ссорились по-мужичьи на обѣдахъ, не являли силы и храбрости къ питію, не пили по кабакамъ, не ложились спать на улицахъ.

средствъ приходскаго духовенства правительство предпринимало сокращеніе числа церквей и священно-церковнослужителей. При построеніи новой церкви требовалось предварительное разрѣшеніе высшей духовной власти и самого государя, обращалось вниманіе на число приходскихъ дворовъ, отводимыхъ для новой церкви, на достаточность средствъ для ея содержанія и на разстояніе ея отъ сосѣднихъ церквей. Но вопросъ объ улучшеніи содержанія духовенства такъ и остался нерѣшеннымъ. При Петрѣ уменьшилось даже и то благосостояніе, какимъ духовенство пользовалось прежде. Такъ еще съ 1698 года всѣмъ церквамъ, у которыхъ были какія-нибудь угодья и приходскіе дворы, прекращена была казенная руга, а тѣмъ, у которыхъ вовсе не было ни прихода, ни угодій, эту ругу велѣно выдавать только наполовину. Кромѣ того, самыя угодья церквей—мельницы, рыбныя ловли, лавки, постоянныя дворы и пчельники, которые были особенно любимой доходной статьей духовенства, были объявлены теперь оброчными статьями казны и обложены оброкомъ. Старые платежи въ архіерейскую казну сдѣлались для духовенства еще тяжелѣе прежняго, попавъ теперь въ вѣдомство сборщиковъ монастырскаго Приказа. Чтобъ усилить нравственное значеніе блага духовенства, рѣшили поставлять въ священники и дьяконы людей достойныхъ и противодѣйствовать обычаю, по которому мѣста передавались по наслѣдству и продавались, находясь въ зависимости отъ домовъ священнослужительскихъ. Наборъ дѣтей духовенства въ военную службу еще болѣе увеличилъ число недостойныхъ священниковъ и дьяконовъ, потому что молодые люди бросались на мѣста, чтобъ отбыть отъ военной службы. Народному значенію духовенства весьма много вредило еще то, что оно было притянуто къ общей тогда системѣ полицейскихъ доносовъ; оно обязано было доносить правительству о прихожанахъ, которые противодѣйствовали реформѣ, о распространителяхъ суевѣрій и расколовъ, о заговорахъ противъ государя, даже въ томъ случаѣ, если узнавали о нихъ на исповѣди.

Неудивительно, что при такомъ положеніи духовенства съ одной стороны, а съ другой — при жестокихъ гоненіяхъ со стороны правительства, — расколъ, какъ отрицаніе Церкви, усиливался постоянно, развѣтвляясь на безчисленные толки ⁶⁰⁾. Вразумленія церковнаго (кромѣ святителей, упомянутыхъ выше) онъ встрѣчалъ весьма мало. Безжалостный въ послѣдствіи къ неисправимымъ изувѣрамъ, Петръ въ первой половинѣ своего царствованія приказывалъ съ противниками Церкви съ кротостію и разумомъ поступать по Апостолу—„быхъ незаконнымъ яко незаконенъ, да незаконныхъ пріобрящу“, и „не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“. Онъ думалъ, какъ видно изъ этихъ словъ, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе съ перемѣною тона, ибо до тѣхъ поръ духовныя лица обращались къ раскольникамъ,

⁶⁰⁾ Снова повторяемъ, что предѣлы нашихъ «Разказовъ» не дозволяютъ намъ входить въ подробности дѣлъ раскольничьихъ.

какъ строгіе судьи къ преступникамъ. Петръ нашелъ человѣка, который могъ быть способнѣе другихъ къ такой перемѣнѣ обращенія: то былъ Питиримъ, игумень Переяславскаго Никольскаго монастыря, самъ бывшій прежде въ расколѣ и потому знавшій хорошо своихъ прежнихъ собратій. Въ 1706 году Петръ поручилъ ему обращеніе раскольниковъ увѣщательными средствами. Если царь не хотѣлъ преслѣдовать своихъ подданныхъ за религіозныя убѣжденія, то съ другой стороны, смотря на расколъ какъ на заблужденіе, онъ не могъ позволить, чтобы заблужденія распространялись въ народѣ. Онъ терпѣлъ расколъ только съ условіемъ, чтобы раскольники исполняли обязанности добрыхъ гражданъ и подданныхъ: такъ онъ прямо объявилъ Выгорѣцкимъ раскольникамъ, что позволяетъ имъ молиться по-старому, если только они будутъ усердно помогать ходу желѣзныхъ заводовъ. Выгорѣцкіе раскольники усердно работали, увѣряли царя, что они за него молятся, оказывали разные знаки своей преданности и потому безпрепятственно могли молиться по-старому. Но Петръ хорошо зналъ, что не всѣ раскольники были похожи на Выгорѣцкихъ, зналъ, что это самые злые противники преобразования, самые ревностные распространители ученія о новыхъ временахъ, какъ временахъ антихриста, зналъ, что эти люди толпами бѣгутъ и кроются въ лѣсахъ и пустыняхъ, лишая государство рабочихъ силъ и отбывая отъ службы. Петръ не хотѣлъ преслѣдовать безвредныхъ раскольниковъ; но чтобы они были безвредны, чтобы правительство могло терпѣть ихъ, какъ безвредныхъ, нужно было знать, что они, гдѣ они и сколько ихъ? Въ февралѣ 1716 года велѣно было переписать всѣхъ раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и чернецовъ и черницъ; но какъ Выгорѣцкіе раскольники получили право молиться по-старому за усердную работу на заводахъ, такъ и всѣ раскольники за это право должны были помочь государству въ его великой денежной нуждѣ, должны были платить двойной окладъ. Въ теченіе 12 лѣтъ Питиримъ обратилъ весьма много раскольниковъ въ юрьевецкомъ и балахнинскомъ уѣздахъ. Въ 1716 г. онъ послалъ въ керженскіе поповщинскіе скиты 130 вопросовъ, на которые раскольники отвѣчали тоже вопросами (числомъ 240), но отвѣтовъ на вопросы Питирима не прислали, уклоняясь отъ состязанія съ нимъ изъ боязни посрамленія. Послѣ неоднократныхъ требованій съ его стороны эти отвѣты присланы были къ нему въ 1719 году, когда онъ былъ уже епископомъ нижегородскимъ. Въ селѣ Пафнугевѣ наконецъ состоялся обмѣнъ этихъ отвѣтовъ съ отвѣтами Питирима и знаменитое собесѣдованіе его съ учителями Кержевцевъ: Варсонофіемъ и дьякономъ Александромъ, въ присутствіи многочисленной толпы раскольниковъ, кончившееся присоединеніемъ расколуучителей къ православію ⁶¹⁾. Отвѣты святителя Питирима подъ именемъ „Пращицы“ и исповѣдь Варсонофія напечатаны

⁶¹⁾ Александръ послѣ опять отступилъ отъ Церкви и былъ казненъ, какъ оскорбитель власти и обманщикъ (Собр. Зак. 1721 года № 3522).

и разосланы были по церквамъ ⁶²⁾. Питиримъ самъ объѣзжалъ скиты раскольниковъ, строилъ церкви, приготовлялъ и поставлялъ способныхъ священниковъ. Къ концу жизни его († 1738) въ его епархіи едва осталось 2000 раскольниковъ, тогда какъ въ 1716 году ихъ считалось свыше 40.000.

Для истребленія раскола необходимо было просвѣщеніе духовное, и оно составляло постоянную заботу царя-преобразователя. Въ кievской Могилянской коллегіи по восстановленіи ея ученіе продолжало процвѣтать. Тишина, водворившаяся въ Кіевѣ со времени присоединенія его къ семейству городовъ русскихъ, безопасность отъ всѣхъ притѣсненій, никогда не перестававшихъ въ мѣстахъ, подвластныхъ польской коронѣ, привлекали въ Кіевское училище и другихъ молодыхъ людей, не принадлежавшихъ даже державѣ русской. Отъ царей Іоанна и Петра коллегія получила двѣ грамоты: въ первой изъ нихъ предоставлено ей право безпрепятственно владѣть вотчинами со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, пожитками и доходами. Вторая грамота назначаетъ, еще въ первый разъ, царское жалованье коллегіальному начальству ⁶³⁾, хотя весьма скудное. Петръ-единовластитель даровалъ (26 сентября 1701 года) кievскимъ школамъ новую милостивую грамоту. Главное, что особенно было лестнымъ для коллегіи въ этой грамотѣ,—это названіе ея академіей, равно по привилегіямъ „инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ“. вмѣстѣ съ этимъ ученики въ царской грамотѣ наименованы „студентами“, съ правомъ неподсудности никому, кромѣ ближайшаго своего начальства. Съ этой поры началась новая эра существованія Кіево-Могилянской коллегіи; возведенная въ званіе академіи, она годъ отъ году становилась болѣе достойною своего высокаго имени.

⁶²⁾ Пращица Питирима спасла многихъ въ его паствѣ и въ другихъ мѣстахъ. Она показываетъ въ Питиримѣ не только удивительную начитанность, но умъ ясный и проницательный, вѣрное знаніе св. Писанія и духа Христовой Церкви. Съ мученическимъ терпѣніемъ старается онъ довести любящихъ споры до сознанія въ ошибкахъ, до разумнѣя вѣрнаго пути,—подробно разбираетъ съ ними каждое сомнѣніе ихъ, объясняетъ непонятое ими и съ сердечною теплотою обращается къ ихъ совѣсти. Здѣсь виденъ Питиримъ съ его умомъ здравымъ, съ его сердцемъ полной любви, съ рѣшимостію воли твердою; виденъ тотъ учитель Церкви, какой нуженъ въ борьбѣ съ расколомъ.

⁶³⁾ Эта грамота замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что она составляла какъ бы училищную инструкцію. Главнѣйшіе пункты ея суть слѣдующіе: преподавать науки «черезъ своихъ православныхъ префекторовъ и профессоровъ и учителей, а не отъиуда приходящихъ», вмѣнивъ имъ въ святую обязанность дѣлать свое дѣло «съ великою ревностію и тщаніемъ, такъ какъ и предки ихъ въ тѣхъ же школахъ, радѣтельно, спокойно и свободно дѣтей учили безо всякихъ препинаній, во всякомъ почитаніи и безопаствѣ». Преподавать же «не токмо питики и риторики, и философіи, и богословія ученіе, а также славено-россійскій, еллино-греческій и латинскій языкъ. Въ преподаваніи наукъ свободныхъ ни въ чемъ не отлучатися исповѣданія святаго восточнаго Церкви, наипаче остерегаться того накрѣпко, чтобъ ученіе было благочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія». Въ этой грамотѣ коллегія названа просто «школами», а всѣ воспитанники безъ различія «учениками».

Въ 1710 г. Кіевъ, пораженный тяжкимъ бѣдствіемъ—чумою ⁶⁴⁾, былъ свидѣтелемъ чуда, явленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ Своихъ. Только одинъ Михайловскій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи св. великомученицы Варвары, былъ сохраненъ вмѣстѣ съ подгорнымъ скитомъ своимъ отъ губительной болѣзни. Желая увѣковѣчить сіе великое знаменіе молитвеннаго ходатайста св. великомученицы, митрополитъ Іоасафъ сочинилъ ей акаѳистъ и установилъ прочитывать его еженедѣльно по вторникамъ, что исполняется донынѣ.

Конечно и академія не могла не раздѣлять бѣдствій своего края. Въ однихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіальному братству, произвели страшное опустошеніе моровая язва и саранча, а другія отошли за границу, подъ владычество Польши, по Прутскому договору, при которомъ Украина правой стороны Днѣпра досталась Польшѣ. Но внутреннее состояніе академіи день ото дня возвышалось. Особенно ректоръ ея Теофанъ Прокоповичъ, отрѣшившись отъ узъ схоластики, приобрѣлъ своими богословскими трактатами такую славу, какой никогда не имѣли его предмѣстники. Сверхъ того, высокое значеніе его, приобрѣтенное милостивымъ вниманіемъ государя и могущественнаго любимца его Меншикова, связи съ другими вельможами двора не могли не быть благодѣтельными и для училища; въ аудиторіи его стали слышаться знатнѣйшія фамиліи, и всѣ лучшіе помѣщики малороссійскіе, зная о любви монарха къ просвѣщенію, наперерывъ спѣшили отдать дѣтей своихъ въ единственное тогда училище. Граждане, купцы и мѣщане кіевскіе за честь себѣ поставляли быть въ числѣ воспитанниковъ академіи, заключавшей въ себѣ до 1100 слушателей.

Академія пользовалась покровительствомъ гетмановъ Мазепы и Скоропадскаго и имѣла постоянныхъ попечителей въ лицѣ митрополитовъ нѣвскихъ: Варлаама Ясинскаго (1690—1707) и Іоасафа Кроковскаго (1707—1718), который послѣ измѣны Мазепы былъ вызванъ Петромъ на соборъ въ Глуховъ вмѣстѣ съ другими святителями, чтобы предать проклятію коварнаго измѣнника и ненасытнаго честолюбца. Болѣзненно отзывалась въ сердцѣ Іоасафа анаѳема тому, кого за нѣсколько дней передъ симъ почиталъ онъ охранителемъ православія и благодѣтелемъ просвѣщенія; но скорбя о человѣкѣ, онъ поражалъ клятвою измѣнника вѣрѣ, царю-благодѣтелю и родному краю. Немедленно по прибытіи въ Кіевъ митрополитъ обнародовалъ актъ проклятія печатными листами, съ увѣщаніемъ ко всему народу пребывать въ вѣрности къ государю. Въ 1718 году, когда начался судъ

⁶⁴⁾ По словамъ очевидца, «пустъ городъ Кіевъ остался, яко выгнано всѣхъ обитателей изъ Кіева и странствоваху отъ града во градъ, единъ другаго чуждающися—отецъ дѣтей, дѣти отца, и мнозѣхъ трупіе поядаху звѣріе, птицы, псы и свинія. Церкви божественныя опустѣша, такожъ и монастыри, и не бѣ ни жертвы, ни приношенія, и таково быше время, яко ни купити, ни продати, ибо города сталися позапираны, дома позабиваны, жители изгнаны, и вся, яже кто имѣяше, оставляше и бѣгаше по пустыняхъ и поляхъ».

надъ царевичемъ Алексіемъ, Іоасафъ былъ вызванъ въ Петербургъ, но остановленъ въ Твери, и между тѣмъ какъ свитѣ его приказано было слѣдовать въ обратный путь, митрополитъ былъ заточенъ въ Тверскомъ Архангельскомъ монастырѣ, гдѣ 1 іюля 1718 года и скончался ⁶⁵). Онъ былъ послѣднимъ первосвятителемъ кievскимъ на правѣ избирательномъ; преемники его назначались уже по общему порядку.

Положеніе Московской академіи, въ началѣ царствованія Петра, было весьма неблагопріятно. Наступило время переходное: вліяніе греческаго языка смѣняется латинскимъ, кругъ ученой дѣятельности расширяется, наставниковъ беретъ академія не изъ Греціи, но изъ единоплеменной Руси юго-западной. Замѣчательно, что въ это время рушилась послѣдняя опора ученыхъ изъ Грековъ: послѣдній патріархъ Московскій, стоявшій за идеи царя Θεодора и Софіи, до самой смерти заботившейся о вызовѣ новыхъ ученыхъ изъ Грековъ, скончался, оставивъ академію въ опасности совершеннаго упадка. Дѣйствительно, непрестанная смѣна наставниковъ въ академіи послѣ Лихудовъ, дошедшая наконецъ до того, что некому было учить, сокращеніе предметовъ ученія, открытое гоненіе на языкъ Греческій, не могли обѣщать академіи прочнаго существованія, и это до тѣхъ поръ, пока не вступился въ ея участь преобразователь Россіи.

Первый изъ учениковъ Лихудовъ и почти послѣдній въ ряду наставниковъ, вышедшихъ изъ ихъ школы, Палладій Роговскій, не могъ напоминать собою Лихудовъ: заграничное образование не оставило въ немъ и слѣдовъ Греческаго образованія, полученнаго имъ въ Москвѣ, такъ что онъ не зналъ даже языка Греческаго. Слушавъ полтора года Лихудовъ еще въ школѣ Богоявленскаго монастыря, Палладій, желая „совершеннаго ученія“, удалился изъ Москвы, снялъ иноческое платье и учился годъ въ Вильнѣ въ іезуитской школѣ; потомъ въ Силезскомъ городѣ Нейссе провелъ еще годъ, „учася шитическому разуму“; отсюда перешелъ въ Ольмюцъ для слушанія реторики. Но ольмюцкіе іезуиты не соглашались допустить его въ школу, если онъ не приметъ уніи, и Палладій рѣшился изъ любви къ наукѣ на временное, впрочемъ, только наружное отступленіе отъ православія. Это открыло ему дорогу въ Римъ, гдѣ семь лѣтъ изучалъ онъ философію и богословіе въ греко-уніатской коллегіи, былъ здѣсь посвященъ въ пресвитера уніатскимъ митрополитомъ Онуфріемъ и, по окончаніи ученія, получивъ степень доктора философскихъ и богословскихъ наукъ, тайно уѣхалъ въ Россію, исповѣдалъ патріарху Адриану свое невольное отступничество, написалъ пространное исповѣданіе своей вѣры въ духѣ православія и проклялъ ученія, мудр-

⁶⁵) Вина Іоасафа осталась неизвѣстною. Можетъ быть замѣчали въ немъ расположеніе къ несчастному царевичу; еще болѣе правдоподобно, что митропол. навлекъ на себя подозрѣніе тѣмъ, что былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Мазенѣ и посѣщалъ его, при мнимой его болѣзни, въ Борнѣ, незадолго предъ открытіемъ измѣны.

ствованія, догматы и толкованія западныя, несогласныя съ ученіемъ Церкви восточной. Въ 1699 году патріархъ принялъ Палладія въ нѣдра православной Церкви, а на слѣдующій годъ поручилъ ему должность наставника въ академіи и поставилъ его игуменомъ Заиконоспасскаго монастыря ⁶⁶).

Между тѣмъ, по смерти патріарха Адріана во главѣ управленія дѣлами Церкви сталъ митрополитъ Стефанъ Яворскій. Въ 1701 году царь ввѣрилъ его непосредственному надзору и попеченію Московскую академію, и Яворскій первый принялъ названіе протектора академіи. Выборъ, сдѣланный Петромъ, оправдался какъ нельзя лучше: просвѣщенному вниманію Яворскаго обязана академія своимъ возстановленіемъ и распространеніемъ. Лучшій изъ тогдашнихъ воспитанниковъ Кіевской академіи, докончившій свое образованіе за границею, Стефанъ внушилъ царю, что лучшимъ образцомъ для устройства академіи Московской можетъ быть Кіевская, уже засвидѣтельствовавшая долговременными опытами доброе направленіе введеннаго въ ней образованія и даровавшая Церкви многихъ архиереевъ и ученыхъ, и Петръ, еще прежде указывавшій патріарху Адріану на кіевскихъ ученыхъ ⁶⁷), повелѣлъ „завестъ въ академіи ученія латинскія“. Сличая это распоряженіе Петра съ распоряженіями царя Θεодора Алексѣевича и патріарховъ восточныхъ, имѣвшими мѣсто при основаніи академіи и послѣ при Лихудахъ, находимъ, что тогда отдавали преимущество и даже исключительное господство образованію греческому, а теперь вводится образованіе латинское. Царь Петръ въ свое путешествіе по Европѣ видѣлъ одни разсадники латинскаго образованія и потому, внося преобразование во внѣшнюю жизнь народа, желалъ и науку облечь въ общепринятія на Западѣ формы. Стефанъ Яворскій, питомецъ школъ кіевской, львовской и познанской, очевидно, не могъ не сочувствовать порядку, введенному въ этихъ школахъ. Потому, въ силу указа царскаго, Яворскій обратился за учителями къ академіи Кіевской и послѣ смерти Палладія устроилъ академію Московскую по образцу Кіевской. Есть основаніе думать, что всѣ уроки читались и сочиненія были писаны на одномъ латинскомъ языкѣ: академія утратила прежнее названіе школъ греческихъ и именовалась латинскими славяно-латинскими школами ⁶⁸).

⁶⁶) Палладій училъ только на латинскомъ языкѣ, училъ недолго: излуренный продолжительнымъ и труднымъ ученіемъ въ школахъ западныхъ, онъ скончался 23 января 1703 года и погребенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

⁶⁷) Въ 1699 г. Петръ писалъ патріарху Адріану, что русское духовенство малограмотно, есть въ Москвѣ школа, но мало отъ нея пользы, надобно послать хоть 10 чело-вѣкъ въ Кіевъ для науки.

⁶⁸) Иерусалимскій патріархъ Досеѣй прислалъ въ 1703 году къ мѣстоблюстителю Стефану посланіе, въ которомъ выразилъ сильное негодованіе на недоброжелательство послѣдняго къ грекамъ, на латинское направленіе его сочиненій и на его изгнаніе изъ Московской академіи греческаго языка; при этомъ онъ заранѣе предварялъ мѣстоблюстителя,

Мы уже видѣли, что царь-преобразователь тяготился послѣднимъ патріархомъ. Хотя Адріанъ вовсе не походилъ на Никона и только безмолвіемъ протестовалъ противъ реформъ и нововведеній, но предъ глазами Петра всегда носился призракъ прежняго „властительнаго“ великаго государя⁶⁹⁾. Не надѣясь найти Адріану преемника просвѣщеннаго, достойнаго уваженія по благочестію и вмѣстѣ съ тѣмъ усерднаго сподвижника въ дѣлѣ преобразования государства, Петръ давно уже рѣшился уничтожить патріаршество въ Россіи и замѣнить его соборнымъ управленіемъ.

По волѣ царя, въ 1720 г. собранъ былъ соборъ пастырей церкви русской. Подъ предсѣдательствомъ самого царя соборъ разсуждалъ о высшемъ духовномъ правительствѣ. Признано было полезнымъ поручить управленіе церковію, вмѣсто патріарха, постоянному собору пастырей. Причины обнародованы слѣдующія: а) тогда какъ занятія одного лица могутъ останавливаться то болѣзнями, то смертію его, соборъ имѣетъ возможность вести дѣла безостановочно, и отвѣты на возможныя сомнѣнія могутъ быть всегда готовы. б) Легче дознать правду собору многихъ, чѣмъ одному лицу. в) Въ рѣшеніяхъ собора болѣе можетъ быть безпристрастія, чѣмъ въ рѣшеніяхъ одного лица. г) Рѣшенія собора болѣе имѣютъ важности и твердости, и потому охотнѣе будутъ исполняемы, чѣмъ рѣшенія одного лица. д) Ивліяніе сильныхъ не столько можетъ препятствовать правильнымъ опредѣленіямъ собора, чѣмъ рѣшеніямъ одного лица. Влѣдствіе сего положено было, не измѣняя ничего въ отношеніяхъ церковнаго пра-

что на востокѣ не потерпятъ, если его выберутъ въ патріархи. «Находясь въ Москвѣ, писалъ патріархъ, ты стерь въ конецъ еллинское училище и только о латинскихъ школахъ заботишься. Не можетъ быть патріархъ изъ Малороссіанъ или Бѣлоруссовъ, потому что они, имѣя сношеніе съ латинами, принимаютъ многіе нравы ихъ и догматы, за примѣрами не нужно далеко ходить: довольно тебя, который, отправившись въ латинскія земли для спусканія мудрости, принесъ хульные писанія въ даръ воспитавшей и почитвшей тебя восточной Церкви. Зачѣмъ ты опасаясь обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ (т.-е. иностранцевъ)? Святѣйшій патріархъ Іоакимъ, видя смущеніе въ Церкви, съ великимъ тщаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь!»

⁶⁹⁾ Въ первой части Регламента сказано: «Отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, каіе происходятъ отъ единаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивленный помышляетъ, что такоіу правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство: такъ самъ собою народъ умствовать привыкъ; что же, когда приложатся плевельные разговоры властолюбивыхъ духовныхъ лицъ и къ сухому хворосту огонь подложить? Простыя сердца такъ мнѣніемъ этимъ развращаются, что не столько смотрятъ на самодержца своего, сколько на верховнаго пастыря, и когда услышатъ между ними распрю, то всѣ болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю сочувствуютъ, хотя слѣпо и пребезумно, за духовнаго ратовать и бунтовать дерзаютъ, и лбстятъ себя окаянныя, что по самомъ Богѣ побораютъ и руки свои не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы и на кровопролитіе устремились. Такому въ народѣ мнѣнію очень рады бываютъ коварные люди, враждующіе на своего государя».

вленія, открыть постоянный духовный соборъ, который назывался сначала духовною коллегіею, а потомъ получилъ наименованіе „святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода“.

Въ 1721 году царь Петръ увѣдомилъ посланіемъ константинопольскаго патріарха, а черезъ него и прочихъ первосвятителей восточныхъ объ учрежденіи соборнаго правленія Русской церкви. Патріархъ Іеремія въ отвѣтъ на царское посланіе писалъ къ св. Синоду, признавая его братомъ во Христѣ восточныхъ патріарховъ, съ равною имъ церковною властію. Такое же посланіе получено отъ патріарха антиохійскаго Аванасія; патріархи александрійскій и іерусалимскій не прислали отъ себя отзыва, потому что первый скончался, а второй лежалъ на смертномъ одрѣ.

Такъ утвердился новый видъ высшаго управленія церкви русской!

Духовный Регламентъ, написанный Теофаномъ Прокоповичемъ, пересмотрѣнный соборомъ и утвержденный государемъ, какъ примѣненіе древнихъ церковныхъ правилъ къ состоянію русской церкви, сталъ церковнымъ правиломъ. Впрочемъ самимъ Регламентомъ какъ оставлены въ неприкосновенности и древней силѣ древнія правила соборовъ и отцовъ, такъ предоставлено Синоду вводить и новыя постановленія, по нуждамъ св. церкви, по руководству св. Писанія и правилъ церкви вселенской, по утвержденіи ихъ самодержавною властію ⁷⁰⁾.

Президентомъ св. Синода былъ назначенъ Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; за нимъ по старшинству слѣдовали члены: Теодосій (Яновскій), архіепископъ Новгородскій, Теофанъ, архіепископъ Псковскій, Петръ, архимандритъ Симоновскій, Леонидъ архимандритъ Петровскій, Филофей, архимандритъ Донской, греческій священникъ Анастасій Кондоиди, Іоаннь, протопопъ Троицкій, Петръ протопопъ Петропавловскій, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ.

Въ сущности постоянный соборъ, или Синодъ, остался тѣмъ же для русской церкви, чѣмъ было патріаршее правленіе, какъ и писали патріархи. Замѣнивъ собою патріаршество, онъ принялъ на себя и занятіе патріаршаго правленія. Священнымъ долгомъ его, долгомъ предъ Господомъ и церковію, служить слѣдующее: наблюдать за чистотою ученія и благолѣніемъ богослуженія, противодѣйствовать ересямъ и расколу, повѣрять сказанія о святыхъ и искоренять всякое суевѣріе, наблюдать за проповѣданіемъ слова Божія, избирать и поставлять достойныхъ архипастырей, преподавать наставленіе архипастырямъ въ случаѣ недоумѣнія ихъ, принимать и разрѣшать жалобы недовольныхъ

⁷⁰⁾ Указъ 25 января 1725 г.: «Должна есть колегія сія (св. синодъ) и новыми впередъ правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ востребуѣтъ разные разныхъ дѣлъ случаи». Первое прибавленіе къ Регламенту составлено было Синодомъ въ 1722 г. Въ Указѣ 1732 г. издано Синодомъ новое дополненіе (Собр. Зак. № 6177). Вообще указы Синода съ правилами составляютъ дополненія къ Регламенту.

рѣшеніями церковныхъ правителей. Преимущественному смотрѣнію его принадлежать всѣ духовныя училища и всѣ лица духовнаго званія, равно цензура духовныхъ книгъ, свидѣтельствованіе мощей и чудесъ и сопричисленіе къ лику святыхъ. Ему принадлежит окончательное рѣшеніе дѣлъ о сомнительныхъ бракахъ или о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и о расторженіи брака. Вообще же все, что можетъ имѣть вліяніе на состояніе отечественной церкви по отношенію къ догматамъ вѣры или къ богослуженію и правленію, составляетъ предметъ заботъ и разсужденій св. Синода ⁷¹⁾.

К О Н Е Ц Ъ .

⁷¹⁾ Исторія русской Церкви Филарета, ч. V, стр. 3—5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга первая.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Первые проявленія христіанства на землѣ Русской.—Аскольдъ и Дирь.—Св. княгиня Ольга.—Первые мученики.—Варяги.—Св. равноапостольный князь Владиміръ.—Свв. страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ.—Преп. Ефремъ Новоторжскій	1
ГЛАВА II. Раздѣленіе Россіи на удѣлы.—Вел. кн. Ярославъ I.—Распространеніе христіанства.—Различіе между православною и латинскою проповѣдью Евангелія.—Іерархія Русской Церкви.—Способы содержанія духовенства.—Церковнос управленіе.—Уставы Владиміра и Ярослава о судахъ церковныхъ	14
ГЛАВА III. Начало ипочества въ Россіи.—Основаніе Киевопечерской обители.—Преподобные Антоній и Θεодосій.—Сооруженіе и освященіе Великой церкви	22
ГЛАВА IV. Подвижники Печерской обители: затворники, претерпѣвшіе искушеніе духовной гордости, похоти плотской и сребролюбія;—образцы добродѣтелей и служенія ближнимъ: проповѣдники вѣры Христовой.—Распространеніе христіанства въ Ростовской области и вообще на сѣверныхъ окраинахъ Русской земли	34
ГЛАВА V. Гибельныя послѣдствія удѣльной системы правленія.—Убіеніе св. князя Игоря-Гавріила.—Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій.—Преп. Антоній Римлянинъ.—Сыновья Великаго Мстислава: св. Всеволодъ и блаж. Ростиславъ	51
ГЛАВА VI. Основаніе великаго княженія во Владиміръ.—Юрій Долгорукій.—Сынъ его св. Андрей Боголюбскій.—Св. епископы Новгородскіе: Нифонтъ и Ілія-Іоаннъ.—Св. князь Мстиславъ Храбрый.—Преп. княжна Евфросинія.—Св. Кириллъ Туровскій.—Преп. Никита столпникъ.—Преп. Варлаамъ Хутынский и ученики его	60
ГЛАВА VII. Всеволодъ Великій.—Взятіе Царьграда Латинами.—Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи.—Мстиславъ Удалой.—Борьба между сыновьями Всеволода: Константиномъ и Георгіемъ (Юріемъ).—	

Св. Симонъ, епископъ Владимірскій.—Князья Муромскіе: св. Петръ и св. Февронія.—Св. князь Ѳеодоръ Новгородскій.—Дѣла Галицкія.—Первое нашествіе Татаръ и битва на р. Калкѣ.—Нашествіе Батыя.—Разореніе Рязани, Владиміра и другихъ городовъ.—Убіеніе св. великаго князя Георгія.—Св. Василько князь-мученикъ.—Разореніе Кіева.—Порабощеніе Русской земли	73
---	----

Книга вторая.

ГЛАВА I. Состояніе Русской земли подъ игомъ Монголовъ.—В. князь Ярославъ Всеволодовичъ.—Состояніе Церкви.—Блаж. митрополитъ Кирилль.—Побѣда св. Александра Невскаго надъ Шведами и Ливонскими рыцарями.—Мученическій подвигъ св. кн. Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора.—Св. Александръ на великомъ княженіи.—Кончина его	89
ГЛАВА II. Братья св. Александра на великомъ княженіи.—Мученичество св. кн. Романа Рязанскаго.—Соборъ 1274 года во Владимірѣ.—Постановленія этого собора.—Блаж. Серапіонъ, епископъ Владимірскій.—Преп. Петръ, царевичъ ордынскій.—Князья подвижники благочестія: Романъ Угличскій, Василій Волынскій и сынъ его Владиміръ-Іоаннгъ.—Св. Прокопій, юродивый Устюжскій	100
ГЛАВА III. Сыновья св. Александра Невскаго: Димитрій и Андрей.—Блаж. Симеонъ, епископъ Тверской.—Кончина митрополита Кирилла.—Св. кн. Ѳеодоръ Смоленскій и Ярославскій.—Св. кн. Даніиль Московскій.—Св. Довмонтъ, храбрый князь Псковскій	113
ГЛАВА IV. Борьба между Тверью и Москвою.—Страдальческая кончина в. к. Михаила Ярославича Тверского въ Ордѣ.—Горестная судьба потомковъ его.—Облегченіе ига при великомъ княженіи Іоанна Даниловича Калиты.—Кончина блаж. митрополита Максима.—Св. митрополитъ Петръ.—Возвышеніе Москвы.—Смерть Іоанна Калиты	123
ГЛАВА V. Присоединеніе южно-русскихъ княжествъ къ Литвѣ.—Ольгердь, в. к. Литовскій.—Литовскіе мученики.—В. к. Симеонъ.—Подвигъ св. Ѳеогноста въ Ордѣ.—Начало дѣятельности св. Алексія.—Кончина св. Ѳеогноста и великаго князя Симеона Гордаго.—В. к. Іоаннгъ Іоанновичъ.—Св. Алексій, митрополитъ всея Руси.—Юность и первые подвиги преп. Сергія Радонежскаго.—Исцѣленіе Тайдулы.—В. к. Димитрій Суздаль-	

ский.—Основаніе монастырей св. Алексіемъ.—Юный Димитрій Иоанновичъ на великомъ княженіи.—Конецъ борьбы между Москвою и Тверью.—Преставленіе св. Алексія.—Памятники его пастырской дѣятельности.—Куликовская битва.—Кончина Донского.—Сынъ его, в. к. Василій Дмитріевичъ.—Явленіе Богоматери преп. Сергію.—Преставленіе преп. Сергія 134

ГЛАВА VI. Видѣніе св. Сергія объ ученикахъ его.—Преп. Никонъ Радонежскій.—Обители иноческія, основанныя преп. Сергіемъ.—Ученики его, основатели монастырей: Романъ Киржачскій, Андроникъ и Савва Московскіе, Ѳеодоръ и Павелъ Борисоглѣбскіе, Ѳеодоръ Симоповскій (послѣ архіепископѣ Ростовскій), Меодій Пѣшношскій, Аѳанасій Серпуховской, Савва Стромынскій, Григорій Голутвинскій, Никита Высоцкій, Ѳерапонтъ Боровенскій, Авраамій Чухломскій, Савва Дубенскій и Сторожевскій, Ксенофонтъ Тутанскій, Іаковъ Желѣзноборскій, Аѳанасій и Ѳеодосій Череповскіе, Пахомій Перехотскій, Никита Костромской, Сильвестръ Обнорскій, Павелъ Обнорскій, Сергій Нуромскій, Кирилль Бѣлозерскій, Ѳерапонтъ Можайскій . 158

ГЛАВА VII. Друзья и собесѣдники преп. Сергія Радонежскаго: Стефанъ Махрицскій, Димитрій Прилуцкій, святитель Діонисій Суздальскій съ ученикомъ своимъ, преп. Евѳиміемъ.—Проповѣдники вѣры Христовой: Святитель Стефанъ въ Великой Перми; Сергій и Германъ Валаамскіе и Арсеній Коневскій на островахъ и берегахъ Ладожскаго озера; Кирилль Челмогорскій — въ странѣ Каргопольской; Авва Лазарь—между Лопарями.—Начало упадка Новгородской вольности.—Юродивые въ Новгородѣ: Николай Кочановъ и Ѳеодоръ 182

ГЛАВА VIII. Конецъ церковной смуты.—Нашествіе Тамерлана.—Принесеніе въ Москву чудотворной Владимірской иконы Богоматери.—Пастырскіе и книжныя труды св. митрополита Кипріана.—Преставленіе его.—Св. мученица Юліанія, княгиня Вяземская.—Св. великая княгиня Евдокія-Евфросинія Московская.—Св. митрополитъ Фотій.—Временное раздѣленіе русской митрополіи.—Григорій Симвакъ, митрополитъ юго-западной Руси.—Кончина в. кн. Василя Дмитріевича.—Великій князь Василій Васильевичъ.—Возсоединеніе митрополіи.—Преставленіе святителя Фотія.—Посланія и поученія его.—Ересь или расколъ стригольниковъ.—Заключеніе книги 201

Книга третья.

Стр.

- ГЛАВА I. Св. Иона, епископъ Рязанскій.—Междоусобія между великимъ княземъ Василіемъ и дядею его Юріемъ.—Митрополитъ Исидоръ и соборъ во Флоренціи для присоединенія Церквей.—Послѣдствія этого собора.—Злодѣйства Шемяки.—Обличительное посланіе святителей.—Возведеніе св. Ионы на престолъ митрополіи.—Пастырскіе его подвиги.—Завоеваніе Константинополя Турками.—Кончина св. Ионы.—Чудеса его.—Смерть Василія Темнаго 223
- ГЛАВА II. Угодники Божіи, современные св. митрополиту Іонѣ: святители: Евѣимій и Иона Новгородскіе; Герасимъ, Питиримъ и Иона Пермскіе.—Преподобные: Паисій Галичскій; Діонисій, Амфилохій, Макарій и Тарасій Глушицкіе; Филиппъ Рабангскій и Григорій Пельшемскій; Макарій Желтоводскій и Уженскій; Александръ Куштскій; Евѣимій и Харитонъ Сянжемскіе; Іоасафъ Спасокаменскій; Варлаамъ Шенкурскій или Вежскій; Савва Вишерскій и Ефремъ Перекомскій; Пафнугій Боровскій.—Юродивые: Максимъ Московскій, Исидоръ Ростовскій и Михаиль Клонскій 241
- ГЛАВА III. Іоаннъ III Васильевичъ, Великій и Державный.—Покореніе Новгорода.—Бражъ съ Греческою царевною.—Освобожденіе отъ ига монгольскаго.—Уничтоженіе удѣловъ.—Война съ Литвою для защиты православія въ Западной Руси.—Соборы въ Москвѣ.—Ересь жидовствующихъ.—Подвиги св. Геннадія Новгородскаго и преп. Іосифа Волоцкаго 266
- ГЛАВА IV. Ревность о православіи и просвѣщеніи въ южно-русской митрополіи.—Соборъ въ Вильнѣ.—Священномученикъ Макарій, митрополитъ Кіевскій.—Упадокъ образованія въ сѣверной Руси.—Обители иноческія—разсадники духовнаго просвѣщенія.—Библия, собранная святителемъ Геннадіемъ.—Жизнь и писанія преп. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.—Свѣтъ Христовъ на крайнемъ сѣверѣ: преп. Евѣимій Корельскій и первоначальники Соловецкіе—Савватій, Германъ и Зосима 279
- ГЛАВА V. Подвижники и основатели монастырей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка: преп. Маргинянъ и ученикъ его, блажен. Галактіонъ; преп. Макарій Калязинскій, Паисій Углицкій, князь Іоаннъ-Игнатій, Кассіанъ Грекъ, Савва Крыпецкій, Александръ Свирскій, Корнилій Комельскій и Кириллъ Новоезерскій 304
- ГЛАВА VI. Великій князь Василій Іоанновичъ.—Завоеваніе Смоленска, присоединеніе Пскова, Рязанскаго и Сѣверскаго удѣловъ.—Нашествіе Крымскаго хана и чудное видѣніе инокини.—Расторженіе брака великокняжескаго.—Блаженная княгиня-

инокиня Софія.—Преподобный Максимъ Грекъ.—Блаженный Теодоритъ и преп. Трифонъ Кольскій, просвѣтители сѣверныхъ Лопарей.—Утвержденіе вѣры Христовой между Чудскими племенами.—Второй бракъ великаго князя и рожденіе наслѣдника.—Кончина Василя Іоанновича 321

Книга четвертая.

- ГЛАВА I. Малолѣтство царя.—Изгнаніе двухъ митрополитовъ.—Внезапное исправленіе молодого самодержца.—Вѣнчаніе Іоанна на царство и первый бракъ его.—Соборы 1547—1549 года.—Стоглавъ.—Ересь Башкина и Косого.—Дѣло о дьякѣ Висковатомъ.—Покореніе Казани и учрежденіе Казанской епархіи.—Болѣзнь Іоанна.—Кончина царицы Анастасіи 337
- ГЛАВА II. Святители, современные первой половинѣ царствованія Іоанна IV: митрополиты: св. Іоасафъ и Макарій; святитель Гурій Казанскій и сотрудники его, Варсонофій и Германъ. Преп. иноки-подвижники: Даніилъ Переяславскій, Германъ Болдинскій, Арсеній Комельскій, Адріанъ Ондрусовскій, Геннадій и Никифоръ Важеозерскіе, Антоній Сійскій, Пилъ Столбенскій, св. Василій юродивый Московскій 351
- ГЛАВА III. Вторая половина царствованія Іоанна IV.—Послѣдніе дни св. Германа Казанскаго.—Священномученикъ Филиппъ митрополитъ.—Разгромъ Новгорода; преп. Арсеній затворникъ и прав. Никола Салось.—Преподобномученикъ Корнилій Псково-печерскій.—Прославленіе мощей св. Никиты Новгородскаго и чудо въ Нарвѣ.—Явленіе Богородичной иконы въ Казани.—Заступленіе Богоматери во время достославной осады Пскова.—Антоній Поссевинъ и происки папизма.—Сыноубійство.—Смерть Грознаго царя 375
- ГЛАВА IV. Царь Θεодоръ и правитель Борисъ Годуновъ.—Установленіе патріаршества.—Права и преимущества патріарха.—Убіеніе царевича Димитрія.—Прославленіе мощей преп. Антонія Римлянина и св. князя Романа Углицкаго.—Крымскій канъ подъ Москвою.—Достопамятное слово Θεодора Годунову.—Бѣдствіе Нижегородскаго Печерскаго монастыря.—Кончина Θεодора.—Воцареніе Бориса 397
- ГЛАВА V. Состояніе Церкви Кіевской митрополіи въ XVI вѣкѣ.—Церковная унія.—Состояніе Церкви Московской митрополіи.—Упадокъ иноческой жизни.—Угодники Божіи: преподобные Никандръ Псковскій, Адріанъ и Ѳерапонтъ Монзенскіе; юродивые: Симонъ Юрьевскій и Іоаннъ Московскій 411

ГЛАВА VI. Смутное время.—Царь Борисъ.—Попеченія патріарха Іова о распространеніи вѣры.—Гоненіе на Романовыхъ.—„Великій гладъ“ и прав. Юліанія Лазаревская.—Смерть Бориса и гибель его семейства.—Лжедмитрій.—Заточеніе патріарха Іова.—Лжепатріархъ Игнатій.—Воцареніе Василя Шуйскаго.—Патріархъ Гермогенъ.—Перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей св. царевича Димитрія.—Погребеніе Годуновыхъ въ лаврѣ Сергіевой.—Смятенія.—Всенародное покаяніе.—Преставленіе патріарха Іова.—Низверженіе Шуйскаго съ престола.—Твердость патріарха Гермогена.—Междоцарствіе.—Ужасы безначалія и разврата 428

ГЛАВА VII. Подвиги духовенства въ „смутное время“.—Святители: Филаретъ Ростовскій, Сергій Смоленскій, Сильвестръ Вологодскій.—Преп. Галактіонъ.—Преп. Иринархъ, затворникъ Ростовскій.—Исидоръ, митрополитъ Новгородскій.—Открытіе мощей св. князя Ѳеодора.—Преп. Антоній Леохновскій.—Затворникъ Іоаннь.—Святители: Геннадій Псковскій, Ѳеоктистъ Тверской, Іосифъ Коломенскій, Галактіонъ Суздальскій.—Протоіерей Димитрій и Амось.—Преп. Евфросинъ Синозерскій.—Разореніе Пафнутьева монастыря.—Знаменитая осада лавры Сергіевой.—Архимандриты лавры Іоасафъ и Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ.—Ляхи въ Москвѣ.—Послѣдніе подвиги и страдальческая кончина патріарха Гермогена.—Троицкія грамоты.—Постъ и покаяніе народа.—Возстаніе городовъ.—Явленія преп. Сергія Козьмѣ Минину.—Очищеніе Москвы.—Избраніе на царство Михаила Романова . 432

Книга пятая.

ГЛАВА I. Воцареніе Михаила Романова.—Подвигъ Сусанина.—Возращеніе изъ плѣна митрополита Филарета.—Дѣятельность его въ санѣ патріаршемъ: народная перепись; патріаршіе приказы; исправленіе богослужебныхъ книгъ.—Труды и страданія преп. Діонисія.—Учрежденіе Сибирской епархіи.—Сношенія съ Грузіей.—Принесеніе Ризы Господней въ Москву.—Преставленіе Филарета.—Отношенія его къ папству и протестантству.—Патріархи Іоасафъ I и Іосифъ.—Кончина царя Михаила . . 467

ГЛАВА II. Угодники Божіи, жившіе въ первой половинѣ XVII вѣка, преподобные: Діонисій, архимандритъ лавры Сергіевой,—ученикъ его блаж. Дорофей,—Иринархъ, игуменъ Соловецкій,—Діодоръ Юрьегорскій,—Прокопій Вятскій,—Вассіанъ Тотем-

- скій,—Симеонъ Верхотурскій,—Симонъ Воломскій.—Упадокъ иночества и просвѣщенія.—Сѣмена будущаго раскола 478
- ГЛАВА III. Страданія южно-русскаго народа отъ уни.—Иоасафатъ Кунцевичъ.—Возстановленіе православной іерархіи.—Архипастыри Кіевскіе: Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій 487
- ГЛАВА IV. Благодѣтельное правленіе митрополита Петра Могилы.—Кіевская коллегія.—Преподобные Аѳанасій Брестскій и Іовъ Почаевскій 497
- ГЛАВА V. Первые годы правленія царя Алексія Михайловича.—Никонъ до патріаршества.—Преп. Елеазаръ Анзерскій.—Бунтъ въ Новгородѣ.—Перенесеніе въ Московскій Успенскій соборъ мощей святителей, пострадавшихъ за вѣру и отечество.—Никонъ патріархъ.—Присоединеніе Малороссіи и счастливая война съ Польшей.—Моровая язва.—Церковная дѣятельность Никона.—Основанные имъ монастыри.—Заботы о просвѣщеніи.—Исправленіе богослужебныхъ книгъ.—Сношеніе съ Востокомъ.—Соборы 1654 и 1655 г.—Судьба расколоучителей 511
- ГЛАВА VI. Охлажденіе дружбы царя съ патріархомъ.—Козни враговъ Никона.—Удаленіе Никона въ Воскресепскій монастырь.—Прибытіе Паисія Лигарида.—Вопросы Стрѣшнева Паисію.—Обыскъ въ тайномъ архивѣ патріарха.—Дѣло Бобарыкина.—Дѣло Зюзина.—Прибытіе двухъ восточныхъ патріарховъ.—Соборъ 1666 г.; судъ надъ Никономъ.—Низложеніе и заточеніе бывшаго патріарха.—Соборъ 1667 г.; одобреніе книжнаго исправленія; судъ надъ расколоучителями и ихъ послѣдователями 536
- ГЛАВА VII. Преемники Никона, патріархи Иоасафъ II и Питиримъ.—Патріархъ Іоакимъ.—Соловецкій бунтъ.—Кончина царя Алексія.—Никонъ въ заточеніи.—Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.—Возвращеніе и кончина Никона.—Дѣятельность патріарха Іоакима.—Соборъ 1681 года.—Заботы о просвѣщеніи.—Московское училище.—Состояніе духовнаго просвѣщенія на югѣ.—Дѣла южной митрополіи.—Митрополиты: Діонисій Балобанъ.—и Іосифъ Нелюбовичъ - Тукальскій 557
- ГЛАВА VIII. Уничтоженіе мѣстничества.—Кончина царя Ѳеодора.—Цари Петръ и Іоаннъ подъ опекою царевны Софіи.—Стрѣлецкій и раскольничій мятежи въ Москвѣ.—Строгія мѣры противъ раскола.—Усиленіе раскола и раздѣленіе его на толки.—Борьба патріарха Іоакима съ расколомъ и папизмомъ.—Развитіе устной проповѣди.—Законоспаская академія.—Братья Іоанникій и Софроній Лихуды.—Споры о „пресуществленіи“ въ таинствѣ Евхаристіи.—Подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху.—Виды патріарха Іоакима относительно южныхъ Славянъ 574

ГЛАВА IX. Послѣдній патріархъ Адріанъ.—Характеръ и дѣятельность царя Петра.—Отношенія его къ дѣламъ церковнымъ, къ ду- ховенству Великороссійскому и Малорусскому и къ монаше- ству.—Монастырскій приказъ.—Святители: Іовъ Новгородскій, св. Митрофанъ Воронежскій, Стефанъ Рязанскій, св. Димитрій Ростовскій, Филоеѣй Тобольскій, св. Иннокентій Иркутскій, Феофанъ Прокоповичъ.—Взглядъ Петра на монастыри.—Поло- женіе монашества и бѣлаго духовенства.—Мѣры противъ раскола; дѣйствія Питирима.—Состояніе духовнаго просвѣще- нія въ Кіевѣ и въ Москвѣ.—Церковные суды.—Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе св. Синода	592
--	-----